З. 38
Ш. 64.
II. 3
№ 8.

Проверено 1950

Первые князья — Миротворцы

зала 38 64
шкафъ
полка 3
№ 8

Лит. Т-ва И. Н. Сытина Москва Балашиха

Гос.
Публичная
Б-ка
в
Ленинграде

ПЕРВЫЕ КНЯЗЬЯ-МИРОТВОРЦЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ:

Владимиръ Всеволодовичъ МОНОМАХЪ

и

Александръ Ярославичъ НЕВСКІЙ.

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

Составилъ
І. Сениговъ.

Съ рисунками.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина, въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. Москва, 21 марта 1903 г.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Валовая улица, свой домъ.
МОСКВА.— 1903.

Первые князья-миротворцы древней Руси: Владимиръ Всеволодовичъ Мономахъ и Александръ Ярославичъ Невскій.

I.

Послѣ великаго князя кіевскаго Владимира Святого никто изъ древне-русскихъ князей не пользовался на „святой“ Руси такою народною любовью, какъ Владимиръ Мономахъ на югѣ Россіи, преимущественно у кіевлянъ, а Александръ Невскій,—на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, главнымъ образомъ, у жителей Владимира, одного изъ первыхъ городовъ Суздале-Ростовскаго края.

Не забудетъ русскій народъ этихъ князей: водворяя миръ и тишину въ современномъ имъ обществѣ, они во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ руководились первою заповѣдью Христова ученія о любви къ ближнему.

Чтобы лучше понять и оцѣнить славныя дѣянія Владимира Мономаха, одного изъ любимыхъ героевъ нашихъ предковъ, мы прежде всего припомнимъ дѣянія тѣхъ древне-русскихъ князей, которые или жили незадолго до перваго миротворца древней Руси, или же были его современниками. Къ числу этихъ князей относились сыновья и внуки великаго князя кіевскаго Ярослава Мудраго. У него было 6 сыновей; изъ нихъ старшій сынъ, Владимиръ, умеръ при жизни отца.

Когда не стало Ярослава Мудраго, великокняжескій престолъ кіевскій занялъ слѣдующій за Владимиромъ сынъ Изяславъ.

Чувствуя приближеніе своей кончины, Ярославъ далъ такой завѣтъ дѣтямъ:

„Вотъ я отхожу отъ сего свѣта, сыновья мои! Имѣйте любовь между собою: всѣ вы братья одного отца съ матерью. Если будете жить въ мирѣ, то Богъ будетъ съ вами и покоритъ вамъ всѣхъ противящихся вамъ. А если встанетъ ненависть между вами, будете жить въ распряхъ и ссориться другъ съ другомъ, тогда погибнете сами, погубите и землю дѣдовъ и отцовъ вашихъ, а они достали ее великимъ трудомъ. Пребывайте въ мирѣ, слушаясь братъ брата. Я же замѣсто себя поручаю старшій столъ кіевскій старшему изъ васъ—Изяславу. Слушайтесь его, какъ меня слушались. Пускай онъ вамъ будетъ вмѣсто отца“.

Помня отцовскій завѣтъ, сыновья Ярослава Мудраго жили сначала въ мирѣ. Каждый со своею дружиной и своимъ боярствомъ сидѣлъ въ собственной княжеской столицѣ: Изяславъ—въ Кіевѣ, Святославъ—въ Черниговѣ, Всеволодъ—въ Переяславлѣ, Вячеславъ—въ Смоленскѣ, а Игорь—во Владимирѣ-Волынскомъ. По важнымъ дѣламъ, которыя касались всей Русской земли, они съѣзжались къ старшему брату Изяславу, „къ гробамъ родителей“ въ великокняжескій городъ Кіевъ.

Такъ три старшихъ сына Ярослава Мудраго съѣхались однажды на великое торжество, бывшее въ Кіевѣ; тамъ праздновалось перенесеніе мощей святыхъ Бориса и Глѣба. Въ ихъ память князь Изяславъ создалъ новую церковь въ самомъ Кіевѣ, а прежде ихъ мощи покоились въ Вышгородѣ подъ Кіевомъ. Народъ радовался, глядя, какъ братья, всѣ трое Ярославичей, въ крестномъ ходѣ

священниковъ, епископовъ и митрополита, несли на своихъ плечахъ раку (т.-е. гробницу) святого Бориса; впереди шли монахи съ зажженными свѣчами и дьяконы съ кадилами. Послѣ церковнаго торжества во дворѣ великаго князя Изяслава былъ пиръ на всю братію; князья въ великой

Великій князь Ярославъ Мудрый.

любви сидѣли за однимъ общимъ столомъ, каждый со своимъ боярствомъ.

Когда умеръ смоленскій князь Вячеславъ Ярославичъ, братья перевели на его мѣсто Игоря изъ Владимира-Волынскаго, а во Владимиръ-Волынскій перевели изъ Ростова своего племянника Ростислава, сына Владимира Ярославича, умершаго при жизни отца. Этотъ Ростиславъ былъ князь-изгой.

Изгоями назывались въ старину князья, которые, вслѣдствіе ранней смерти своихъ родителей, не получали опредѣленнаго владѣнія въ русской землѣ, а должны были довольствоваться тѣмъ княжествомъ, которымъ надѣляли ихъ по своему усмотрѣнію дядья и вообще ихъ старшіе родственники.

Не надѣясь когда-либо сдѣлаться великимъ кіевскимъ княземъ, Ростиславъ Владимировичъ тяготился всегдашнею зависимостью отъ дядей. Будучи, по словамъ древне-русскаго лѣтописца, „добръ на рати“ (то-есть, отличаясь искусствомъ въ военномъ дѣлѣ), этотъ князь не довольствовался тѣмъ княжествомъ, которое онъ получилъ отъ дядей. Ростислава Владимировича манила къ себѣ Тмутаракань. Это былъ городъ, расположенный по берегу Азовскаго моря, по сосѣдству со степнымъ пространствомъ, на рубежѣ степного приволья, гдѣ кочевали остатки разноплеменныхъ народовъ, изъ которыхъ храброму вождю всегда можно было набрать себѣ храбрую дружину. Заманчивой казалась храброму Ростиславу та мѣстность, въ которой княжилъ знаменитый Мстиславъ Тмутараканскій, братъ Ярослава Мудраго. Нигдѣ, кромѣ Тмутаракани, не могъ отважный внукъ Ярославовъ, Ростиславъ Владимировичъ, добыть себѣ неустрашимыхъ витязей и богатырей, съ помощью которыхъ князь-изгой имѣлъ возможность достать себѣ хорошую волость. По дорогѣ къ Тмутаракани Ростиславъ набралъ себѣ дружину. Придя въ этотъ городъ, онъ изгналъ оттуда двоюроднаго брата своего Глѣба Святославича, внука Ярослава, и сѣлъ на его мѣсто. Отецъ Глѣба, Святославъ, пошелъ на Ростислава; тотъ не хотѣлъ поднять рукъ на дядю, и вышелъ изъ города, куда Святославъ опять ввелъ своего сына; но какъ скоро

дядя ушелъ домой, Ростиславъ вторично выгналъ Глѣба, и на этотъ разъ утвердился въ Тмутаракани. Нападая на сосѣдніе народы и беря съ нихъ дань, онъ навелъ такой страхъ на грековъ, что тѣ подослали къ нему корсунскаго начальника (котопана). Ростиславъ принялъ котопана безъ всякаго подозрѣнія и оказывалъ ему почести, какъ мужу знатному и послу. Однажды князь пировалъ съ дружиною; котопанъ, взявъ чашу, сказалъ Ростиславу:

— Князь! Хочу пить за твое здоровье.

— Пей! — отвѣчалъ Ростиславъ.

Котопанъ выпилъ половину, другую же подалъ князю, но прежде дотронулся до края чаши и выпустилъ въ нее ядъ, скрытый подъ ногтемъ; по его расчету, князь долженъ былъ умереть отъ этого яда въ осьмой день. Послѣ пира котопанъ отправился назадъ въ Корсунь и объявилъ, что въ такой-то день Ростиславъ умретъ, что и случилось. Этого котопана корсунцы побили камнями.

По словамъ древне-русскаго лѣтописца, Ростиславъ былъ „добръ на рати, высокъ ростомъ, красивъ лицомъ и милостивъ къ убогимъ“. Мѣсто его въ Тмутаракани занялъ Глѣбъ Святославичъ, который, пробывъ нѣкоторое время на югѣ, отправился на сѣверъ. Въ исторіи Новгорода Великаго этотъ князь прославился, какъ усмиритель народнаго мятежа. Въ бытность его въ Новгородѣ появился тамъ одинъ волхвъ-кудесникъ изъ Чуди (чудь — одно изъ финскихъ племенъ) и соблазнялъ народъ, хуля христіанскую вѣру. Унимать мятежниковъ вышелъ епископъ съ крестомъ въ рукахъ,—его не слушались. Тогда вышелъ на площадь князь Глѣбъ Святославичъ и крикнулъ:

— Кто за крестъ Христовъ, пускай идетъ ко владыкѣ, а кто за волхва — пусть становится на его сторону!

Самъ князь со своею дружиною пошелъ ко кресту. Народъ колебался. Тогда князь Глѣбъ выступилъ впередъ и лицомъ къ лицу обратился къ кудеснику:

— Знаешь ли, что будетъ, и можешь ли разсказать будущее?

— Знаю, — отвѣтилъ кудесникъ, — я сотворю много чудесъ.

— А что будетъ сейчасъ? — опять спросилъ Глѣбъ.

— Знаю и это, — отвѣтилъ волхвъ.

Князь вдругъ выхватилъ топоръ изъ-подъ своей мантіи и однимъ ударомъ положилъ лжеца на мѣстѣ. Толпа смирилась.

Княжа въ Новгородѣ, князь Глѣбъ славно воевалъ съ мелкими финскими племенами, съ которыми постоянно приходилось вѣдаться новгородцамъ. Въ одномъ изъ своихъ походовъ, именно въ Заволоцкую Чудь, этотъ князь сложилъ свою молодецкую голову.

Похожимъ на Ростислава Владимировича и Глѣба Святославича, для которыхъ не благоденствіе русской земли, а воинскіе подвиги и нажива составляли главную задачу и цѣль ихъ жизни, является полоцкій князь Всеславъ. Однажды этотъ князь неожиданно напалъ на Новгородъ и захватилъ множество добычи; онъ снялъ даже церковныя паникадила въ соборѣ святой Софіи. Сыновья Ярослава Мудраго рѣшили наказать дерзкаго нарушителя земскаго мира на Руси. Полочане, почитая Всеслава за своего „прирожденнаго князя“, готовы были защищать его до послѣдней капли крови, вслѣдствіе чего война была лютая

и кровопролитная: такъ всегда бывало, когда въ распри князей вмѣшивался самъ народъ. Какъ ни бились, однако, грозные полочане, Всеславъ былъ побѣжденъ и смирился. Но великій князь Изяславъ поступилъ съ нимъ дурно: забывъ отцовскій завѣтъ, онъ задумалъ отобрать полоцкое княженіе въ свой родъ для своихъ собственныхъ дѣтей; несчастнаго и смирившагося передъ нимъ Всеслава онъ привелъ плѣнникомъ въ Кіевъ и со всѣми его дѣтьми заточилъ въ темницу.

Тюрьма въ Кіевѣ, куда заточили Всеслава, была устроена подъ землею; срубъ былъ вдѣланъ въ самую землю. Все время, пока Всеславъ сидѣлъ во рву, въ этомъ земляномъ срубѣ, на него глядѣли въ Кіевѣ, какъ на безвиннаго страдальца. Народъ осуждалъ Изяслава съ братьями. За неправду Ярославичей ожидали Божьей кары. За Божій гнѣвъ и принялъ народъ вскорѣ обрушившееся на русскую землю нашествіе невѣдомаго народа — половцевъ и ссору, разразившуюся въ самой семьѣ Ярослава Мудраго.

Въ послѣдніе годы Ярославова княженія между печенѣжскими ордами возникли жестокія междоусобія. Тогда туркотатарскій народъ, называвшійся узами или торками, окончательно взялъ верхъ надъ печенѣгами, которые оставались въ степяхъ между Днѣпромъ и Дунаемъ, что побудило печенѣжскія орды къ новымъ переходамъ за Дунай. Но и узамъ, или торкамъ недолго пришлось господствовать въ степяхъ приднѣпровскихъ и грабить русскіе предѣлы. Съ сѣвера ихъ стали тѣснить русскіе князья, а съ востока по ихъ собственнымъ слѣдамъ надвинулись на нихъ орды степного народа куминовъ, извѣстныхъ у нашихъ предковъ подъ именемъ половцевъ. Впервые половцы упоминаются вскорѣ по смерти Ярослава.

(Этотъ князь умеръ въ 1054 году). Въ 1061 году этотъ народъ татарскаго происхожденія и языка пришелъ воевать на русскую землю. Переяславскій князь Всеволодъ Ярославичъ вышелъ навстрѣчу, но половцы, побѣдивъ его, повоевали русскую землю и ушли. По словамъ древне-русскаго лѣтописца, „то было первое зло отъ поганыхъ и безбожныхъ враговъ“.

Въ 1068 году опять множество половцевъ пришло на русскую землю; на этотъ разъ всѣ три Ярославича—Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ—вышли къ нимъ навстрѣчу, на рѣку Альту; но потерпѣвъ пораженіе, русскіе князья обратились въ бѣгство. Изяславъ и Всеволодъ побѣжали въ Кіевъ, Святославъ — въ Черниговъ. Кіевляне, возвратившись въ свой городъ, собрали вѣче на торговой площади и послали сказать князю:

— Половцы разсѣялись по нашей землѣ: дай намъ, князь, оружіе и коней, хотимъ еще биться съ ними!

Изяславъ не послушался. Тогда народъ возсталъ противъ тысяцкаго Коснячка (тысяцкимъ въ старину назывался воевода городскихъ и сельскихъ полковъ), обвиняя его въ томъ, что онъ, отговаривая князя дать земскому ополченію оружіе и коней, самъ не хочетъ итти съ нимъ на битву.

Буйная толпа народа прямо съ вѣча направилась къ дому тысяцкаго Коснячка, но тотъ успѣлъ скрыться. Отсюда одна часть мятежниковъ направилась къ тюрьмѣ, чтобы выпустить заключенныхъ въ ней, въ томъ числѣ и полоцкаго князя Всеслава, а другая — ко двору княжескому. Изяславъ въ это время сидѣлъ съ дружиною въ своемъ теремѣ.

Когда подъ окномъ терема послышались изъ толпы народа голоса, что надобно искать себѣ дру-

Нашествіе половцевъ. Послѣ битвы.

гого князя, который бы повелъ народъ биться съ половцами, одинъ изъ бояръ, окружавшихъ князя, сказалъ Изяславу:

— Видишь, князь, люди взвыли: пошли-ка, чтобъ покрѣпче стерегли Всеслава.

Узнавъ о намѣреніи народа выпустить изъ тюрьмы полоцкаго князя, дружина стала говорить Изяславу:

— Худо, князь! Пошли къ Всеславу, чтобы подозвали его обманомъ къ окошку и закололи.

Но великій князь ни на что не рѣшался; наконецъ, не надѣясь на благополучный для себя исходъ народнаго волненія, покинулъ Кіевъ вмѣстѣ съ братомъ Всеволодомъ и бѣжалъ въ Польшу, къ своему родственнику королю Болеславу.

Кіевляне, между тѣмъ, освободили Всеслава и провозгласили его своимъ княземъ. Дворъ и имущество Изяслава были разграблены. Мятежники захватили безчисленное множество золота и серебра.

Между тѣмъ, половцы, опустошая русскую землю, дошли до Чернигова. Князь Святославъ, собравъ нѣсколько войска, выступилъ походомъ противъ нихъ. Половцевъ было очень много, но Святославъ былъ не изъ трусливаго десятка: выстроилъ полки и, указывая своимъ воинамъ на безвыходность ихъ положенія, сказалъ имъ:

— Пойдемте въ битву! Намъ некуда больше дѣться.

Черниговцы ударили, и Святославъ одолѣлъ, хотя у него было только три тысячи, а у половцевъ 12.000; одни изъ нихъ были побиты, другіе потонули въ рѣкѣ Сновѣ, а князя ихъ взяли въ плѣнъ.

Уже семь мѣсяцевъ сидѣлъ Всеславъ въ Кіевѣ, когда весною 1069 года явился Изяславъ вмѣстѣ

съ Болеславомъ, королемъ польскимъ, въ русскихъ предѣлахъ. Всеславъ пошелъ къ нимъ навстрѣчу; но изъ Бѣлгорода ночью, тайкомъ отъ кіевлянъ, оставивъ ихъ на произволъ судьбы, бѣжалъ къ себѣ на родину, въ Полоцкъ; обрадовались полочане своему князю. По словамъ древне-русскаго поэта, „этотъ чародѣй (такъ называли Всеслава его суевѣрные современники) дотронулся лишь копьемъ до золотого стола кіевскаго и, обернувшись волкомъ, побѣжалъ онъ ночью изъ Бѣлгорода, закутанный въ синюю мглу“.

Кіевляне, оставшись безъ князя, возвратились въ свой городъ, собрали вѣче и послали сказать Святославу и Всеволоду Ярославичамъ:

— Мы дурно сдѣлали, что прогнали своего князя, а вотъ онъ теперь ведетъ на насъ польскую землю; ступайте въ городъ отца вашего! Если же не хотите, то намъ нечего больше дѣлать: зажжемъ городъ и уйдемъ въ греческую землю.

Святославъ отвѣчалъ имъ:

— Мы пошлемъ къ брату сказать: если онъ пойдетъ съ ляхами губить васъ, то и мы пойдемъ противъ него ратью (т.-е. войною), не дадимъ изгубить отцовскаго города; если же хочетъ прійти съ миромъ, то пусть приходитъ съ малою дружиною.

Между тѣмъ, Святославъ и Всеволодъ послали сказать Изяславу:

— Твой врагъ Всеславъ бѣжалъ: такъ не води ляховъ къ Кіеву, противника у тебя нѣтъ; если же не перестанешь сердиться и захочешь погубить городъ, то знай, что намъ жаль отцовскаго стола.

Не желая ссориться съ братьями, Изяславъ повелъ съ собою только Болеслава да небольшой

отрядъ поляковъ, а впередъ послалъ въ Кіевъ сына своего Мстислава. Для предупрежденія народнаго волненія, Мстиславъ Изяславичъ принялъ суровыя мѣры: велѣлъ избить тѣхъ кіевлянъ, которые освободили Всеслава, всего семьдесятъ человѣкъ, а другихъ ослѣпить; нѣкоторые изъ нихъ пострадали невинно.

Когда самъ Изяславъ приблизился къ городу, то кіевляне встрѣтили его съ поклономъ, и онъ опять сѣлъ на великокняжескомъ столѣ. Поляковъ, сопровождавшихъ короля Болеслава, распустили на покормъ по волостямъ, гдѣ жители начали ихъ тайно убивать, вслѣдствіе чего Болеславъ возвратился въ Польшу.

Казнивъ тѣхъ кіевлянъ, которые вывели изъ тюрьмы полоцкаго князя, Изяславъ спѣшилъ вооружиться противъ Всеслава: выгналъ его изъ Полоцка и посадилъ тамъ сына своего Мстислава; когда же тотъ умеръ, то послалъ на его мѣсто другого сына Святополка. Благодаря тому обстоятельству, что къ храброму князю полоцкому отовсюду стекались доблестные витязи и богатыри, онъ успѣлъ подобрать дружину, выгналъ Святополка изъ Полоцка и сумѣлъ удержаться на отцовскомъ столѣ. Изяславъ завелъ съ нимъ переговоры; мы не знаемъ, въ чемъ состояли эти переговоры, но намъ извѣстно лишь то, что эти переговоры послужили поводомъ къ вторичному изгнанію Изяслава изъ Кіева. Въ этомъ городѣ не любили Изяслава, и въ то же время кіевляне не могли не питать расположенія къ черниговскому князю Святославу, который не допустилъ своего старшаго брата отомстить кіевлянамъ за освобожденіе Всеслава отъ тюремнаго заключенія. Не могли жители великокняжескаго стольнаго города не отнестись съ большимъ уваженіемъ къ

неустрашимому Святославу Ярославичу, который съ небольшою дружиною сумѣлъ нанести жестокое пораженіе половцамъ и очистить отъ нихъ хотя бы на время русскую землю. Между тѣмъ, сынъ Изяслава Мстиславъ казнилъ кіевлянъ, освободившихъ Всеслава, виновныхъ вмѣстѣ съ невинными, но и тѣмъ дѣло еще не кончилось; гоненія продолжались, и гонимые находили убѣжище въ Черниговѣ у Святослава. Такъ, св. Антоній, основатель Кіево-Печерской лавры, который подвергнулся гнѣву великаго князя Изяслава, какъ пріятель Всеслава, былъ ночью взятъ по распоряженію князя Святослава и нашелъ себѣ убѣжище и защиту въ Черниговѣ. Если бы даже Святославъ дѣлалъ это единственно изъ любви и уваженія къ святому мужу, то Изяславъ, съ своей стороны, не могъ не оскорбиться пріязнію брата къ человѣку, въ которомъ онъ видѣлъ врага своего.

Расположеніе кіевлянъ къ Святославу должно было возбуждать въ этомъ князѣ властолюбивые замыслы и питать въ немъ сладкую надежду на успѣшное осуществленіе его завѣтной думы — сдѣлаться великимъ княземъ кіевскимъ.

Охлажденіе же кіевлянъ къ Изяславу должно было возбуждать въ немъ вражду къ брату Святославу. И вотъ Ярославичи, забывая все больше и больше данный имъ мудрымъ ихъ отцомъ завѣтъ о соблюденіи земскаго мира въ русской землѣ, начинаютъ враждебно относиться другъ къ другу: они не ходятъ уже вмѣстѣ въ походы, какъ ходили прежде. Изяславъ одинъ воюетъ съ Всеславомъ, одинъ вступаетъ съ нимъ въ переговоры и ведетъ ихъ тайкомъ отъ своихъ братьевъ, чѣмъ возбуждаетъ въ нихъ негодованіе и подозрѣніе. Святославъ сталъ говорить Всеволоду:

— Изяславъ сносится съ Всеславомъ на наше лихо (т.-е. намъ во вредъ); если мы не предупредимъ его, то прогонитъ онъ насъ.

Всеволодъ, убѣжденный хитрыми рѣчами Святослава, рѣшилъ вмѣстѣ съ нимъ вооружиться противъ старшаго брата. Зная расположеніе кіевлянъ къ черниговскому князю, Изяславъ безъ борьбы покинулъ Кіевъ, гдѣ сѣлъ Святославъ, отдавши Всеволоду черниговское княжество.

Изяславъ, успѣвшій увезти съ собою много цѣннаго имущества, вторично обратился къ своему родственнику Болеславу Смѣлому за помощью. Но польскій король на этотъ разъ не изъявлялъ охоты вооружаться за его права, хотя и присвоилъ себѣ большую часть привезеннаго имъ имущества.

Тогда Изяславъ поѣхалъ въ Германію и сталъ просить помощи и защиты у врага Болеславова, императора Генриха IV. Принявъ отъ русскаго князя богатые дары, германскій императоръ отправилъ къ Святославу пословъ съ требованіемъ возвратить Кіевъ старшему брату Изяславу и съ угрозою войны въ случаѣ сопротивленія.

Нѣмецкимъ посламъ, пришедшимъ въ Кіевъ къ Святославу, не удалось убѣдить русскаго князя исполнить требованіе германскаго императора. Получивъ цѣнные подарки, эти послы возвратились во-свояси.

Не добившись никакого положительнаго отвѣта отъ Генриха IV, Изяславъ обратился къ другому владыкѣ западной Европы, къ папѣ Григорію VII (папой называется глава всего католическаго міра, т.-е. всѣхъ католиковъ), и отправилъ въ Римъ сына своего съ просьбою возвратить ему великокняжескій кіевскій столъ властію св. Петра, при чемъ русскій князь обѣщалъ подчиниться апостольскому престолу (римскій папа считался у

католиковъ земнымъ намѣстникомъ или преемникомъ апостола Петра).

Папа Григорій VII не упустилъ удобнаго случая показать свое верховенство надъ земными владыками. Въ отвѣтъ на просьбу русскаго князя онъ отправилъ двѣ грамоты: одну, милостивую,—Изяславу, а другую, укорительную,—польскому королю Болеславу, котораго упрекалъ за неправедно присвоенное имъ Изяславово имущество.

Итакъ, западные покровители русскаго князя—и поляки, и германскій императоръ, и самъ римскій папа—дары отъ него приняли, а помощи никто изъ нихъ не оказалъ; ничего не могли они сдѣлать противъ доблестнаго Святослава, который до самой смерти своей оставался на кіевскомъ великокняжескомъ престолѣ.

Только святой Ѳеодосій, благочестивый игуменъ Печерскаго монастыря, въ своихъ грозныхъ рѣчахъ смѣло обличалъ „насильника-Святослава“, похитителя кіевскаго престола; безбоязненно онъ укорялъ Святослава, убѣждая его возвратить отнятый престолъ изгнанному брату. Ѳеодосій у себя въ монастырѣ поминалъ и на ектеніяхъ Изяслава великимъ княземъ, а похитителю грозилъ Божіимъ гнѣвомъ. Князь велъ себя со смиреніемъ передъ святымъ старцемъ; часто приходилъ въ его обитель, говоря, что ему нигдѣ такъ не радостно и самъ хлѣбъ такъ не сладокъ, какъ въ его святой келліи. А когда самъ Ѳеодосій приходилъ къ великому князю и вступалъ въ его княжескій теремъ,—мгновенно тамъ умолкали гусли, бубны и сопели; прекращались всякія игры, которыми пѣвцы и гусляры тѣшили князя съ дружиной; останавливался во дворѣ княжескомъ пиръ; князь смиренно подходилъ къ благословенію Ѳеодосія и съ любовью слушалъ его бесѣду. Святославъ Яро-

славичъ почиталъ и ублажалъ Ѳеодосія, только не могъ слышать объ Изяславѣ: при одномъ упоминаніи имени Изяслава онъ приходилъ въ ярость. Но Ѳеодосій до конца своей жизни не оставлялъ своихъ обличеній и за братоненавидѣніе грозилъ попрежнему судомъ Божіимъ.

„Насильнику-Святославу“ Богъ не далъ вѣку; еще не въ преклонныхъ лѣтахъ онъ разболѣлся и умеръ. Память, что онъ былъ въ Кіевѣ *насильникъ*, что онъ не по праву, а только жребіемъ побѣды достигнулъ великокняжескаго престола, преслѣдовала его еще и за могилу. Святославъ не былъ похороненъ въ Кіевѣ; его гробъ отвезли въ столицу его княжества въ Черниговъ и схоронили тамъ въ Спасскомъ соборѣ, въ усыпальницѣ черниговскихъ князей. Тамъ же вскорѣ былъ похороненъ уже извѣстный намъ сынъ Святослава—Глѣбъ. Во время княженія отца своего Святослава въ Кіевѣ онъ находился при немъ при закладкѣ монастыря Печерскаго; вдвоемъ съ отцомъ оба князя копали собственными руками землю при отведеніи мѣста подъ монастырь Печерскій.

По смерти Святослава легко могъ завладѣть кіевскимъ престоломъ младшій Ярославичъ—Всеволодъ; его охотно приняли сами кіевляне. Но польскій король внялъ, наконецъ, просьбамъ Изяслава и далъ ему вспомогательное войско, съ которымъ тотъ пошелъ на Всеволода, занявшаго Кіевъ. Кроткій и миролюбивый Всеволодъ (правый Всеволодъ, какъ его называли современники) не упорствовалъ и поспѣшилъ помириться съ старшимъ братомъ. Изяславъ опять вступилъ въ Кіевъ и третій разъ сѣлъ на великокняжескій престолъ,—впрочемъ, ужъ ненадолго.

Обязанный миромъ уступчивости Всеволода и не терпя дѣтей обидчика своего Святослава, Изя-

славъ лишилъ ихъ бывшаго владѣнія отца ихъ,— черниговскаго княженія, которое онъ отдалъ Всеволоду. Но эта передача поселила раздоръ среди внуковъ Ярослава Мудраго и привела ихъ къ большимъ междоусобіямъ. Одною изъ главныхъ причинъ возникновенія княжескихъ междоусобій было отсутствіе письменнаго закона, которымъ бы устанавливался и утверждался порядокъ престолонаслѣдія.

Дѣти Святослава считали себя обиженными со стороны ихъ дяди—кіевскаго князя Изяслава, потому что они признавали Черниговъ своимъ наслѣдственнымъ удѣломъ (т.-е. княжествомъ), своею отчиною (т.-е. отцовскимъ владѣніемъ).

Святославъ оставилъ пять сыновей: Глѣба, Олега, Давида, Романа и Ярослава. Подобно своему отцу Ярославу Мудрому, Святославъ былъ книголюбецъ и заставлялъ переписывать для себя славяно-болгарскія рукописи. До насъ дошла переписанная для этого князя въ 1073 году рукопись, содержащая въ себѣ сборникъ разныхъ статей, преимущественно религіознаго содержанія. Къ этому Святославову сборнику приложенъ рисунокъ, который изображаетъ князя и его семейство, состоящее изъ супруги и пяти упомянутыхъ сыновей. Всѣ они представлены въ цвѣтныхъ кафтанахъ, спускающихся ниже колѣнъ и подпоясанныхъ золотымъ кушакомъ. У кафтановъ золотые воротники и узкіе рукава съ золотыми поручами. На головахъ сыновей—шапки, или клобуки, съ мѣховой опушкой и синимъ закругленнымъ верхомъ. Клобукъ самого Святослава имѣетъ верхъ болѣе низкій и, повидимому, золотой. Кромѣ того, на немъ наброшенъ плащъ, зеленый съ золотою каймою, застегнутый на правомъ плечѣ пряжкою съ дорогимъ камнемъ. Сапоги у всѣхъ

изъ цвѣтного сафьяна. Сыновья всѣ безбородые, а отецъ, обладающій круглымъ красивымъ лицомъ, имѣетъ густые усы и подстриженную бороду. У княгини вокругъ головы обернутъ платокъ или фата, спускающаяся однимъ концомъ на правую сторону. На ней надѣто длинное верхнее платье съ широкимъ отложнымъ воротникомъ, золотымъ поясомъ и широкими рукавами, подъ которыми замѣтны золотые поручи нижняго кафтана.

Изгнанные Ярославичами, Изяславомъ и Всеволодомъ, князья хотя временно пребывали въ Тмутаракани, въ этомъ извѣстномъ убѣжищѣ для всѣхъ недовольныхъ, но, отличаясь воинственнымъ характеромъ, корыстолюбіемъ и властолюбіемъ, они не могли спокойно и праздно жить въ Тмутаракани. Между дѣтьми насильника-Святослава выдавался особенными способностями князь Олегъ: онъ былъ неукротимъ въ своемъ желаніи завладѣть черниговскимъ княжествомъ, смѣлъ и предпріимчивъ. Олегъ началъ оружіемъ доискиваться отцовскаго владѣнія: съ того времени его прозвали Гориславичемъ. Подговоривъ половцевъ, онъ „навелъ поганыхъ на русскую землю“. Изгоняя Всеволода изъ своей „отчины“, изъ черниговскихъ владѣній, Олегъ Гориславичъ допустилъ еще половцевъ жечь и грабить села черниговцевъ, какъ бы въ отмщеніе за то, что они приняли къ себѣ чужого князя Всеволода, а отъ него, Олега съ братіей, отъ своихъ прирожденныхъ князей, отступились. Всеволодъ побѣжалъ съ жалобами на племянника въ Кіевъ, къ своему брату. Изяславъ братски утѣшилъ Всеволода, говоря ему:

— Братъ! Не тужи, вспомни, что со мною самимъ случилось! Развѣ не былъ я выгнанъ вами, братьями своими? Не скитался ли я по чужимъ землямъ ограбленный? А зла за собою не зналъ

никакого. И теперь, братъ, не станемъ тужить. Если суждено намъ имѣть свою часть въ русской землѣ, то обоимъ; если нѣтъ, то оба лишимся вмѣстѣ. Я за тебя и голову свою положу!

Изяславъ немедленно велѣлъ собирать войска отъ мала до велика; приготовивъ кіевскую рать къ походу, онъ выступилъ съ сыномъ своимъ Ярополкомъ, а Всеволодъ — съ сыномъ Владимиромъ. Прежде всего, Ярославичи приступили къ Чернигову; но когда пришла къ нимъ вѣсть о приближеніи Олега Святославича и Бориса Вячеславича, они отошли отъ Чернигова и отправились навстрѣчу къ племянникамъ, которые совѣтовались между собою, что имъ дѣлать? Олегъ говорилъ Борису:

— Нельзя намъ стать противъ четырехъ князей; пошлемъ лучше къ дядьямъ съ просьбою о мирѣ.

— Ты стой, смотри только,—отвѣчалъ Борисъ:— я одинъ пойду на нихъ всѣхъ.

Бой произошелъ въ черниговскихъ мѣстахъ на Нежатиной нивѣ. Олегъ Гориславичъ былъ разбитъ и едва спасся бѣгствомъ опять въ Тмутаракань, а его союзникъ—князь-изгой Борисъ Вячеславичъ (сынъ умершаго смоленскаго князя Вячеслава, внукъ Ярослава Мудраго) въ томъ бою и сложилъ свою голову; вмѣстѣ съ нимъ палъ и самъ великій князь Изяславъ. Тѣло его привезли въ Кіевъ, и народъ плакалъ на его похоронахъ: все простили несчастливому князю за его христіанскій подвигъ, что онъ душу свою положилъ за брата.

Ярополкъ Изяславичъ шелъ за тѣломъ своего отца и причиталъ вмѣстѣ съ дружиною:

— Батюшка, батюшка! Не безъ печали ты пожилъ на этомъ свѣтѣ; много напасти принялъ отъ людей и отъ своей братьи, и вотъ теперь погибъ не отъ брата, а за брата сложилъ голову.

По словамъ древне-русскаго лѣтописца, „Изяславъ былъ красивъ лицомъ, высокъ и полонъ, нравомъ незлобивъ, кривду ненавидѣлъ, правду любилъ; лести въ немъ не было; прямой былъ человѣкъ и не мстительный“.

Послѣ смерти Изяслава, Всеволодъ остался единственнымъ сыномъ Ярослава Мудраго, вслѣдствіе чего безъ спора занялъ великокняжескій кіевскій столъ. О немъ и пошла слава, что сѣлъ онъ на отчемъ и дѣдовскомъ престолѣ въ Кіевѣ по праву, а не насильствомъ.

Всеволодъ былъ младшимъ и любимымъ сыномъ Ярослава Мудраго; онъ находился почти всегда безотлучно при отцѣ. Ярославъ и умеръ на рукахъ Всеволода. Не въ примѣръ прочимъ сыновьямъ, отецъ далъ любимому сыну особое благословеніе. Онъ говорилъ Всеволоду:

— Благо тебѣ, сынъ мой, что покоишь мою старость, и радуюсь о кротости твоей. Богъ дастъ, займешь ты послѣ своихъ братьевъ кіевскій великокняжескій престолъ правдою, а не насиліемъ. А когда умрешь, пускай кости твои лягутъ рядомъ съ моими, въ Кіевѣ, у святой Софіи, потому что я люблю тебя пуще братіи твоей.

Не благословеніе только это было, а пророчество. Тишайшій Всеволодъ, дѣйствительно, пережилъ обоихъ старшихъ братьевъ и въ очередь, по праву, а не насиліемъ, сѣлъ на кіевскомъ великокняжескомъ престолѣ, а до того времени жилъ со всѣми въ мирѣ и, когда ссорились два его старшихъ брата, онъ старался не принимать участія въ ихъ распрѣ, предпочитая худой міръ доброй ссорѣ.

Какъ Владимиръ Св., любя Бориса и не желая съ нимъ разлучаться, далъ ему ближній къ Кіеву княжескій столъ въ Переяславлѣ, такъ точно и

Ярославъ Мудрый назначилъ Всеволоду переяславское княженіе, придавъ къ тому Залѣсскій край съ городами Суздалемъ и Ростовомъ.

Всеволодъ управлялъ дальнимъ Суздале-Ростовскимъ краемъ черезъ своихъ мужей, а самъ сидѣлъ въ своей княжеской столицѣ, въ „красномъ“ (въ старину „красный“ означало—*красивый*) городѣ Переяславлѣ. Здѣсь, въ трехъ верстахъ отъ Всеволодовой столицы, находилось то самое Альтское поле, гдѣ святой Борисъ раскинулъ свой шатеръ, возвращаясь изъ похода противъ печенѣговъ — и тихіе берега Альты оросились его кровью. Вотъ почему память святыхъ страстотерпцевъ, почитаемая всею русской землею, особенно праздновалась въ переяславскомъ княжествѣ; годовщина убіенія Бориса справлялась здѣсь съ особыми церковными торжествами. За Альтскимъ полемъ скоро начиналась степь,—притонъ степныхъ станичниковъ, всякаго рода лихихъ людей, между которыми звучалъ русскій языкъ; сюда же изъ азіатскихъ степей вторгались кочевники неевропейскаго происхожденія.

Задачей переяславскаго княжества и было защищать русскую землю отъ нападенія азіатскихъ народовъ и оборонять Кіевъ со стороны степныхъ кочевниковъ. Всеволодъ Ярославичъ, сторожа русскую землю, удостоился доброй памяти въ народѣ за то, что „въ конецъ истребилъ торковъ“; при немъ окончательно перевелись и печенѣги. Остатки этихъ племенъ смѣшались съ мѣстнымъ населеніемъ.

Для подчиненія Руси кочевыхъ племенъ азіатскаго и иного происхожденія, Всеволодъ не только прибѣгалъ къ оружію, а придумалъ еще мирный способъ обращать ихъ въ своихъ союзниковъ; онъ поселилъ ихъ въ своихъ владѣніяхъ, между сво-

ими людьми, и они въ короткое время на половину обрусѣли.

Подъ Кіевомъ скоро завелись станицы особеннаго сброднаго населенія — ковуи, турпеи, берендеи, или просто Бродники. Всѣхъ ихъ вмѣстѣ звали „Черными клобуками“, а про черныхъ клобуковъ говорили: они—„черкассы“.

Чѣмъ больше стало усиливаться русское государство, тѣмъ больше начали селиться въ немъ кочующія племена черноморскаго славянства. Къ этимъ племенамъ тяготѣли остатки разныхъ азіатскихъ народцевъ. Притомъ эти бродники-станичники, безродный и безсемейный народъ, брали себѣ женъ большею частью у горскихъ народовъ въ Прикавказьи или у кочевниковъ-азіатовъ, поэтому и смѣшивались они другъ съ другомъ. На югѣ, ближе къ степямъ, гдѣ рѣчка Рось составляла какъ бы естественную границу кіевскихъ мѣстъ со степнымъ пространствомъ, возникли цѣлыя слободы мирной вольницы изъ полурусскихъ и полуазіатовъ. Сидя на отведенныхъ имъ мѣстахъ, они образовали сторожевую цѣпь; ведя полуосѣдлый, полукочевой, полувоенный, полуземледѣльческій образъ жизни, они всегда были готовы къ отраженію дикихъ кочевниковъ, — настоящихъ азіатовъ, — являвшихся съ такимъ же, какъ и у нихъ, лукомъ и колчаномъ стрѣлъ за спиною изъ нѣдръ степи. Жадные къ половецкимъ копямъ и къ ихъ скоту, вообще къ половецкой добычѣ, — эти „черкассы“ охотно бились съ половцами да еще хвалились своею вѣрною службой русскимъ князьямъ, требовали себѣ и отъ нихъ ласки и подачки, говоря, что они „головы свои складаютъ за русскую землю“. Начало поселеніямъ „черкассовъ“, „Черныхъ клобуковъ“ въ русскихъ предѣлахъ было положено Всеволодомъ Ярослa-

вичемъ. Внуковъ и правнуковъ этого князя Черные клобуки, зовомые черкассы, считали преимущественно своими князьями; говорили про нихъ, что они „голубятъ“ черкассовъ, что именно ими „приголубленъ весь Черный клобукъ“ и что они ввѣкъ „не забудутъ приголубленія ихъ“.

Всеволодъ же Ярославичъ положилъ также начало особой политикѣ (политикой внутренней называется способъ отношенія государя къ своимъ подданнымъ, политикой внѣшней — способъ отношенія одного народа къ другому) относительно самихъ половцевъ. Эта политика заключалась въ томъ, чтобы или не ссориться съ половцами, жить съ ними въ мирѣ, или же нападать на нихъ соединенными силами всѣхъ князей, т.-е. лишь въ случаѣ полной увѣренности въ побѣдѣ, а безъ того лучше и не трогать и не раздражать до поры до времени половцевъ, съ которыми вступили въ союзъ сами греки. Стараясь удержать половцевъ отъ нападенія на Русь не столько страхомъ, сколько дружбой, древнерусскіе князья, начиная съ Всеволода Ярославича, задаривали главныхъ половецкихъ хановъ, всячески избѣгали споровъ о пограничныхъ земляхъ и ни въ какомъ случаѣ не возбуждали вопроса: „Кому принадлежитъ земля за Днѣпромъ и за Дономъ? Чья Донецкая степь?“

Политика Всеволода Ярославича въ отношеніи къ половцамъ заключалась еще въ томъ, чтобы сближаться съ ними путемъ родственныхъ связей (напримѣръ, женить своихъ сыновей на дочеряхъ главныхъ половецкихъ хановъ) и, вступая съ ними въ родство, стараться, чтобы сами половцы перенимали русскій нравъ и языкъ русскій. Обращая ихъ въ своихъ союзниковъ, Всеволодъ Ярославичъ старался держать ихъ за друзей подъ своимъ покровительствомъ и при помощи полов-

цевъ удерживать за собою и отдаленныя русскія окраины, напримѣръ Тмутаракань.

Для выраженія такихъ полудружескихъ, полумирныхъ отношеній русскихъ къ половцамъ выработалась даже своя особая поговорка: „Ни мы васъ боимся, ни вы насъ“; такъ говорили русскіе князья и половецкіе ханы, льстя другъ другу.

Не обладая, подобно своему сыну Владимиру Мономаху, твердымъ характеромъ, столь необходимымъ для водворенія мира и тишины въ русской землѣ въ тѣ бѣдственныя времена княжескихъ междоусобій, Всеволодъ Ярославичъ тѣмъ не менѣе постоянно заботился о соблюденіи на Руси земскаго мира, насколько это зависѣло отъ него лично. Такъ, онъ не вступался въ раздоры старшихъ братьевъ; но все время, пока Изяславъ былъ въ изгнаніи, а Святославъ княжилъ въ Кіевѣ, онъ старался жить въ мирѣ съ обоими братьями: ничего не имѣя противъ чтимаго за отца Изяслава, не хотѣлъ однакожъ ссориться и съ „насильникомъ-Святославомъ“. Всеволодъ въ Переяславлѣ, а „насильникъ-Святославъ“ въ Кіевѣ жили по-братски. Ихъ дѣти, Владиміръ Мономахъ и Олегъ Святославичъ, подружились тогда между собой и покумились.

Когда Святославъ рѣшилъ помочь полякамъ, вступившимъ въ борьбу съ чехами, онъ отправилъ въ походъ противъ чеховъ своего сына Олега Гориславича; а Всеволодъ направилъ къ своему брату Владимира Мономаха, сверстника Олега. Молодые князья дружно справили походъ и вернулись друзьями. У Владимира Мономаха родился первенецъ Мстиславъ,—Олегъ крестилъ Мстислава; родился другой сынъ Изяславъ,—Олегъ крестилъ и его.

Когда исполнилось пророчество Ярослава Мудраго, младшій и любимый его сынъ Всеволодъ

занялъ старѣйшій престолъ „въ очередь послѣ братьи по праву, а не насильствомъ“, всѣ земли, бывшія во владѣніи Ярославичей, опять соединились подъ властью великаго князя кіевскаго—Всеволода. Сильна и обширна, какъ во дни Ярослава, стала его держава. Можно было сказать и про Всеволода Ярославича то же, что и о Владимирѣ Св. и Ярославѣ Мудромъ, что онъ „съ высоты своего великокняжескаго кіевскаго престола держалъ всю Русь“.

Но не на радость достался великокняжескій престолъ Всеволоду Ярославичу. Душевное спокойствіе, которое онъ испытывалъ нѣкоторое время, княжа въ Переяславлѣ, было нарушено княжескими междоусобіями, нескончаемыми распрями, возникшими среди князей-изгоевъ.

Дѣло въ томъ, что ко времени Всеволодова великокняженія подросли многіе князья-изгои, не имѣвшіе своей части (т.-е. владѣнія) въ русской землѣ, и стали оружіемъ доискиваться княжескихъ престоловъ. Это были дѣти рано умершихъ братьевъ Всеволода, преждевременно скончавшихся сыновей Ярослава Мудраго; это были еще и „младшіе князья“, наслѣдники старшихъ Ярославичей—Изяслава и Святослава.

Одною изъ первыхъ заботъ Всеволода Ярославича, когда онъ сдѣлался великимъ княземъ кіевскимъ, было надѣлить княжествами дѣтей старшаго брата Изяслава, который „душу свою положилъ за брата“. Всеволодъ отдалъ Изяславовымъ дѣтямъ Владимиро-Волынскую область, придавъ къ тому городъ Туровъ. Но Изяславовъ родъ не удержалъ за собой Владимиро-Волынскаго престола. Младшій сынъ Изяслава Ярополкъ, недовольный тѣмъ, что, по распоряженію великаго князя Всеволода, были отобраны въ пользу галицкихъ князей

южныя окраины Владимиро-Волынской области, по наущенію злыхъ совѣтниковъ, сталъ собирать войско, намѣреваясь выступить въ походъ противъ Всеволода. Узнавъ о томъ, великій князь послалъ противъ него сына своего Владимира Мономаха; и Ярополкъ, оставя мать въ Луцкѣ, бѣжалъ въ Польшу. Луцкъ сдался Мономаху, который захватилъ здѣсь мать, жену Ярополкову, дружину его и все имѣнье, а во Владимирѣ посадилъ Давида Игоревича. Но спустя нѣкоторое время, Ярополкъ пришелъ изъ Польши, заключилъ миръ съ Мономахомъ и сѣлъ опять во Владимирѣ. Но Ярополкъ Изяславичъ недолго пользовался возвращенною волостію: посидѣвъ нѣсколько дней во Владимирѣ, онъ поѣхалъ въ Звенигородъ, одинъ изъ городовъ галицкихъ. Когда князь, находясь въ дорогѣ, лежалъ на возу, то какой-то Нерадецъ, ѣхавшій подлѣ него на лошади, ударилъ его саблею. Ярополкъ приподнялся; вынувъ изъ себя саблю, онъ громко закричалъ: „Охъ, этотъ врагъ меня убилъ!“

Убійца Нерадецъ бѣжалъ въ городъ Перемышль къ Рюрику Ростиславичу, а Ярополкъ умеръ отъ раны; отроки (т.-е. слуги) взяли его тѣло, повезли сначала во Владимиръ, а потомъ въ Кіевъ, гдѣ и погребли его въ церкви св. Петра, которую онъ началъ строить. Въ Кіевѣ сильно плакали на похоронахъ Ярополка Изяславича. По словамъ древне-русскаго лѣтописца, этотъ князь много принялъ бѣдъ, безъ вины былъ изгнанъ братьями, обиженъ, разграбленъ и, наконецъ, убитъ. Нравомъ былъ Ярополкъ тихъ, кротокъ, смиренъ, братолюбивъ, давалъ каждый годъ десятину въ кіевскую церковь Пресвятой Богородицы отъ всего своего имѣнія и просилъ у Бога такой же смерти, какая постигла Бориса и Глѣба.

То обстоятельство, что убійца Ярополка бѣжалъ къ Ростиславичу въ Перемышль, наводило современниковъ этого князя на ту мысль, что Ростиславичи—Рюрикъ, Володарь и Василько (т.-е. дѣти Ростислава, сына Владимира Ярославича) принимали нѣкоторое участіе въ преступномъ дѣяніи Нерадца. Впослѣдствіи владимиро-волынскій князь Давидъ Игоревичъ утверждалъ, что Ярополкъ былъ убитъ Ростиславичами. Существованіе враждебныхъ отношеній Ростиславичей къ Ярополку Изяславичу подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что было время, когда Ростиславичи, поживъ нѣкоторое время у Ярополка во Владимирѣ Волынскомъ, выгнали его изъ этого города, но потомъ сами были выгнаны оттуда. Но, кромѣ смутъ на Волыни и борьбы на востокѣ съ Олегомъ Святославичемъ, Всеволодъ испыталъ еще нашествіе полоцкаго князя Всеслава, который пожегъ посады около города Смоленска. Владиміръ Мономахъ изъ Чернигова погнался за нимъ на спѣхъ о двухъ коняхъ (т.-е. дружина взяла съ собою по парѣ коней для перемѣны); но князя-чародѣя (такъ прозвалъ Всеслава народъ) трудно было догнать: Мономахъ не засталъ его подъ Смоленскомъ и пошелъ по его слѣдамъ въ Полоцкую волость, повоевалъ ее и пожегъ.

Зная доброе сердце и слабый характеръ великаго князя кіевскаго, „меньшіе князья“ одолѣвали его просьбами: то дай волость одному, то дай другому; то оба князя просили объ одной и той же волости; то обиженный князь обращался въ Кіевъ съ просьбою о защитѣ отъ притѣсненій „князя-насильника“. Всѣ эти просьбы и жалобы причиняли Всеволоду великую „докуку“, вслѣдствіе чего, великокняжеское державство, судя по

отзывамъ его современниковъ, составляло для него „неудобь-носимое бремя“.

Только Владимиръ Мономахъ, отъ юности правая рука Всеволода, служилъ опорой и утѣхой для преклоннаго лѣтами родителя. Этотъ неутомимый князь хотя сидѣлъ на княжескомъ столѣ въ Черниговѣ, но то и дѣло навѣщалъ старика-отца въ Кіевѣ и бывалъ то въ Смоленскѣ, то въ Суздалѣ-Ростовскомъ краѣ, то въ Черниговѣ — вездѣ, гдѣ было нужно его присутствіе для скораго суда мирному населенію или для скорѣйшаго отраженія враговъ, вторгавшихся въ русскіе предѣлы. Изъ одной мѣстности въ другую Мономахъ передвигался съ такою быстротой, что поспѣвалъ изъ одного города въ другой отъ заутрени къ вечернѣ. Во всѣхъ большихъ городахъ русской земли за все время Всеволодова великокняженія привыкли почитать Владимира Мономаха главнымъ правителемъ русской земли.

По смерти Всеслава, полоцкіе князья нападали на Новгородъ, Смоленскъ и иные города съ цѣлью грабежа и добычи; а что всего хуже — они завели, по обычаю половцевъ, „богопротивное дѣло“ обращать плѣнныхъ въ полную неволю и продавать ихъ въ рабство иноземцамъ. Владимиръ Мономахъ грозно наказалъ полочанъ за такой разбойническій промыселъ, а минскихъ князей, наиболѣе виновныхъ въ богомерзкой торговлѣ плѣнниками, наказалъ тѣмъ, что „не оставилъ въ ихъ землѣ ни скота ни челядина“.

Не только во всѣхъ русскихъ княжествахъ почитали тогда Всеволодова сына, но страхомъ имени Владимира Мономаха наполнялись и степныя украины. Забунтовали было торки, поселенные подъ Переяславлемъ,— онъ смирилъ ихъ; подъ конецъ великокняженія Всеволода пришли

половцы и захватили нѣсколько городовъ на степной украйнѣ,— Владимиръ Мономахъ нанесъ имъ такое пораженіе, что лишь жалкіе и разсѣянные ихъ остатки спаслись въ дальнія, невѣдомыя степи.

Удрученный старостію и болѣзнями, Всеволодъ самъ уже мало вникалъ въ дѣла правленія, а предоставлялъ рѣшеніе этихъ дѣлъ своимъ тіунамъ. Тіунами назывались въ старину князевы слуги по сбору податей и оброковъ, также смотрители селъ княжескихъ. Тіуны начали грабить народъ и брать несправедливо пени (т.-е. штрафы) при судѣ. Кіевское населеніе терпѣло отъ нихъ различнаго рода обиды и насилія.

Древнерусскій лѣтописецъ излагаетъ народныя жалобы на ихъ грабительства и неправды. Княженіе Всеволода ознаменовалось еще физическими бѣдствіями, каковы: чрезвычайный моръ, истребившій много народу, и страшная засуха, сопровождаемая лѣсными пожарами. Въ одномъ Кіевѣ гробовщики продали свыше семи тысячъ гробовъ отъ Филиппова заговѣнья до мясопуста; значитъ, въ теченіе двухъ съ половиной мѣсяцевъ въ городѣ приходилось по сту покойниковъ на день.

Однажды захотѣлось Всеволоду на старости лѣтъ помолодиться; вздумалось ему выѣхать въ поле на охоту. Смолоду любилъ онъ охоту, а она составляла тогда для князей не только потѣху, а статью дохода (извѣстно, что мѣха составляли одинъ изъ главныхъ предметовъ древнерусской торговли); на охоту смотрѣли въ старину, какъ на дѣло важное, но не легкое; во время охоты на звѣрей приходилось не мало трудиться, иногда свою жизнь охотники подвергали опасности при ловлѣ дикихъ звѣрей, которыми кишѣли въ тѣ времена дремучіе лѣса, или дикихъ коней, кото-

рые водились въ степяхъ цѣлыми табунами. Не на звѣриные ловы выѣхалъ престарѣлый князь Всеволодъ и не въ дремучіе лѣса, а только на ближнее подъ Кіевомъ поле позабавиться охотою на зайцевъ съ тенетами (т.-е. сѣтями). Но только что было раскинули тенета и кличане (т.-е. охотники, на обязанности которыхъ было крикомъ сгонять зайцевъ на поле) погнали,— вдругъ страшная непогода, съ громомъ и молніей, разразилась надъ княжеской охотой, и *змій каменный* упалъ съ неба: молнійная каменная стрѣла обожгла землю. Не въ добрый часъ выѣхалъ на охоту престарѣлый князь; это была его послѣдняя охота. Послѣ того Всеволодъ не прожилъ и года. Подъ старость этотъ князь, мало вникая въ дѣла правленія, все больше водился съ монахами: при немъ умножилось число кіевскихъ монастырей, умножилось и число черноризцевъ; княжескій дворъ всегда былъ наполненъ ими.

Во время княженія Всеволода Ярославича Кіево-Печерскій монастырь, уже по кончинѣ великихъ своихъ основателей Антонія и Ѳеодосія, разросся и церковными строеніями и числомъ иноковъ. Память Антонія и Ѳеодосія съ теченіемъ времени не только не ослаблялась, а укрѣплялась въ народѣ, переходя изъ рода въ родъ за святыню; скоро открылись и мощи Ѳеодосія. Къ великой радости всей обители, нашли его гробницу между гробами многихъ прочихъ иноковъ и перенесли съ торжествомъ въ церковь. Велика была радость по этому случаю самого Всеволода и всего народа. Въ его время былъ поставленъ въ Кіевѣ еще новый женскій монастырь; его основала собственная его дочь, постриженница Іоанна (Янка); ея примѣру послѣдовали и прочія сестры Мономаха. Янка ѣздила

въ Царьградъ и привезла съ собою оттуда въ Кіевъ митрополита на мѣсто умершаго передъ тѣмъ.

Вслѣдствіе продолжительной болѣзни Всеволода, Владимиръ Мономахъ, какъ и весь Кіевъ, привыкъ видѣть и заставать своего отца немощнымъ; привыкли въ Кіевѣ и къ частымъ посылкамъ за Владимиромъ Мономахомъ; привыкъ и самъ Владимиръ Мономахъ къ нарочнымъ изъ Кіева. Но одинъ разъ совершенно не въ обычное время прискакалъ къ нему скорый гонецъ изъ Кіева и привезъ вѣсть, что великій князь „вельми (т.-е. очень) боленъ“ лежитъ. Владимиръ Мономахъ поспѣшилъ пріѣхать къ отцу и засталъ его уже умирающимъ. Тутъ былъ и младшій братъ Мономаха (отъ другой жены, княгини Анны), Ростиславъ, изъ Переяславля; всѣ любили этого другого Всеволодовича „юности его ради“.

Тихая семейная, домашняя жизнь составляла врожденную склонность Всеволода; въ такихъ же чувствахъ воспитывалъ онъ и Владимира Мономаха, часто бесѣдуя съ нимъ о его великомъ дѣдѣ Ярославѣ и заповѣдуя чаще вспоминать „объ умныхъ отцахъ и дѣдахъ“. Владимиръ Мономахъ, любя отца, почиталъ и свою мачеху, княгиню Анну, за мать родную; она всегда отъ него видѣла сыновнюю почтительность и ласку, а ея сыну Ростиславу былъ онъ истинный другъ и братъ, готовясь, въ случаѣ Всеволодовой смерти, замѣнить ему отца родного. Вдвоемъ безотходно сидѣли они у постели умирающаго. Всеволодъ скончался тихо, какъ бы уснулъ: „мирно отошелъ сего свѣта (по словамъ древнерусскаго лѣтописца), приложился къ отцамъ и дѣдамъ“.

Никогда еще не видывали такого сборища монаховъ, какъ на похоронахъ Всеволода; „самъ по-

Публичная библ-ка

койникъ, — говорили, — излиха любилъ черноризцевъ!“ Гробъ несли на рукахъ Владиміръ Мономахъ и юный Ростиславъ вмѣстѣ съ печерскими иноками. Замѣтили еще, что многое множество „простыхъ людей“ со всѣхъ сторонъ окружало гробъ Всеволода. „Простые люди“ не могли не оцѣнить тишайшаго, кроткаго, праваго и простого Всеволода, который собою, своимъ характеромъ выражалъ нравъ цѣлаго русскаго народа. Не отличался онъ, подобно „простымъ русскимъ людямъ“, воинственными наклонностями и не любилъ выказывать своихъ блестящихъ способностей, а, между тѣмъ, многое совершилъ, чего не удавалось многимъ воинственнымъ и мудрымъ мужамъ. Самъ Всеволодъ никогда не подвергалъ себя опасности, если къ тому не побуждала его крайняя необходимость, но онъ и не бѣгалъ отъ опасности, когда она представлялась; его духовная мощь, его нравственная сила заключались часто въ его неспособности причинять вредъ своему ближнему; всегда худой миръ онъ предпочиталъ доброй ссорѣ.

По словамъ древнерусскаго лѣтописца, Всеволодъ „былъ измлада боголюбивъ, любилъ правду, былъ милостивъ къ нищимъ, чтилъ священниковъ, но особенно любилъ монаховъ, давая имъ все потребное“.

Исполнился и послѣдній завѣтъ Ярослава Мудраго: Всеволода положили съ нимъ рядомъ въ соборѣ св. Софіи.

Владиміръ Мономахъ, хваля въ своемъ отцѣ любовь къ образованности, свидѣтельствуетъ о немъ, что онъ зналъ пять иностранныхъ языковъ. Онъ могъ знать греческій, благодаря своей первой женѣ, матери Мономаха, которая была родомъ греческая царевна; отъ нея же, знавшей латин-

скій языкъ, могъ научиться и латыни. Кромѣ того, вслѣдствіе постоянныхъ сношеній древнѣйшихъ нашихъ предковъ съ варягами изъ шведовъ, многіе русскіе князья были знакомы съ языкомъ шведскимъ; къ тому же Всеволодовъ отецъ, Ярославъ Мудрый, былъ женатъ на шведской княжнѣ изъ варяговъ. Своего сына Владимира Мономаха Всеволодъ женилъ на шведской принцессѣ Гидѣ. Затѣмъ, онъ долженъ былъ знать языкъ половецкій, какъ языкъ того народа, съ которымъ часто сносился и велъ переговоры. Всеволодъ имѣлъ также возможность знать и нѣмецкій языкъ: одна изъ его дочерей была выдана замужъ за германскаго императора Генриха; не поладивъ со своимъ супругомъ, она вернулась на родину къ отцу и постриглась въ томъ же монастырѣ, гдѣ была ея сестра Янка.

Всеволодъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей, Владимира и Ростислава, и нѣсколько дочерей. Изъ нихъ Анна, или Янка, отличаясь благочестіемъ, дѣвицей постриглась въ монахини. Другая дочь Всеволода—Евпраксія сначала была выдана замужъ за одного владѣтельнаго нѣмецкаго князя. Овдовѣвъ, она вступила въ новый бракъ съ германскимъ императоромъ Генрихомъ IV. Много пришлось ей вытерпѣть насилій и всякаго рода оскорбленій отъ жестокаго и развратнаго супруга. Она даже была лишена свободы, но успѣла бѣжать и нашла убѣжище у знаменитой италіанской графини Матильды, съ помощью которой она хлопотала о разводѣ у папы Урбана II. Потомъ она возвратилась на родину, въ Кіевъ.

II.

Благословеніе Ярослава Мудраго младшему сыну Всеволоду перешло и на его потомство. Изъ всѣхъ князей послѣ Владимира Св. никого такъ не любили въ русской землѣ, какъ Всеволодова сына Владимира Мономаха; народъ съ любовью относился къ этому доблестному князю и ко всѣмъ дѣтямъ его.

По словамъ древнерусскаго лѣтописца, „по кончинѣ и погребеніи отца своего, Мономахъ началъ размышлять: „Если я сяду на столѣ отца своего, то будетъ у меня война съ Святополкомъ, потому что его отецъ Изяславъ былъ раньше моего великимъ княземъ кіевскимъ“. Послѣ нѣкотораго размышленія, Всеволодовъ сынъ послалъ за Святополкомъ въ Туровъ, самъ же пошелъ въ Черниговъ, а братъ его Ростиславъ — въ Переяславль. Изъ только что приведенныхъ словъ Мономаха видна увѣренность этого князя въ желаніи кіевлянъ имѣть его своимъ правителемъ. Чѣмъ же, спрашивается, Владимиръ Мономахъ сумѣлъ пріобрѣсть народную любовь? Думаемъ, тѣмъ, что, благодаря личнымъ своимъ доблестямъ и строгому исполненію обязанностей князя-правителя, Мономахъ оказался способнымъ удовлетворить насущнымъ потребностямъ современнаго ему древнерусскаго общества. Тогдашнее общество, взволнованное княжескими междоусобіями, столько потерпѣвшее отъ нихъ, требовало прежде всего отъ князя-правителя, чтобъ онъ свято исполнялъ свои родственныя обязанности, не ссорился и не спорилъ съ братьею (т.-е. остальными князьями родственниками), мирилъ враждебныхъ родичей, вносилъ умными совѣтами порядъ (т.-е. благоустрой-

ство) въ княжескую семью; и вотъ Мономахъ во время злой вражды между братьями умѣлъ заслужить названіе братолюбца и миротворца. Для людей благочестивыхъ Мономахъ былъ образцомъ благочестія; по свидѣтельству современниковъ, всѣ дивились, какъ онъ исполнялъ обязанности, требуемыя Церковію.

Для прекращенія и совершеннаго уничтоженія главнаго зла того времени, княжескихъ усобицъ, нужно было прежде всего, чтобъ князья свято соблюдали клятву, данную другъ другу. Мономахъ ни подъ какимъ предлогомъ не соглашался нарушить освященный вѣками обрядъ крестнаго цѣлованія. Народъ испыталъ уже при другихъ князьяхъ всякаго рода обиды, насилія и бѣдствія оттого, что простымъ людямъ не доступна была княжая правда, что тіуны княжескіе (т.-е. управляющіе имѣній и сборщики податей) и отроки (т.-е. слуги) грабили и всячески обижали городскихъ и сельскихъ жителей безъ вѣдома князя. Мономахъ же не давалъ сильнымъ обижать ни худого смерда (т.-е. крестьянина) ни убогой вдовицы, самъ давалъ правду и судъ простымъ людямъ. При грубости нравовъ того времени и при недостаткѣ воспитанія въ тогдашнемъ обществѣ, люди сильные не любили и не умѣли сдерживать своего гнѣва, вслѣдствіе чего совершившій какъ тяжкое преступленіе, такъ и маловажный, незначительный проступокъ, лишался иногда жизни. Мономахъ строго наказывалъ своимъ дѣтямъ, чтобъ они не убивали ни праваго, ни виноватаго, не губили душъ христіанскихъ. Другіе же князья позволяли себѣ невоздержаніе. Мономахъ отличался цѣломудріемъ.

Древнерусскому обществу сильно не нравилось въ князѣ корыстолюбіе; съ неудовольствіемъ наши

древнѣйшіе предки наблюдали и видѣли, что внуки и правнуки св. Владимира отступаютъ отъ правилъ этого князя, копятъ богатства, обременяя народъ великими податями и всякаго рода поборами, а также потворствуя и угождая крупнымъ торговцамъ русскаго и иностраннаго происхожденія въ ущербъ народнымъ интересамъ,—Мономахъ и въ этомъ отношеніи былъ образцомъ добрыхъ князей; издавая постановленія, ограничивающія произволъ ростовщиковъ, взимавшихъ большіе проценты съ должниковъ, этотъ князь съ ранней молодости отличался милосердіемъ, помня, что „рука дающаго не оскудѣетъ“; никогда не пряталъ и не копилъ онъ сокровищъ, никогда не считалъ денегъ, но раздавалъ ихъ щедрою рукою всѣмъ бѣднымъ и нуждающимся, а, между тѣмъ, казна его была всегда полна, потому что при всей своей щедрости онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ образцомъ разумнаго и распорядительнаго хозяина; не полагаясь на служителей, онъ самъ завѣдывалъ всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ.

Больше всѣхъ современныхъ князей Мономахъ напоминалъ своего прадѣда, ласковаго князя Владимира.

„Если поѣдете куда по своимъ землямъ (такъ наказывалъ и говорилъ Мономахъ дѣтямъ своимъ), не давайте отрокамъ (т.-е. слугамъ) обижать народъ ни въ селахъ ни на полѣ, чтобы васъ потомъ не кляли. Куда бы вы ни пошли, гдѣ бы вы ни остановились,—вездѣ напойте жаждущаго и накормите алчущаго; больше всего почитайте гостя (т.-е. путешественника, странника), откуда бы къ вамъ онъ ни пришелъ, добрый или простой человѣкъ, или посолъ; не можете одарить его,—угостите хорошенько, напойте, накормите: гость

по всѣмъ землямъ прославляетъ человѣка либо добрымъ, либо злымъ".

Что дѣтямъ наказывалъ Владиміръ Мономахъ, то и самъ дѣлалъ: позвавши гостей, самъ служилъ имъ; и когда они ѣли и пили досыта, онъ только смотрѣлъ на нихъ.

Кромѣ усобицъ княжескихъ, русская земля терпѣла отъ безпрестанныхъ нападеній половцевъ: Мономахъ съ ранней молодости стоялъ настороже своей родины, бился за нее съ погаными. Еще во времена княженія отца своего Всеволода онъ нанесъ 12 пораженій половцамъ; за эти и иные свои подвиги онъ пріобрѣлъ имя добраго страдальца (труженика) за русскую землю. Въ тѣ времена всеобщаго увлеченія богатырскими и воинскими подвигами славныя дѣянія Мономаха на пользу его родины, воинскія доблести и изумительная дѣятельность этого любимаго героя нашихъ предковъ не могли не возбудить въ нихъ сильнаго сочувствія. Большую часть жизни этотъ князь-богатырь духа и тѣла провелъ внѣ дома, большую часть ночей проспалъ на сырой землѣ; однихъ дальнихъ путешествій и походовъ совершилъ онъ 83; дома и въ дорогѣ, на войнѣ и на охотѣ дѣлалъ все самъ, не давалъ себѣ покою ни ночью, ни днемъ, ни въ холодѣ, ни въ жарѣ; до свѣта поднимался онъ съ постели, ходилъ къ обѣднѣ, потомъ думалъ съ дружиною, судилъ людей, ѣздилъ на охоту или по дѣламъ домашняго хозяйства, въ полдень ложился спать и потомъ снова принимался за дѣла всякаго рода.

Будучи истиннымъ и лучшимъ представителемъ того вѣка воинскихъ и богатырскихъ подвиговъ, Мономахъ любилъ пробовать свою богатырскую силу какъ на половцахъ, такъ и на дикихъ звѣряхъ; этотъ князь былъ страстный охотникъ: ди-

кихъ коней въ лѣсныхъ пущахъ вязалъ живыхъ своими руками; туръ (особый видъ дикаго быка) не разъ металъ его на рога, олень бодалъ, лось топтала ногами, вепрь оторвалъ на боку мечъ, медвѣдь кусалъ, волкъ сваливалъ его вмѣстѣ съ лошадью.

„Дѣти! — говаривалъ Мономахъ, обращаясь къ своимъ сыновьямъ, — не бойтесь ни рати (т.-е. войны), ни охоты за дикими звѣрями,—дѣлайте мужское дѣло! Я никогда не бѣгалъ ни отъ враговъ своихъ, ни отъ дикихъ звѣрей для сохраненія живота (т.-е. жизни) своего, никогда не щадилъ головы своей, а остался живъ. Помните, дѣти мои, что ничто не можетъ вамъ вредить, если Богъ не повелитъ. А отъ Бога будетъ смерть, такъ ни отецъ, ни мать, ни братья не отнимутъ васъ у нея. Божье блюденье лучше человѣческаго!“

Но съ замѣчательною отвагою, удалью и ненасытною жаждою дѣятельности въ Мономахѣ соединялся здравый смыслъ, смѣтливость, умѣнье предугадывать послѣдствія предпринятаго дѣла, извлекать изъ него должную пользу; изъ всего можно было замѣтить, что онъ былъ сынъ добраго и праваго Всеволода и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сынъ царевны греческой.

Воинственная и богатырская дѣятельность Владимира Мономаха всегда совпадала съ пользою для русской земли. Наши предки привыкли видѣть въ доблести благоразуміе и благонамѣренность своего любимаго героя, привыкли считать себя спокойными за его щитомъ и потому питали къ нему сильную привязанность, которую перенесли и на все его потомство.

Въ глазахъ образованныхъ его современниковъ, особенно духовныхъ изъ грековъ, Мономахъ, кромѣ

личныхъ своихъ доблестей, имѣлъ то преимущество предъ другими древнерусскими князьями, что происходилъ по матери отъ царской крови.

Кіевляне сильно желали, чтобы послѣ Всеволода великокняжескій кіевскій столъ занялъ его старшій сынъ—Владимиръ Мономахъ; они могли этого желать тѣмъ болѣе, что Мономахъ былъ имъ хорошо извѣстенъ,—извѣстенъ съ самой лучшей стороны, тогда какъ дядя его, Святополкъ Изяславичъ, жилъ постоянно на отдаленномъ сѣверѣ и только недавно, по смерти брата Ярополка, перешелъ изъ Новгорода въ Туровъ, безъ сомнѣнія, для того, чтобы быть поближе къ Кіеву, на случай скорой смерти Всеволода. Но Мономахъ, вопреки желанію кіевлянъ, отказался отъ великокняжескаго стола изъ опасенія, что Святополкъ Изяславичъ будетъ доискиваться оружіемъ своихъ правъ на кіевскій столъ.

Поставивъ главною задачею своей дѣятельности водвореніе земскаго мира и спокойствія въ русской землѣ, Всеволодовъ сынъ не считалъ себя въ правѣ оспаривать право на кіевскій столъ у своего дяди Святополка и тѣмъ самымъ нарушить земскій миръ. Кромѣ того, Мономахъ опасался враждебныхъ дѣйствій и со стороны Олега Святославича, который считалъ себя и въ дѣйствительности былъ старше Владимира Всеволодовича.

Хотя кіевляне не знали Святополка Изяславича, но когда онъ явился къ нимъ, въ Кіевъ, изъ Турова, по приглашенію Мономаха, то они вышли къ нему съ поклономъ и приняли его съ радостію. Но радость ихъ была непродолжительна; по характеру и своимъ наклонностямъ и способностямъ сынъ Изяславовъ представлялъ рѣзкую противоположность съ сыномъ Всеволода: Святополкъ былъ жестокъ, корыстолюбивъ и властолю-

бивъ безъ разума и твердости; сыновья его походили на отца. Свою полную неспособность къ дѣламъ правленія онъ выказалъ ужъ съ самаго начала по дѣлу съ половцами.

Какъ только въ степи заслышали о вступленіи на кіевскій престолъ новаго князя, половцы пришли за дарами для утвержденія прежняго мира. Такой обычай завелся со временъ Всеволода. Мономахъ разсказывалъ своимъ дѣтямъ, что онъ заключалъ съ половцами девятнадцать міровъ, при чемъ передавалъ имъ много скота своего и платья. Святополкъ же, по совѣту своей дружины, велѣлъ посадить половецкихъ пословъ въ тюрьму: или дружинники княжескіе жалѣли скота и платья на покупку мира, или же, ничего не понимая въ половецкихъ дѣлахъ, они рвались въ бой. Къ великому огорченію Мономаха, начался безтолковый походъ, и великій князь Святополкъ жестоко поплатился.

Половцы, услыхавъ о заключеніи пословъ своихъ, стали воевать; пришло ихъ много, и обступили они торческій городъ, т.-е. городъ, заселенный торками, выжгли и уничтожили нѣкоторыя пограничныя поселенія Кіевской Руси. Узнавъ о томъ, Святополкъ испугался, захотѣлъ мира, отпустилъ половецкихъ пословъ, но тогда уже сами половцы не хотѣли мира и продолжали воевать. Святополкъ началъ собирать войско и снаряжаться въ походъ. Умные совѣтники говорили ему:

— Не выходи, князь, къ нимъ! У тебя мало войска.

— У меня 800 своихъ отроковъ,— отвѣчалъ имъ князь.—Могутъ они противъ половцевъ стать.

Неразумные дружинники подстрекали Святополка, говоря ему:

— Ступай, князь! Не бойся поганыхъ! Смѣлымъ Богъ владѣетъ!

Дружинникамъ возражали благоразумные совѣтники, которые убѣждали князя не предпринимать похода противъ половцевъ, а вступить съ ними въ мирные переговоры или обратиться за помощью къ Владимиру Мономаху.

— Хотя бы ты, князь,— между прочимъ, сказали Святополку его умные совѣтники, — пристроилъ и восемь тысячъ воевъ (т.-е. воиновъ), такъ и то было бы трудно бороться съ половцами; пошли-ка лучше къ брату своему Владимиру, чтобы онъ помогъ тебѣ.

Святополкъ послушался и послалъ къ Владимиру своихъ мужей, приказавъ имъ передать племяннику, что онъ, кіевскій князь, проситъ своего племянника помочь ему противъ половцевъ.

Мономахъ, собравъ войско, пошелъ въ Кіевъ.

Здѣсь, въ Михайловскомъ монастырѣ, они имѣли свиданіе съ Святополкомъ. Рѣшая вопросъ, отправляться ли въ походъ противъ половцевъ или мириться съ ними,— дядя сталъ спорить съ племянникомъ. Споръ оказался такимъ горячимъ и продолжительнымъ, что разумные княжіе мужи стали говорить имъ:

— Что вы тутъ спорите, а поганые губятъ русскую землю; послѣ уладитесь, а теперь ступайте противъ поганыхъ либо съ миромъ, либо съ войною.

Владиміръ Мономахъ, помня отцовскій завѣтъ поддерживать мирныя отношенія къ половцамъ, настаивалъ на необходимости вступить въ мирные переговоры съ ними; Святополкъ же хотѣлъ рати (т.-е. войны).

Наконецъ, уладились дядя съ племянниками Владиміромъ и Ростиславомъ, поцѣловали крестъ

и пошли втроемъ съ своими дружинами по направленію къ рѣкѣ Стужѣ, близъ которой, по ихъ предположенію, находились половцы. Когда они приблизились къ этой рѣкѣ, то прежде, чѣмъ переходить ее, созвали дружину на совѣтъ и начали думать. Мономахъ говорилъ:

— Врагъ грозенъ: остановимся здѣсь и будемъ съ нимъ мириться.

— Ты, князь, правду молвишь: съ погаными надо намъ мириться! — сказали тогда разумные княжіе совѣтники.

Но кіевляне, державшіе сторону своего князя, возражали Мономаховымъ совѣтникамъ, говоря имъ:

— Хотимъ биться, пойдемъ на ту сторону рѣки!

— Будемъ, братья, биться съ погаными! — громко крикнулъ Святополкъ.— Быть-можетъ, съ Божьею помощью мы и одолѣемъ ихъ.

Мономахъ, не желая ссориться съ дядею, на этотъ разъ ничего не сказалъ, полагая, что если возражать Святополку, то лишь попусту потерять время. И вотъ три князя: Святополкъ, Владимиръ и Ростиславъ переправились на противоположный берегъ рѣки Стужи; миновали Треполь и близъ этого города встрѣтили половцевъ. Произошелъ жестокій бой. Русскіе князья потерпѣли пораженіе и обратились въ бѣгство. Во время переправы черезъ рѣку Стужу утонулъ Ростиславъ на глазахъ своего брата. Владимиръ Мономахъ, огорченный потерей младшаго брата и почти всей дружины, пришелъ въ Черниговъ, а Святополкъ бѣжалъ сначала въ Треполь, а потомъ—въ Кіевъ.

Одолѣвъ русскихъ князей, половцы пустились воевать по всей русской землѣ, а часть ихъ войска возвратилась къ торческому городу. Торки мужественно защищали свой городъ и убивали мно-

гихъ половцевъ. Девять недѣль стояли они подъ Торческомъ, наконецъ, раздѣлились: одни остались продолжать осаду, а другіе пошли къ Кіеву. Святополкъ вышелъ противъ нихъ на рѣку Желань; полки сошлись, и русскіе опять побѣжали; здѣсь погибло нашихъ предковъ еще больше, чѣмъ у города Треполя; Святополкъ пришелъ въ Кіевъ самъ-третей только, а половцы возвратились къ Торческу. По словамъ древнерусскаго лѣтописца, они, поганые, жгли села и гумна, а также и церкви; жителей били, оставшихся въ живыхъ мучили, уводя въ плѣнъ; города и села опустѣли; на поляхъ, гдѣ прежде паслись стада коней, овецъ и воловъ, тогда все стало пусто, нивы поросли лѣсомъ, въ которомъ стали водиться дикіе звѣри.

Когда половцы, нанеся жестокое пораженіе Святополковой рати, возвратились къ Торческу, то жители этого города, изнемогая отъ голода, сдались имъ. Половцы, взявши городъ, сожгли его, а жителей, раздѣливъ на группы, повели къ себѣ въ степи, въ свои вѣжи (такъ назывались жилища и поселенія половцевъ). Печальные, изнуренные голодомъ и жаждою, съ осунувшимися лицами, почернѣвшимъ тѣломъ, нагіе, босые, исколотые терновникомъ, шли русскіе плѣнники въ степи, со слезами разсказывая другъ другу, откуда кто родомъ — изъ какого города или изъ какого села.

Святополкъ, убѣдившись горькимъ опытомъ, что нельзя одолѣть половцевъ ратною силою, помирился съ ними, одаривъ ихъ дарами свыше обыкновенныхъ. Вскорѣ послѣ того кіевскій князь женился на дочери главнаго половецкаго хана Тугоркана, которая приняла крещеніе.

О жестокомъ пораженіи, которое потерпѣли русскіе князья отъ половцевъ, узналъ, между про-

чимъ, двоюродный братъ Святополковъ, Олегъ Святославичъ, жившій тогда въ Тмутаракани. Вѣсть о пораженіи русской рати, въ которой принималъ участіе Владимиръ Мономахъ, возбудила въ воинственномъ и отважномъ князѣ Олегѣ Гориславичѣ надежду получить не только часть въ русской землѣ, но и всѣ отцовскія волости.

Не успѣлъ еще кіевскій князь Святополкъ вполнѣ успокоиться и прійти въ себя послѣ двухъ пораженій, нанесенныхъ „погаными“ княжеской дружинѣ и земскому ополченію, какъ снова нагрянули на Русь половцы, и на этотъ разъ ими предводительствовалъ Олегъ Святославичъ, прибывшій изъ Тмутаракани. Онъ пришелъ къ Чернигову, гдѣ осадилъ Мономаха; окрестности города, монастыри были имъ выжжены; восемь дней билась съ половцами дружина Мономахова и не пустила ихъ въ городъ.

Но Владимиру Мономаху стало жаль христіанской крови, горящихъ монастырей, селъ; онъ не захотѣлъ народной войны и выслалъ сказать Олегу, чтобъ тотъ „не хвалился своими погаными“; что онъ, Владимиръ, „не хочетъ только кровопролитія въ самомъ православномъ христіанствѣ“, и онъ ему, Олегу, какъ братъ брату, добровольно уступитъ Черниговъ. Отдавъ, такимъ образомъ, Олегу княжескій столъ отца его, Святослава, самъ Мономахъ занялъ столъ своего отца, отправившись съ небольшою своею дружиною изъ Чернигова въ Переяславль; во время перехода ему пришлось вмѣстѣ съ дружинниками пройти чрезъ полки половецкіе; по словамъ самого Мономаха, половцы облизывались на нихъ, какъ волки, но напасть не смѣли.

Сѣвъ въ Черниговѣ, Олегъ Святославичъ допустилъ половцевъ опустошать окрестные города,

Русскіе князья въ походѣ противъ половцевъ.

села и деревни: князь не противился „погапымъ“, онъ даже самъ велѣлъ имъ воевать черниговскую землю, такъ какъ не обладалъ достаточнымъ количествомъ скота и платья, золота и серебра, чтобы заплатить союзникамъ, доставившимъ ему отцовскую волость.

По словамъ древнерусскаго лѣтописца, „это уже въ третій разъ навелъ онъ, Олегъ, погапыхъ на русскую землю; прости, Господи, ему этотъ грѣхъ, потому что много христіанъ было погублено, а другіе взяты въ плѣнъ и расточены по разнымъ землямъ“. Но этого тяжкаго грѣха — наведенія погапыхъ на святую Русь не могли простить наши предки Олегу Гориславичу, и насколько значительна и сильна была ихъ привязанность и любовь къ Мономаху и къ его потомству, главной задачей которыхъ была защита русской земли отъ погапыхъ, настолько же велико было ихъ нерасположеніе къ Олегу, наводившему на Русь половцевъ, и ко всему его роду.

Незавидно было житье Мономаха въ Переяславлѣ; по его словамъ: „Три лѣта и три зимы прожилъ я въ Переяславлѣ съ дружиною, и много бѣдъ натерпѣлись мы отъ рати и отъ голода“. Половцы не переставали нападать на Переяславскую волость, и безъ того уже разоренную; они разохотились нападать на русскую землю, жечь, грабить и уводить плѣнныхъ. Вскорѣ самъ Тугорканъ, Святополковъ тесть, выступилъ походомъ противъ русскихъ князей. Владимиръ Мономахъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ напали на половецкія полчища, разбили ихъ, и Тугорканъ палъ въ бою. Святополкъ поднялъ своего тестя съ браннаго поля и похоронилъ на распутьи дорогъ подъ Кіевомъ.

Другой разъ половцы напали врасплохъ на самый монастырь Печерскій, разбудили спавшихъ

послѣ утрени монаховъ, обдирали и рубили иконы; хвалились, что посѣкутъ „русскаго Бога“. Половцы сдѣлались, наконецъ, для русской земли истиннымъ бичомъ Божьимъ. Весь южный край, въ степныхъ мѣстахъ за Кіевомъ, только что было заселившійся, опять обезлюдѣлъ. Въ народѣ стали поговаривать о безпечности русскихъ князей, объ отсутствіи у нихъ заботы о защитѣ своихъ владѣній отъ нападенія „поганыхъ“; „они только ссорятся изъ-за волостей между собою (такъ разсуждали „простые люди“), а половцы радуются тому и разносятъ русскую землю розно“.

Изъ всѣхъ древнерусскихъ князей послѣ святого Владимира никто такъ близко къ сердцу не принималъ народнаго горя, какъ Владиміръ Мономахъ; его завѣтною мыслью сдѣлалось одно примирить между собою всѣхъ русскихъ князей соединить въ одно войско ихъ дружины и земскія ополченія и снарядить ихъ въ походъ противъ поганыхъ. Не легко было тогда водворить земскій миръ на Руси: раздоры между князьями изъ-за волостей наблюдались во всей русской землѣ. Такъ, кіевскій князь Святополкъ и владимирскій князь Давидъ Игоревичъ посягали на Галичъ, отданный еще Всеволодомъ Ярославичемъ Володарю и Василько Ростиславичамъ. Затѣмъ полоцкіе князья были недовольны тѣмъ, что отъ ихъ владѣнія отняли города Туровъ и Пинскъ, а великому князю кіевскому хотѣлось еще къ своей родовой отчинѣ (т.-е. отцовскому владѣнію) — Турову и Пинску, придать Владиміръ Волынскій, гдѣ княжилъ Давидъ Игоревичъ. Несмотря на всѣ старанія Мономаха, Олегъ черниговскій не хотѣлъ мириться съ Святополкомъ кіевскимъ.

Въ 1096 году Святополкъ и Владиміръ послали сказать Олегу Святославичу:

— Пріѣзжай въ Кіевъ къ гробамъ родителей! Урядимся о русской землѣ предъ епископами, игуменами, мужами отцовъ нашихъ и людьми городскими, чтобъ послѣ намъ можно было сообща оборонять русскую землю отъ поганыхъ.

— Не пойду,— такъ отвѣчалъ Олегъ,— на судъ къ епископамъ, игуменамъ да смердамъ (т.-е. крестьянамъ).

Гордый отвѣтъ черниговскаго князя возбудилъ къ нему еще сильнѣйшее нерасположеніе въ жителяхъ Кіева и другихъ сосѣднихъ съ нимъ городовъ. По словамъ древнерусскаго лѣтописца, Олегъ и его злые совѣтники достойны порицанія за свой буйный смыслъ и за слова величавыя.

Получивъ не дружелюбный отвѣтъ отъ Гориславича (т.-е. Олега), Святополкъ и Владиміръ рѣшили объявить ему войну:

— Ты нейдешь съ нами на поганыхъ (такъ говорили кіевскій и переяславскій князья черниговскому), нейдешь къ намъ на совѣтъ: значитъ, — мыслишь на насъ недоброе и поганымъ помогать хочешь: пусть же Богъ разсудитъ насъ.

Князья выступили противъ Олега и направились къ Чернигову; Святославичъ выбѣжалъ изъ своего города и заперся въ Стародубѣ. Святополкъ и Владиміръ осадили этотъ городъ и стояли подъ нимъ 33 дня.

Наконецъ, осажденные изнемогли; Олегъ вышелъ изъ города, сталъ просить мира; братья его согласились заключить съ нимъ миръ, но предварительно сказали ему:

— Ступай къ брату своему Давиду, и пріѣзжайте оба вмѣстѣ въ Кіевъ, къ столу отцовъ и дѣдовъ нашихъ: то старшій городъ во всей землѣ, въ немъ слѣдуетъ собираться намъ и улаживаться.

Олегъ обѣщалъ пріѣхать, цѣловалъ крестъ и отправился изъ Стародуба въ Смоленскъ; но смольняне не захотѣли принять его, и онъ принужденъ былъ ѣхать въ Рязань. Спустя нѣкоторое время, Олегъ съ полками брата своего Давида пошелъ изъ Рязани въ Муромъ на Изяслава, сына Мономахова. Изяславъ Владимировичъ, узнавъ, что Олегъ идетъ на него, послалъ за суздальцами, ростовцами, бѣлозерцами и собралъ много войска.

Олегъ послалъ сказать Изяславу:

— Ступай въ волость отца своего, въ Ростовъ, а это—волость (Муромъ) моего отца, хочу здѣсь сѣсть и урядиться съ твоимъ отцомъ; онъ выгналъ меня изъ отцовскаго города, а ты неужели и здѣсь не хочешь дать мнѣ моего же хлѣба?

Изяславъ не послушался его, надѣясь на множество войска. Передъ стѣнами Мурома произошла битва между князьями — дядей и племянникомъ. Въ этой битвѣ Изяславъ Владимировичъ былъ убитъ; войско его разбѣжалось, кто — въ городъ, кто — въ сосѣдній лѣсъ.

Олегъ вошелъ въ Муромъ, былъ принятъ гражданами, перехваталъ ростовцевъ, бѣлозерцевъ, суздальцевъ, поковалъ ихъ и устремился въ Суздаль; суздальцы сдались. Олегъ усмирилъ городъ: однихъ жителей взялъ въ плѣнъ, другихъ разсѣялъ по разнымъ мѣстамъ, имѣнье у нихъ отнялъ. Изъ Суздаля пошелъ къ Ростову, — и ростовцы сдались; такимъ образомъ, онъ захватилъ всю землю муромскую и ростовскую, посажалъ посадниковъ по городамъ и началъ брать дани. Въ это время пришелъ къ нему посолъ отъ Мстислава Владимировича изъ Новгорода.

— Ступай, князь, изъ Суздаля въ Муромъ, — сказалъ посолъ Святославичу отъ имени Мономаховича,— въ чужой волости не сиди; а я съ

дружиною пошлемъ къ отцу моему и помирю тебя съ нимъ, хотя ты и брата моего Изяслава убилъ— что же дѣлать! въ битвахъ и цари и бояре погибаютъ.

Олегъ не захотѣлъ мириться; онъ думалъ взять и Новгородъ и послалъ брата своего Ярослава въ сторожахъ (т.-е. для того, чтобы узнать мѣстонахожденіе или движеніе непріятельской рати) по направленію къ Новгороду, а самъ сталъ на полѣ у Ростова. Мстиславъ, посовѣтовавшись съ новгородцами, послалъ отъ себя въ сторожахъ Добрыню Рагуйловича, который прежде всего перехватилъ Олеговыхъ данниковъ (т.-е. сборщиковъ дани). Когда Ярославъ узналъ, что данники перехвачены, то въ ту же ночь бросился бѣжать къ Олегу съ извѣстіемъ, что Мстиславъ идетъ. Олегъ отступилъ къ Ростову,—Мстиславъ за нимъ; Олегъ двинулся къ Суздалю,—Мстиславъ пошелъ за нимъ и туда; Олегъ зажегъ Суздаль и побѣжалъ къ Мурому.

Мстиславъ, придя въ Суздаль и остановившись здѣсь, послалъ опять съ предложеніемъ мира къ своему дядѣ Олегу, при чемъ велѣлъ сказать ему:

— Я—моложе тебя; пересылайся съ отцомъ моимъ (т.-е. Мономахомъ) да выпусти дружину, а я во всемъ тебя послушаю.

Высказанная Мстиславомъ готовность во всемъ быть послушнымъ распоряженіямъ Олеговымъ объясняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ былъ своему дядѣ крестный сынъ.

Олегъ, видя, что ему трудно одолѣть своего племянника-крестника, рѣшился дѣйствовать хитростью: послалъ къ Мстиславу съ мирнымъ отвѣтомъ; и когда тотъ, понадѣявшись на миръ, распустилъ дружину по селамъ, Олегъ неожиданно

явился на Клязьмѣ; Мстиславъ обѣдалъ въ то время, когда ему дали знать о приближеніи Олега, который думалъ, что племянникъ, застигнутый врасплохъ, побѣжитъ; однако, Мстиславъ не побѣжалъ. Новгородцы поспѣшили ополчиться за своего любимаго Мономаховича; подъ Мстиславовы знамена собрались еще суздальцы, ростовцы и бѣлозерцы. Бой произошелъ на рѣкѣ Колокшѣ. Сюда подоспѣла помощь къ Мстиславу отъ самого Владимира Мономаха: онъ прислалъ половецкую конницу съ сыномъ Вячеславомъ, давъ ему и свое княжеское знамя. Когда въ бою Олегъ со своими полками вдругъ увидѣлъ, что имъ въ тылъ заходитъ княжеское знамя самого Владимира Мономаха, ужасъ напалъ на Олега и на все его войско—всѣ обратились въ бѣгство.

Побѣжавъ вонъ изъ Суздале-Ростовской земли, Олегъ жегъ и разорялъ на пути всѣ города и селенія; Мстиславъ, преслѣдуя его по пятамъ, вездѣ находилъ еще дымившіяся развалины. Недолго повластвовали Олеговы намѣстники: Мстиславъ вездѣ ихъ заковалъ въ оковы и возстановилъ собственныхъ посадниковъ. Преслѣдуя Олега, вступилъ еще побѣдителемъ въ Рязань и снова отвоевалъ Муромъ; вездѣ и въ Олеговыхъ городахъ возстановилъ собственныхъ бояръ, заточенныхъ было Олегомъ. Такъ сама война—судъ Божій между князьями—была за Олега, пока онъ доискивался своего (Чернигова и Мурома), и обратилась противъ, какъ только онъ началъ воевать несправедливо,—захотѣвъ чужого (Ростова и Суздаля), онъ снова потерялъ все свое. Но Мстиславъ не захотѣлъ притѣснять своего крестнаго отца и отправилъ къ нему мирное посланіе:

„Не бѣгай, но шли къ братьямъ мужей своихъ съ просьбой о мирѣ: не лишатъ они тебя русской

земли; а я пошлю къ отцу своему просить за тебя".

Олегъ обѣщалъ послушаться своего племянника, а Мстиславъ, возвратясь въ Новгородъ, отправилъ къ Мономаху посланіе, въ которомъ, ходатайствуя за Олега, между прочимъ, писалъ своему отцу: „Не помяни ему смерти брата моего Изяслава; станутъ они оба на судъ передъ Самимъ Богомъ".

Мономахъ, получивъ письмо отъ сына, написалъ къ Олегу:

„Пишу къ тебѣ, потому что склонилъ меня къ тому сынъ твой крестный, прислалъ ко мнѣ мужа своего и грамоту, пишетъ: *уладимся и помиримся, а братцу моему судъ пришелъ; не будемъ за него местники* (т.-е. мстить), *но положимся во всемъ на Бога: они станутъ на судъ передъ Богомъ, а мы русской земли не погубимъ.* Увидавъ такое смиреніе сына своего, я умилился и устрашился Бога, подумавъ: „Сынъ мой въ юности своей и въ безуміи такъ смиряется, на Бога все возлагаетъ; а я что дѣлаю?" Грѣшный я человѣкъ, грѣшнѣе всѣхъ людей! Послушался я сына своего, написалъ къ тебѣ грамоту: примешь ли ее добромъ, или съ поруганьемъ,—увижу по твоей грамотѣ. Я первый написалъ къ тебѣ, ожидая отъ тебя смиренья и покаянья. Господь нашъ—не человѣкъ, а Богъ всей вселенной, что хочетъ—все творитъ въ мгновенье ока; а претерпѣлъ же хуленье, и плеванье, и ударенье, и на смерть отдался, владѣя животомъ и смертью; а мы что, люди грѣшные? Нынѣ—живы, а завтра—мертвы; нынѣ—въ славѣ и чести, а завтра—въ гробѣ и безъ памяти: другіе раздѣлятъ по себѣ собранное нами. Посмотри, братъ, на отцовъ нашихъ: много ли они взяли съ собой кромѣ того, что сдѣлали для своей души? Тебѣ бы слѣдовало,

братъ, прежде всего прислать ко мнѣ съ такими словами. Когда убили дитя мое (сына Изяслава) предъ тобою, когда ты увидалъ кровь его и тѣло увянувшее, какъ цвѣтокъ только что распустившійся, какъ агнца заколеннаго, подумать бы тебѣ, стоя надъ нимъ: „Увы, что я сдѣлалъ! Для неправды свѣта сего суетнаго взялъ грѣхъ на душу, отцу и матери причинилъ слезы!“ Сказать бы тебѣ было тогда, подобно псалмопѣвцу Давиду: „Азъ знаю грѣхъ мой, предо мной есть выну!“ Богу бы тебѣ тогда покаяться, а ко мнѣ написать грамоту утѣшную. Если бы ты тогда Муромъ взялъ, а Ростовъ не занималъ и прислалъ ко мнѣ съ предложеніемъ мира, то мы уладились бы; но разсуди самъ: мнѣ ли было первому къ тебѣ посылать, или тебѣ ко мнѣ; а что ты говорилъ сыну моему: „шли къ отцу“, такъ я десять разъ посылалъ. Удивительно ли, что мужъ умеръ на рати? Умирали такъ и прежде наши прадѣды: не надо бы было ему искать чужого,—и меня въ стыдъ и въ печаль не вводилъ бы; этому научили его отроки (т.-е. слуги, дружинники) для своей корысти, а ему—на гибель. Захочешь покаяться предъ Богомъ и со мною помириться, то напиши грамоту съ правдою и пришли съ нею посла или попа, такъ и волость (т.-е. княжество) возьмешь добромъ и наше сердце обратишь къ себѣ, и лучше будемъ жить, чѣмъ прежде: я тебѣ ни врагъ ни местникъ (т.-е. мститель). Не хотѣлъ я видѣть твоей крови у Стародуба; но не дай мнѣ Богъ видѣть крови и отъ твоей руки, и ни отъ котораго брата, по своему попущенію; если я лгу, то Богъ меня вѣдаетъ и крестъ честный. Если тотъ мой грѣхъ, что ходилъ на тебя къ Чернигову за дружбу твою съ погаными, то каюсь. Теперь подлѣ тебя сидитъ сынъ твой крестный съ малымъ братомъ своимъ,

ѣдятъ хлѣбъ дѣдовскій, а ты сидишь въ своей волости: такъ рядись, если хочешь, а если хочешь ихъ убить, они—въ твоей волѣ; а я не хочу лиха (т.-е. зла), добра хочу братьѣ и русской землѣ. Что ты хочешь теперь взять насильемъ, то мы, смиловавшись, давали тебѣ и у Стародуба, — отчину твою; Богъ свидѣтель, что мы рядились съ братомъ твоимъ, да онъ не можетъ рядиться безъ тебя; мы не сдѣлали ничего дурного, но сказали ему: „Посылай къ брату, пока не уладимся“. Если же кто изъ васъ не хочетъ добра и мира христіанамъ, то пусть душа его на томъ свѣтѣ не увидитъ мира отъ Бога. Я къ тебѣ пишу не по нуждѣ: нѣтъ мнѣ никакой бѣды; пишу тебѣ для Бога, потому что мнѣ своя душа дороже цѣлаго свѣта“.

Прочитавъ Мономахово письмо, Олегъ склонился, наконецъ, къ полному миру; признавъ Святополково великое княженіе, онъ пошелъ къ братьѣ на совѣтъ „къ гробамъ родителей въ Кіевѣ“.

Княжескій съѣздъ состоялся у Любеча (въ 1097 году). Князья съѣзжались тогда на совѣтъ—каждый съ боярами своими, со своею дружиною; съ *товарами*, какъ тогда говорилось, то-есть: съ повозками и конями, навьюченными въ дорогу всякимъ добромъ. Никакія палаты не вмѣстили бы такого сборища. Но князья располагались обыкновенно гдѣ-нибудь въ просторномъ привольѣ развѣсистой древесной зелени; раскидывая искусно къ тому приспособленные и отличавшіеся охотницкою роскошью дорожные шатры, они устраивались цѣлымъ шумнымъ таборомъ, каждый со своими. Кромѣ того, воздвигался еще и главный большой шатеръ, куда собирались на общія совѣщанія.

На этотъ разъ, княжескій съѣздъ расположился въ заливныхъ лугахъ Днѣпра подъ Любечемъ;

Съѣздъ русскихъ князей въ Любечѣ.

это сборище древнерусскихъ князей извѣстно въ исторіи подъ именемъ *Любечскаго съѣзда.*

По мысли Мономаха, съѣхались сюда на совѣтъ всѣ главные князья русской земли, старшіе сыновья и внуки Ярославичей (т.-е. дѣтей Ярослава Мудраго) и „сидѣли на одномъ коврѣ подъ старѣйшинствомъ“ (т.-е. предсѣдательствомъ) великаго князя Святополка. Кромѣ Святополка были тутъ: Олегъ Гориславичъ, сынъ насильника-Святослава, со старшимъ братомъ Давидомъ; доблестный сынъ Всеволода Праваго—Владиміръ Мономахъ; затѣмъ, князья-изгои: Давидъ Игоревичъ изъ Волынской земли и сыновья удалого Тмутараканскаго князя Ростислава: Володарь и Василько, имѣвшіе удѣлъ въ Галицкой землѣ близъ польскихъ предѣловъ.

Душою съѣзда все время былъ Владиміръ Мономахъ, онъ же и уступалъ больше всѣхъ изъ своихъ владѣній въ пользу общаго мира. Къ нему, какъ къ главному примирителю, обращались всѣ прочіе князья и повторяли за нимъ единогласно: „Зачѣмъ губимъ русскую землю, поднимая сами на себя вражду? А половцы землю нашу несутъ розно и рады, что между нами идутъ усобицы! Будемъ лучше жить въ мирѣ, станемъ единымъ сердцемъ и единымъ умомъ блюсти русскую землю!“

На съѣздѣ въ Любечѣ никто не возбуждалъ вопроса о какомъ-либо измѣненіи или уничтоженіи правъ древне-русскихъ князей на тѣ земли, какими владѣли они сами или ихъ отцы незадолго до Любечскаго съѣзда: ни стараго устройства не отвергали, ни новаго на будущее время не предрѣшали. А къ чему были приведены князья въ силу тогдашнихъ обстоятельствъ и что сложилось на дѣлѣ само собою, то они и утвердили. Послѣ общаго совѣщанія князья объявили, что

пусть каждый изъ нихъ держитъ отчину (т.-е отцовское владѣніе) свою: Святополкъ—Кіевъ вмѣстѣ съ тою волостію, которая съ давнихъ временъ принадлежала его роду, — съ Туровымъ; Владимиръ Мономахъ получилъ всѣ волости Всеволодовы, т.-е. Переяславль, Смоленскъ, Ростовскую область; Новгородъ же остался за сыномъ его Мстиславомъ; Святославичи—Олегъ, Давидъ и Ярославъ—Черниговскую волость; относительно князей-изгоевъ Давида Игоревича и Володаря и Василька Ростиславичей положено было держаться распоряженій великаго князя Всеволода: за Давидомъ Игоревичемъ оставить Владимиръ-Волынскій, за Володаремъ Ростиславичемъ — Перемышль, за Васильком — Теребовль. Уладившись, князья цѣловали крестъ, говоря:

— Если теперь кто-нибудь изъ насъ поднимется на другого, то мы всѣ встанемъ на зачинщика, и крестъ честной будетъ на него же.

Всѣ бояре и дружинники повторяли:

— Крестъ честной на того клятвопреступника и вся земля русская!

Поцѣловавъ братски другъ друга, князья разъѣхались по домамъ. Благодаря Любечскому съѣзду прекратилась на востокѣ борьба съ Святославичами изъ-за волости Черниговской. Но не всѣ князья остались довольны Любечскимъ договоромъ. Владимиро-волынскій князь Давидъ Игоревичъ да и самъ великій князь кіевскій Святополкъ втайнѣ озлобились, больше прежняго негодуя тогда на Володаря и Василька Ростиславичей за окончательное утвержденіе за ними галичскихъ владѣній, смежныхъ съ ихъ собственными.

Младшій изъ Ростиславичей, Василько, князь теребовльскій, еще въ юности отличался необыкновенно предпріимчивымъ духомъ; онъ уже былъ

извѣстенъ своими войнами съ Польшею, на опустошеніе которой онъ водилъ половцевъ. Этотъ доблестный и воинственный князь затѣвалъ тогда новые походы: на его зовъ шли къ нему толпы берендеевъ, печенѣговъ, торковъ и другихъ кочевниковъ татарскаго или русскаго происхожденія. Василько хотѣлъ вмѣстѣ съ ними отправиться походомъ на Польшу, повоевать ее и отомстить полякамъ за походы обоихъ королей Болеславовъ. По окончаніи похода на Польшу, онъ хотѣлъ итти на болгаръ дунайскихъ и заставить ихъ переселиться на Русь; наконецъ, хотѣлъ онъ итти на половцевъ и либо славу себѣ найти, воюя съ ними, либо голову свою сложить за русскую землю. Сосѣдство такого предпріимчиваго и неустрашимаго князя не могло нравиться Давиду Игоревичу. Давидъ не зналъ настоящихъ намѣреній Василька, слышалъ только о его военныхъ приготовленіяхъ, слышалъ о приближеніи къ Волыни полковъ, состоявшихъ изъ кочевниковъ разнаго рода, и могъ предполагать, что воинственный Василько прежде всего займется завоеваніемъ его волости: Давиду Игоревичу была извѣстна вражда Ростиславичей къ прежнему волынскому князю Ярополку, убійца котораго — Нерадитъ, бѣжалъ въ Перемышль къ Рюрику Ростиславичу. Злымъ совѣтникамъ князя Давида Игоревича могло казаться страннымъ, что два доблестныхъ князя Мономахъ и Василько не воспользуются своею силою и славою для возвышенія и усиленія себя на счетъ князей, менѣе достойныхъ; и вотъ эти совѣтники—Турякъ, Лазарь и Василь—стали говорить своему князю, что Мономахъ сговорился съ Васильком на него и на Святополка, что Мономахъ хочетъ сѣсть въ Кіевѣ, а Василько—на Волыни. Давидъ испугался: дѣло шло о потерѣ волости

(т.-е. княжества), объ изгнаніи, которое онъ уже испыталъ. Въ тѣ тревожныя времена многое невѣроятное могло казаться возможнымъ и вѣроятнымъ, особенно такимъ подозрительнымъ и мнительнымъ людямъ, каковыми были Давидъ Игоревичъ и Святополкъ Изяславичъ.

Владимиро-волынскій князь Давидъ прямо изъ Любеча направился въ Кіевъ къ великому князю Святополку въ гости и засталъ его въ дурномъ настроеніи духа.

— Почему ты сегодня такой пасмурный и невеселый? — спросилъ у великаго князя Давидъ Игоревичъ.

— Долженъ тебѣ откровенно сознаться, что, чѣмъ больше я размышлялъ и размышляю о сосѣдствѣ съ моими владѣніями воинственнаго князя Василька, тѣмъ опаснѣе представляется мнѣ мое положеніе въ случаѣ войны съ нимъ. Помнишь ли ты, князь, кто больше другихъ настаивалъ на томъ, чтобы оставить за Володаремъ и Василькомъ Ростиславичами города Перемышль и Теребовль? — вторично спросилъ Давидъ Святополка.

— Я помню, кто больше другихъ ходатайствовалъ за князей-изгоевъ, особенно за Святославичей и Ростиславичей, это—Владиміръ Мономахъ. Но я не могу допустить, чтобы этотъ князь, заступникъ и защитникъ всѣхъ гонимыхъ и обижаемыхъ, въ состояніи былъ намѣренно дѣйствовать въ ущербъ моимъ или чьимъ-либо другимъ интересамъ.

— Ты такъ говоришь и полагаешь потому только, что многаго не знаешь изъ дѣйствій и поступковъ Мономаховыхъ и Ростиславичей.

— Мнѣ кажется, что ты, Давидъ, ошибаешься, упрекая меня въ какомъ-то невѣдѣніи. О дѣйствіяхъ и поступкахъ Владимира Мономаха, Володаря

и Василька Ростиславичей я знаю не меньше тебя,—съ горячностью возразилъ Святополкъ.

— Хочешь, князь, я сообщу тебѣ объ этихъ князьяхъ то, чего ты, навѣрно, не знаешь?—нѣсколько оживляясь, спросилъ Давидъ Игоревичъ.

— Охотно выслушаю тебя, если ты знаешь больше меня о князьяхъ—моихъ сосѣдяхъ.

— Слыхалъ ли ты, князь, кто убилъ брата твоего Ярополка, а теперь мыслитъ на тебя и на меня?

— Нѣтъ, не слыхалъ,—сильно смутившись, отвѣчалъ Святополкъ.—Попрошу тебя, Давидъ, немедленно о томъ сказать!

— Такъ знай же, князь, что брата твоего Ярополка убилъ Нерадецъ, по наущенію Ростиславичей и съ вѣдома Владимира Мономаха! А послѣ Василько и Мономахъ задумали выгнать меня изъ Владимира Волынскаго, а тебя—изъ Кіевскаго княжества для того, чтобы Василько сѣсть въ Волыни, а Мономаху—въ Кіевѣ.

— Правду ли ты, Давидъ, мнѣ говоришь? — все больше смущаясь, продолжалъ допрашивать Святополкъ владимиро-волынскаго князя.

— Если ты мнѣ не вѣришь, я могу позвать моихъ вѣрныхъ слугъ Туряка, Лазаря и Василя, которые подтвердятъ тебѣ сказанное мною. Но я совѣтую тебѣ: не довѣряйся Владимиру Мономаху, который сговорился противъ насъ съ тобой съ Васильком Ростиславичемъ, а лучше всего не медли и помышляй о своей головѣ!

— Если правду говоришь, Давидъ, то Богъ будетъ тебѣ Свидѣтель; если же изъ зависти, то Богъ тебѣ Судья!

— Не будемъ, князь, тратить попусту время на безполезныя пренія! Лучше подумаемъ о томъ, какъ бы надежнѣе намъ помышлять о своихъ головахъ! Прежде всего, надо задержать въ Кіевѣ

Василька, къ которому въ его городъ Теребовль собираются, какъ я узналъ отъ своихъ вѣрныхъ слугъ, многія толпы берендеевъ, печенѣговъ и торковъ. Противъ кого, какъ не противъ насъ съ тобою, собираетъ теребовльскій князь такую огромную рать. Если не схватимъ мы Василька какъ можно скорѣе, то ни тебѣ не княжить въ Кіевѣ, ни мнѣ—во Владимирѣ!

— Хотя не слѣдовало бы намъ съ тобой нарушать крестное цѣлованіе, но изъ твоихъ разумныхъ рѣчей, Давидъ, я вижу, что ты правъ, что мы не можемъ спокойно княжить,—я—въ Кіевѣ, а ты—во Владимирѣ Волынскомъ, пока не лишимъ свободы Василька, собирающаго великую рать противъ насъ съ тобою.

Въ то время, когда происходило совѣщаніе Святополка съ Давидомъ, пріѣхалъ въ Кіевъ Василько и пошелъ помолиться Богу въ Михайловскій монастырь, гдѣ и поужиналъ, а вечеромъ возвратился въ свой обозъ.

Узнавъ о пріѣздѣ теребовльскаго князя, Святополкъ поспѣшилъ отправить къ нему своего мужа, которому приказалъ передать князю просьбу остаться въ Кіевѣ до его именинъ (крестное имя Святополка было Михаилъ; Михаиловъ день — 8 ноября). Василько велѣлъ отвѣчать, что не можетъ дожидаться, во-первыхъ, потому, что боится, чтобы въ его отсутствіе не напали на его городъ Теребовль сосѣдніе враги, а во-вторыхъ, ему нельзя было мѣшкать въ Кіевѣ по той причинѣ, что онъ уже отпустилъ впередъ свои обозы и опасается засѣсть на пути по замерзлой дорогѣ „въ такой груденъ“, т.-е. по ноябрьской гололедицѣ.

Давидъ Игоревичъ также послалъ къ Василько своего мужа съ тѣмъ же приглашеніемъ. Посланному велѣно было сказать:

— Не уходи, Василько, изъ Кіева! не ослушайся старшаго брата! Дурно поступишь, если оставишь именинника наканунѣ дня его ангела!

Но Василько отвѣчалъ отказомъ на оба приглашенія. Тогда Давидъ сказалъ Святополку:

— Видишь, не хочетъ тебя знать, находясь въ твоей волости; что же будетъ, когда придетъ въ свою землю? Увидишь, что займетъ города твои— Туровъ, Пинскъ и другіе; тогда помянешь меня. Созови кіевлянъ, схвати его и отдай мнѣ!

Святополкъ послушался и послалъ сказать Васильку:

— Если не хочешь остаться до именинъ, то зайди хотя нынче: повидаемся и посидимъ вмѣстѣ съ Давидомъ!

Не желая быть ослушникомъ воли великаго князя кіевскаго, Василько, сѣвъ на коня, направился къ княжему двору; по дорогѣ ему встрѣтился одинъ изъ слугъ его и сказалъ:

— Не ѣзди, князь! хотятъ тебя схватить.

Василько не повѣрилъ и сталъ размышлять: „Какъ же могутъ меня схватить? А крестъ-то мнѣ цѣловали, обѣщались, что если кто на кого первый поднимется, то всѣ будутъ на зачинщика и крестъ честной“; подумавъ такимъ образомъ, онъ перекрестился и, сказавъ: „На все Божья воля!“ съ малою дружиною въѣхалъ на княжій дворъ. Святополкъ вышелъ къ нему навстрѣчу и ввелъ его въ свой теремъ. Пришелъ Давидъ, и всѣ сѣли. Святополкъ опять сталъ упрашивать Василька, говоря ему:

— Останься на праздникъ!

— Никакъ не могу, братъ, — отвѣчалъ Василько.—Я уже и обозъ отправилъ впередъ.

А Давидъ все время сидѣлъ, какъ нѣмой. Потомъ Святополкъ началъ упрашивать Василька

хотя бы позавтракать у него. Позавтракать Василько согласился, а Святополкъ, который чувствовалъ себя въ домѣ какъ-то неловко со своимъ довѣрчивымъ гостемъ, немного посидѣвъ съ нимъ, вышелъ, сказавъ:

— Посидите вы здѣсь, а я пойду, распоряжусь.

Василько сталъ разговаривать съ Давидомъ, но тотъ упорно молчалъ, какъ будто отъ испуга у него отнялся языкъ. Посидѣвъ немного времени съ Васильком, Давидъ спросилъ слугъ:

— Гдѣ братъ Святополкъ?

— Великій князь,—отвѣчали слуги Давиду,—стоитъ въ сѣняхъ.

Тогда онъ сказалъ Василько:

— Я пойду за Святополкомъ; а ты, братъ, посиди здѣсь.

Какъ только Давидъ вышелъ, Василька заперли въ той комнатѣ, гдѣ онъ находился, заковали въ двойныя оковы и приставили сторожей на ночь.

На другой день утромъ Святополкъ созвалъ бояръ и кіевлянъ, разсказалъ имъ все, что слышалъ отъ Давида, что вотъ Василько брата его убилъ, а теперь, сговорившись съ Владимиромъ Мономахомъ, хотятъ его, великаго князя кіевскаго, убить, а города его взять себѣ. Бояре и простые люди отвѣчали уклончиво:

— Тебѣ, князь, надобно беречь свою голову; если Давидъ сказалъ правду, то Василько должно наказать; если же онъ сказалъ неправду, то пусть отвѣчаетъ передъ Богомъ.

Когда узнали объ ожидающей Василька участи игумены, они стали просить за него Святополка; тотъ отвѣчалъ имъ:

— Вѣдь это все Давидъ!

Давидъ, видя, что за Василька просятъ духовныя лица и что поэтому Святополкъ ко-

леблется, сталъ подучать его на ослѣпленье, говоря ему:

— Если ты этого не сдѣлаешь, отпустишь его, то ни тебѣ не княжить, ни мнѣ.

Святополкъ хотѣлъ отпустить Василька, но Давидъ всячески убѣждалъ великаго князя этого не дѣлать: онъ сильно опасался теребовльскаго князя. Кончилось тѣмъ, однако, что Святополкъ выдалъ Давиду Василька. Въ ночь перевезли его изъ Кіева въ Бѣлгородъ на телѣгѣ, въ оковахъ; ссадивъ съ телѣги, ввели въ маленькую избу и посадили. Оглядѣвшись, Василько увидалъ, что овчарь Святополковъ, родомъ торчинъ, именемъ Беренди, точитъ ножъ; князь догадался, что хотятъ ослѣпить его; и „возопилъ Богу съ плачемъ великимъ и стономъ".

И вотъ вошли въ избу посланные отъ Святополка и Давида, Сновидъ, конюхъ Святополковъ, да Димитрій, конюхъ Давидовъ, и начали разстилать коверъ, потомъ схватили Василька и хотѣли повалить; но тотъ боролся съ ними крѣпко, такъ что вдвоемъ не могли съ нимъ сладить и позвали другихъ; тѣмъ удалось повалить его и связать. Тогда сняли доску съ печи и положили ее на грудь, а по концамъ ея сѣли Сновидъ и Димитрій и все не могли удержаться; подошли два другихъ, взяли еще доску съ печи и сѣли; кости затрещали въ груди у несчастнаго Василька. Тогда подошелъ торчинъ съ ножомъ, хотѣлъ ударить въ глазъ, но промахнулся и перерѣзалъ лицо, наконецъ, вырѣзалъ оба глаза, одинъ за другимъ, и Василько обезпамятѣлъ. Его подняли вмѣстѣ съ ковромъ, положили на телѣгу, какъ мертваго, и повезли во Владимиръ. Страдалецъ мучился всю дорогу на колесахъ по замерзлому пути. Когда проводники остановились обѣдать въ мѣстечкѣ

Здвиженьѣ, они сняли съ Василька сорочку и отдали вымыть ее попадьѣ. Вымывъ ее и надѣвъ опять на князя, попадья начала плакать по немъ, какъ по мертвомъ. Отъ этого плача князь очнулся, выпилъ свѣжей воды и, ощупавъ грудь, сказалъ:

— Зачѣмъ вы сняли съ меня окровавленную сорочку? Пусть бы я умеръ въ ней и вмѣстѣ съ нею предсталъ ко Христу Господу на судъ Божій!

Во Владимирѣ-Волынскомъ Давидъ посадилъ плѣнника подъ стражу и приставилъ къ нему 30 воиновъ съ двумя княжими отроками. Сидя въ заключеніи, Василько въ минуту смиренія говорилъ, что Богъ, конечно, наказалъ его за гордость. Не было у него и помышленія на Святополка или Давида, но были у него обширные замыслы. Онъ собиралъ войско и призывалъ берендеевъ, торковъ и печенѣговъ, чтобы итти на ляховъ (т.-е. поляковъ). Онъ думалъ сказать Давиду и брату своему Володарю:

— Дайте мнѣ младшую свою дружину, а сами пейте и веселитесь: я же пойду въ землю ляшскую, возьму ее и отомщу за землю русскую.

Кромѣ того, Василько намѣренъ былъ проситься у Святополка и Владимира на половцевъ и въ степяхъ половецкихъ или добыть себѣ славы, или сложить свою голову за русскую землю.

„Я уже возвеселился душою, слыша, что по мнѣ идутъ берендичи, но Богъ низложилъ меня за мое высокоуміе“, такъ заключилъ Василько свои печальныя размышленія.

Вѣсть объ ослѣпленіи Василька привела въ ужасъ Владимира Мономаха и многихъ другихъ русскихъ князей. Мономахъ, узнавъ, что Василька схватили и ослѣпили, ужаснулся, заплакалъ и сказалъ:

— Такого зла никогда не бывало въ русской землѣ ни при дѣдахъ, ни при отцахъ нашихъ!

Давиду и Олегу Святославичамъ Мономахъ послалъ сказать:

— Приходите, братья, скорѣе къ Городцу; исправимъ зло, какое случилось теперь въ русской землѣ и въ нашей братьѣ: бросили между насъ ножъ; если это оставимъ такъ, то большее зло встанетъ; начнетъ убивать братъ брата и погибнетъ земля русская: враги наши половцы придутъ и возьмутъ ее.

Давидъ и Олегъ Святославичи были также сильно огорчены ослѣпленіемъ Василька, плакали и, собравъ немедленно войско, пришли къ Владимиру Мономаху. Тогда всѣ три князя послали сказать Святополку:

— Зачѣмъ это ты сдѣлалъ такое зло въ русской землѣ? Зачѣмъ бросилъ ножъ между нами? Зачѣмъ ослѣпилъ брата своего? Если бы онъ былъ въ чемъ виноватъ, то ты обличилъ бы его передъ нами и тогда по винѣ наказалъ бы его; а теперь скажи, въ чемъ онъ виноватъ; что ты ему это сдѣлалъ?

— Мнѣ сказалъ Давидъ Игоревичъ,—отвѣчалъ Святополкъ,— что Василько убилъ брата моего Ярополка, хотѣлъ и меня убить, волость мою занять, сговорился съ Владимиромъ, чтобы сѣсть Владимиру въ Кіевѣ, а Василько—на Волыни; мнѣ поневолѣ было свою голову беречь, да и не я ослѣпилъ его, а Давидъ: онъ повезъ его къ себѣ, да и ослѣпилъ на дорогѣ.

— Нечего тебѣ, князь, оправдываться тѣмъ,— такъ возражали послы Мономаха и Святославичей,—что Давидъ его ослѣпилъ: не въ Давидовѣ городѣ его взяли и ослѣпили, а въ твоемъ.

На другой день послѣ этихъ переговоровъ черниговскихъ и переяславскаго князей съ кіевскимъ

Ослѣпленіе Василька.

соединенное войско, подъ предводительствомъ Владимира Мономаха и Олега Гориславича, подступило къ Кіеву; уже готовились перейти Днѣпръ, а малодушный князь Святополкъ собирался, подобно своему отцу, бѣжать въ Польшу къ ляхамъ.

Тогда самъ народъ вступился въ это дѣло, вмѣшался въ распрю князей. Кіевляне молили пощадить ихъ городъ, прекратить усобицу, которая Богъ вѣсть изъ-за чего вышла; если усобица произошла по винѣ одного Давида Игоревича, одного его и казнить праведнымъ княжескимъ судомъ.

Къ князьямъ, уже готовымъ осадить Кіевъ, вышло торжественное посольство: тутъ былъ самъ митрополитъ, была и вдова Всеволода Праваго, мачеха Владимира Мономаха, княгиня Анна. Она упала въ ноги пасынку и со слезами говорила:

— Не губите города! Отцы наши и дѣды великимъ трудомъ соблюли русскую землю. Воюйте поганыхъ, но, ради Бога, не ссорьтесь между собою!

Блѣднѣе обыкновеннаго сдѣлалось лицо Владимира Мономаха отъ сильнаго волненія, когда онъ увидѣлъ передъ собою на колѣняхъ вслухъ молящую его о пощадѣ столь уважаемую имъ мачеху, и онъ, ради слезъ княгини, которую почиталъ за мать родную, выронилъ мечъ изъ руки своей: не захотѣлъ осаждать Кіева.

— Правда,—воскликнулъ Мономахъ, обращаясь во всѣ стороны къ прочимъ князьямъ, — наши отцы и дѣды много потрудились, чтобы соблюсти для насъ русскую землю цѣлу, а мы ее только губимъ постыдными раздорами своими!

Владимиръ Мономахъ послушался княгини Анны и просилъ союзниковъ отступить. Но князья-союзники согласились отступить отъ Кіева лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы великій князь Свя-

тополкъ самъ наказалъ Давида Игоревича за совершенное имъ злодѣяніе—ослѣпленіе князя Василька Ростиславича.

Княгиня и митрополитъ возвратились въ Кіевъ и объявили жителямъ этого города, что миръ будетъ.

И дѣйствительно, князья стали вести переговоры другъ съ другомъ и уладились: Владимиръ и Святославичи велѣли сказать Святополку:

— Такъ какъ это все Давидъ надѣлалъ, то ступай ты, Святополкъ, на Давида: либо схвати его, либо выгони.

Святополкъ взялся исполнить волю князей.

Между тѣмъ, Василько все время держался подъ стражею во Владимирѣ. Однажды (такъ разсказывалъ князь Давидъ Игоревичъ лѣтописцу Василію) этотъ князь будто бы сказалъ своимъ сторожамъ:

— Я слышалъ, что идутъ Владимиръ и Святополкъ на Давида. Если бы Давидъ меня послушалъ, то я бы послалъ боярина своего къ Владимиру, и тотъ бы возвратился.

Давидъ Игоревичъ, призвавъ къ себѣ лѣтописца Василія, просилъ его сходить къ Василько.

— Сходи-ка ты, Василій,—такъ говорилъ Давидъ лѣтописцу,—къ тезкѣ своему Василько и скажи ему, что если онъ пошлетъ своего мужа къ Мономаху и тотъ возвратится, то я дамъ ему городъ, какой ему любъ: либо Всеволожь, либо Шеполь, либо Перемышль.

Лѣтописецъ Василій пошелъ къ Василько и разсказалъ ему всѣ рѣчи Давидовы.

— Я этого не говорилъ,—такъ отвѣчалъ Василько лѣтописцу,—но, надѣясь на Бога, пошлю, чтобъ не проливали ради меня крови. Одно мнѣ удивительно: дастъ мнѣ свой городъ, а не мою волость—

городъ Теребовль! Иди, братъ Василій, къ Давиду и скажи ему, чтобы прислалъ ко мнѣ мужа своего Кульмыя, я хочу его послать къ Владимиру.

Но Давидъ Игоревичъ почему-то побоялся поручить переговоры человѣку, котораго выбралъ Василько, и послалъ того же Василія сказать ему, что Кульмыя нѣтъ.

Бесѣдуя съ лѣтописцемъ Василіемъ, Василько сталъ говорить ему:

— Думаю, что Давидъ хочетъ отдать меня ляхамъ; видно, мало еще насытился моей кровью, хочетъ больше. Если онъ выдастъ меня ляхамъ, то смерти не боюсь; но вотъ что скажу тебѣ, братъ Василій: вѣрно, что Богъ навелъ на меня эту бѣду за мое высокоумье. Клянусь Богомъ и Его пришествіемъ, что не мыслилъ зла своей братьѣ ни въ чемъ, но за мое высокоумье низложилъ меня Богъ и смирилъ!

Весною, передъ праздникомъ Пасхи, Давидъ Игоревичъ выступилъ въ походъ, чтобы взять Василькову волость; но у города Бужска, на границѣ двухъ княжествъ, былъ встрѣченъ Володаремъ, братомъ Васильковымъ. Давидъ не посмѣлъ вступить съ нимъ въ битву и заперся въ Бужскѣ. Володарь осадилъ его въ этомъ городѣ и послалъ сказать ему:

— Зачѣмъ сдѣлалъ зло и не каешься? Опомнись, сколько зла ты надѣлалъ!

Давидъ Игоревичъ сталъ оправдываться, складывая всю вину на Святополка; онъ говорилъ:

— Да развѣ я это сдѣлалъ? Развѣ въ моемъ городѣ совершено ослѣпленіе Василька? Я и самъ боялся, чтобъ и меня не схватили и не сдѣлали со мною того же; я поневолѣ долженъ былъ пристать, потому что былъ въ Святополковыхъ рукахъ.

— Про то вѣдаетъ Богъ,— возразилъ Володарь Давиду, — кто изъ васъ виноватъ; а теперь отпусти мнѣ брата, и я помирюсь съ тобою.

Давидъ выдалъ Василька Володарю; они помирились и разошлись. Но миръ не былъ продолжителенъ. Такъ какъ Давидъ не хотѣлъ возвратить Ростиславичамъ городовъ, захваченныхъ въ ихъ княжествѣ тотчасъ по ослѣпленіи Василька, то Ростиславичи, Володарь и Василько, двинулись ко Владимиру, осадили здѣсь Давида и послали сказать гражданамъ:

— Мы пришли не на городъ вашъ и не на васъ, а на враговъ своихъ, Туряка, Лазаря и Василя, которые подговаривали Давида противъ Василька и Мономаха; послушавшись ихъ, онъ совершилъ великое злодѣяніе; выдайте намъ этихъ злодѣевъ; а если хотите за нихъ биться, то мы готовы.

Граждане собрали вѣче и сказали Давиду Игоревичу:

— Выдай этихъ людей—своихъ злыхъ совѣтниковъ; мы не бьемся за нихъ, а за тебя станемъ биться; если же не хочешь ихъ выдать, то мы отворимъ городскія ворота, и тогда промышляй о себѣ!

— Нѣтъ ихъ здѣсь,—отвѣчалъ гражданамъ Давидъ, который своихъ совѣтниковъ послалъ въ городъ Луцкъ.

Владимирцы послали за ними въ Луцкъ; но узнавъ, что одинъ изъ нихъ—Турякъ—бѣжалъ въ Кіевъ, а два другихъ — Лазарь и Василь—возвратились въ городъ Турійскъ, они закричали Давиду:

— Выдай ихъ Ростиславичамъ, а не то сейчасъ же сдадимся.

Давидъ Игоревичъ послалъ за Василемъ и Лазаремъ и выдалъ ихъ; Ростиславичи заключили тогда миръ и на другое утро велѣли повѣсить

и разстрѣлять злыхъ совѣтниковъ Давидовыхъ; послѣ того отошли Володарь и Василько отъ города Владимира-Волынскаго.

Между тѣмъ, кіевскій князь Святополкъ, какъ исполнитель воли другихъ князей, во главѣ которыхъ стояли Владиміръ Мономахъ и Олегъ Святославичъ, выступилъ въ походъ противъ Давида Игоревича и отнялъ у него Владиміръ-Волынскій; но тогда же Святополкъ вторгнулся еще во владѣнія самихъ Ростиславичей подъ предлогомъ, что и часть ими занятыхъ земель относится къ Владиміро-Волынскому княженію.

Тогда Ростиславичи—Володарь и Василько—приняли сами участіе въ той войнѣ, которая была начата какъ бы за нихъ. Лишенный своего княжества, Давидъ Игоревичъ соединился съ Ростиславичами и заодно съ ними бился противъ Святополка, какъ уже противъ общаго врага всѣхъ здѣшнихъ удѣловъ (т.-е. княжествъ).

Святополкъ, въ предѣлахъ Галицкой земли, былъ совершенно разбитъ Ростиславичами. Галичане уже свыклись съ ними; они рады были въ своемъ дальнемъ владѣніи имѣть собственныхъ прирожденныхъ князей; самъ народъ не далъ ихъ теперь въ обиду. Когда противники сошлись другъ противъ друга на Рожнемъ-Полѣ, Василько выѣхалъ впередъ своей дружины и поднялъ надъ собою крестъ въ ту сторону, гдѣ стояло войско Святополка, говоря:

— Ты цѣловалъ крестъ и преступилъ крестное цѣлованіе! Ты отнялъ у меня свѣтъ очей моихъ, а теперь и жизнь мою отнять хочешь: крестъ святой на тебя,—пускай насъ Богъ разсудитъ!

Обративъ въ бѣгство Святополка, Ростиславичи гнались за нимъ по пятамъ сквозь всю свою землю; но остановились, какъ только передъ ними

открылись Владимиро-Волынскіе предѣлы сказавъ:

— Довольно съ насъ, если стоимъ на своей межѣ!

Но война затянулась. Давидъ Игоревичъ, лишась Владимира-Волынскаго, не хотѣлъ съ этимъ примириться; обратился онъ за помощью къ ляхамъ, кинулся еще въ степь къ половцамъ и ихъ привелъ на защиту. Святополкъ сталъ призывать также ляховъ, а затѣмъ и венгровъ, исконныхъ враговъ Галицкой земли. Тогда для обереганья своихъ кровныхъ предѣловъ нехотя взялись за оружіе опять сами Ростиславичи. Война свирѣпствовала больше году. Владимиръ-Волынскій переходилъ изъ рукъ въ руки: то къ Святополку, то опять къ Давиду Игоревичу.

Наконецъ, видя, что войною больше не удержать ему утвержденнаго было за нимъ на Любечскомъ съѣздѣ Волынскаго княжества, самъ виновникъ междоусобной войны, Давидъ Игоревичъ сталъ требовать новаго княжескаго съѣзда: пускай-де разсудятъ его распрю съ Святополкомъ. Виновникомъ ослѣпленія Василька онъ считалъ великаго князя.

Между тѣмъ, Владимиръ Мономахъ, Олегъ Святославичъ съ братьей и самъ великій князь Святополкъ — всѣ съѣхались на совѣщаніе подъ Кіевомъ, на берегахъ Днѣпра. Новый съѣздъ происходилъ подлѣ города Витичева (въ 1100 году). Въ главномъ большомъ шатрѣ, гдѣ творился судъ, сѣли одни князья, а боярство каждаго изъ нихъ и дружины расположились отдѣльными кучками поодаль.

Собравшимся князьямъ — особенно самому Святополку и Давиду Игоревичу, главнымъ виновникамъ ослѣпленія Василька, совѣстно было и глядѣть въ глаза другъ другу. Давидъ Игоревичъ,

сидя какъ осужденный, прервалъ, наконецъ, общее молчаніе. Онъ сказалъ:

— Зачѣмъ меня призвали? Вотъ я! Кому на меня жалоба?

— Ты самъ прислалъ къ намъ,—возразилъ Давиду Мономахъ,—жалуясь на свои обиды, и просилъ, чтобы мы разсудили. Теперь ты пришелъ, сидишь съ братьею на одномъ коврѣ; что жъ не жалуешься, на кого изъ насъ тебѣ жалоба?

Давидъ потупился и молчалъ. Тогда мало-помалу одинъ за другимъ вышли князья изъ шатра; каждый изъ нихъ, отойдя въ сторону своей дружины, совѣтовался съ нею,—одинъ Давидъ Игоревичъ остался въ шатрѣ и сидѣлъ на коврѣ, какъ приговоренный: никто не допустилъ его къ себѣ, не желая съ нимъ совѣщаться.

Переговоривъ съ своими боярами и дружинниками, князья послали объявить Давиду Игоревичу такое рѣшеніе:

— За то, что ты ввергнулъ ножъ между нами, чего не бывало прежде въ русской землѣ, мы тебя лишаемъ Владимиро-Волынскаго престола.

Оставили князю Давиду всего одинъ городъ изъ прежнихъ владѣній. Владиміръ Мономахъ и Олегъ Гориславичъ съ своимъ братомъ Давидомъ выдали ему серебра четыреста гривенъ, да великій князь Святополкъ придалъ еще два города отъ себя, такъ какъ отобранный отъ Давида Игоревича столъ Владимиро-Волынскій онъ передалъ своему сыну Ярославу.

Тогда же хотѣли рѣшить, чтобы отъ галицкаго княженія отобрать часть земли, спорную между Галичемъ и Волынью; за это хотѣли иначе вознаградить Володаря, предлагая ему, въ случаѣ несогласія отдать спорную землю, отпустить отъ себя своего ослѣпленнаго брата Василька: князья

брались тогда сами кормить его „по вся дни живота его“, т.-е. на весь остатокъ дней. Но Ростиславичи объявили твердо, что ни за что не разстанутся ни другъ съ другомъ, ни хотя бы съ единою пядью земли своей.

Послѣ съѣзда въ Витичевѣ больше не было значительныхъ войнъ между князьями. Исполнилось желаніе Мономаха: внуки и правнуки Ярослава Мудраго послѣ того жили въ мирѣ другъ съ другомъ, какъ одна семья. Но достиженіе этой доброй цѣли было особенно дорого Владимиру Мономаху тѣмъ именно, что послѣ того можно было исполнить и другую завѣтную его мысль: итти всею русскою землею на половцевъ, сокрушить орду въ степи задонской. Не вдругъ однако онъ достигъ этого.

Не легко было Мономаху убѣдить русскихъ князей въ необходимости предпринять походъ противъ половцевъ. Великій князь Святополкъ больше всего заботился объ увеличеніи и умноженіи княжеской казны. Каковъ былъ князь, такова была и дружина. Главною заботою Святополковыхъ бояръ и дружинниковъ было скорое обогащеніе на счетъ простыхъ людей. Поэтому они благопріятствовали евреямъ, торговавшимъ въ Кіевѣ, находя свои выгоды въ ихъ денежныхъ оборотахъ. Евреямъ удалось, между прочимъ, къ крайнему стѣсненію народа захватить въ свои руки откупъ соли. Хотя духъ наживы никогда не былъ чуждъ жителямъ Кіева, этого главнѣйшаго центра древнерусской торговли, но особенно отличался этотъ городъ духомъ наживы и развитіемъ ростовщичества во дни князя Святополка. Никто изъ знатныхъ и богатыхъ кіевлянъ не хотѣлъ и слышать о затѣваемой войнѣ съ половцами: находили тысячи причинъ, чтобы только доказать невозмож-

ность такого похода. Такъ, на предложеніе Святополка предпринять весною походъ на половцевъ, его дружина отвѣчала:

— Не время теперь отнимать поселянъ отъ поля!

Получивъ такой отвѣтъ, кіевскій князь послалъ сказать Мономаху:

— Надобно намъ гдѣ-нибудь собраться и подумать съ дружиною!

Владимиръ Мономахъ обрадовался рѣшенію великаго князя устроить новый княжескій съѣздъ для совѣщанія о походѣ на половцевъ.

Русскіе князья согласились съѣхаться недалеко отъ Кіева на лѣвомъ берегу Днѣпра у Долобскаго озера. На широкомъ просторѣ Долобскаго острова, представлявшаго изъ себя красивѣйшее мѣсто въ заливныхъ лугахъ Днѣпра, въ привольѣ зелени и воды, былъ раскинутъ шатеръ. Въ немъ сѣлъ великій князь Святополкъ, окруженный многочисленнымъ боярствомъ; тамъ же занялъ мѣсто и Владимиръ со своею дружиной.

Долго всѣ молчали. Угадывая по необычайно долго на этотъ разъ длившемуся общему молчанію полное недоброжелательство къ затѣваемому походу, Владимиръ Мономахъ, наконецъ, обратился къ Святополку:

— Братъ! Ты старшій! Начни же говорить о томъ, какъ намъ промышлять о русской землѣ?

— Лучше ты, братецъ, говори первый! — отвѣчалъ Святополкъ.

— Какъ мнѣ говорить? Противъ меня будетъ и твоя и моя дружина,—сказалъ тогда Мономахъ.— И твои и мои дружинники утверждаютъ, что теперь самое рабочее время—весна! весь народъ въ полѣ, за сохою! что мы только разоримъ народъ, оторвавъ его отъ сохи: кони нужны смердамъ (т.-е. крестьянамъ), чтобы пахать землю; надо по-

жалѣть и смердовъ, что не годится теперь начинать войну, такъ какъ мы будемъ отрывать смердовъ отъ пахоты для похода! Но дивлюсь я одному, какъ вы, дружинники, жалѣете поселянъ и лошадей ихъ, а того не подумаете, что станетъ поселянинъ весною пахать на лошади и пріѣдетъ половчинъ, ударитъ его самого стрѣлою, возьметъ и лошадь, и жену, и дѣтей, да и гумно зажжетъ,— объ этомъ вы не подумаете!

— Ты, князь, правъ! Въ самомъ дѣлѣ такъ будетъ!—громкимъ голосомъ проговорили многіе бояре и дружинники.

Замѣтивъ одобреніе Мономаховымъ рѣчамъ со стороны великокняжеской дружины, Святополкъ, повидимому растроганный, въ виду общаго одушевленія, произведеннаго рѣчами Мономаха, всталъ съ мѣста, обнялъ Владимира и сказалъ:

— Правда твоя, братъ! воистину такъ, князь! Я готовъ, братъ, хоть завтра выступить въ походъ противъ половцевъ.

— Повѣрь мнѣ, братъ! — молвилъ тогда Мономахъ,—великое добро сдѣлаешь ты русской землѣ!

И вотъ на Долобскомъ съѣздѣ былъ рѣшенъ походъ на половцевъ. Святополкъ и Владиміръ послали также и къ Святославичамъ—звать ихъ въ походъ.

— Пойдемъ, — говорили они, — на половцевъ, либо живы будемъ, либо мертвы!

Давидъ Святославичъ послушался ихъ; но Олегъ велѣлъ сказать, что нездоровъ.

Собравшіеся въ походъ князья отправились въ путь съ пѣхотою и конницею: пѣшіе ѣхали въ лодкахъ по Днѣпру, конница шла берегомъ. Пройдя пороги, у Хортицкаго острова пѣшіе высадились на берегъ, конные сѣли на лошадей и шли степью четыре дня.

Половцы, услыхавъ, что идетъ Русь, собрались во множествѣ и начали думать о томъ, какія принять мѣры для борьбы съ русскими князьями. Одинъ изъ половецкихъ хановъ, Урусобъ, сказалъ:

— Пошлемъ лучше просить мира у Руси; крѣпко станутъ съ нами биться русскіе, потому что мы много зла надѣлали ихъ землѣ.

— Если ты, ханъ, боишься Руси, то мы не боимся, — возражали Урусобу молодые начальники половецкихъ отрядовъ. — Избивши этихъ князей, мы пойдемъ въ ихъ землю, возьмемъ ихъ города, и кто тогда защититъ ихъ отъ насъ?

Когда происходили эти переговоры половецкихъ хановъ, русскіе князья и ихъ воины молились Богу, давали обѣты: кто кутью поставить, кто милостыню раздать нищимъ, кто въ монастырь послать все нужное для братіи.

Половцы послали впередъ „въ сторожахъ“ Алтунопу, который славился у нихъ мужествомъ; русскіе выслали также передовой отрядъ провѣдать непріятеля, онъ встрѣтился съ отрядомъ Алтунопы и истребилъ его до одного человѣка. Потомъ сошлись главные полки, и русскіе побѣдили: перебили 20 хановъ, одного—Белдюза—взяли живьемъ и привели къ Святополку. Белдюзъ началъ давать за себя откупъ—золото и серебро, коней и скотъ. Святополкъ послалъ половецкаго хана къ Владимиру Мономаху, и тотъ спросилъ плѣнника:

— Сколько разъ вы клялись не воевать, и потомъ все-таки воевали русскую землю. Зачѣмъ же ты не училъ сыновей своихъ и родичей соблюдать клятву, а все проливалъ кровь христіанскую? Такъ будь же кровь твоя на головѣ твоей.

Этого хана Белдюза приказано было убить, а тѣло его разсѣчь на части.

Потомъ собрались всѣ братья, и Владимиръ сказалъ:

— „Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь!“ Господь избавилъ насъ отъ враговъ, покорилъ ихъ намъ: сокрушилъ главы зміевы, и далъ ихъ брашно людямъ русскимъ.

— Празднуя свою побѣду надъ половцами на самомъ мѣстѣ побоища, „на костяхъ“, наши предки, отслуживъ молебствіе, пили вино изъ запасовъ, отобранныхъ у половцевъ, и варили пищу изъ ихъ брашна.

Во время битвы съ половцами русскіе взяли у нихъ много скота, овецъ, лошадей, верблюдовъ, вежи (т.-е. шатры) со всякою рухлядью и рабами, при чемъ захватили въ плѣнъ многихъ печенѣговъ, торковъ, находившихся подъ властію половцевъ, и пришли въ Русь съ добычею великою, со славою и побѣдою.

Для утвержденія болѣе мирныхъ отношеній къ половецкимъ ханамъ, Владимиръ Мономахъ женилъ своего сына Юрія (прозваннаго впослѣдствіи Долгорукимъ) на дочери хана — Ажи.

Побѣды надъ половцами приносили еще ту пользу и выгоду нашимъ предкамъ, что, послѣ каждаго разгрома половцевъ, многіе кочевники русскаго и нерусскаго происхожденія, жившіе въ степяхъ черноморскихъ, по сосѣдству съ половцами, приставали къ русскимъ князьямъ. Князья заселяли ими южныя окраины русскаго государства.

Но главный походъ противъ половцевъ состоялся уже въ послѣдніе годы княженія великаго князя Святополка, въ 1111 году. И этотъ походъ былъ задуманъ и предпринятъ Владимиромъ Мономахомъ. Ни разу еще не собиралось такого множества князей вмѣстѣ подъ знамена, и никогда еще не углублялись они такъ далеко въ степь, какъ въ

этотъ походъ, который, по словамъ современниковъ, былъ „дума и похотѣніе Владимира Мономаха“.

Съ великимъ княземъ Святополкомъ выступилъ въ походъ его сынъ Ярославъ; съ Мономахомъ два его сына Мстиславъ и Ярополкъ, а съ Давидомъ Святославичемъ—два племянника: Олегъ и Всеволодъ Ольговичи.

Выступили въ походъ Великимъ постомъ, именно въ концѣ февраля, чтобы совершить походъ до наступленія лѣтняго зноя, столь тягостнаго въ южныхъ степяхъ. До рѣки Хороля войско шло еще зимнимъ путемъ, но тутъ нужно было бросить сани. На шестой недѣлѣ, во вторникъ, достигли береговъ Дона; по словамъ древне-русскаго поэта, воины „черпали воду своими золотыми шеломами изъ Дону великаго“. На берегу этой рѣки Русь облеклась въ брони, которыя во время похода обыкновенно складывались на воза. Устроясь полкъ за полкомъ, русскіе двинулись къ городу Ширукато. Владимиръ Мономахъ распорядился, чтобы съ полками шло и духовенство крестнымъ ходомъ, съ пѣніемъ тропарей и кондаковъ. Половцы ближнихъ предѣловъ вышли къ нашимъ князьямъ съ поклономъ, съ медомъ и рыбой (стерлядями и осетрами Донъ славится донынѣ), чѣмъ и спасли свои жилища отъ разоренія. Главная битва произошла на Страстной недѣлѣ, въ понедѣльникъ, на берегахъ рѣки Сала. Враги были очень многочисленны и, подобно густому бору, окружили русскую рать. Упорная сѣча длилась до тѣхъ поръ, пока Владимиръ Мономахъ стремительнымъ натискомъ во главѣ своего полка не рѣшилъ побѣду.

Никогда еще русское войско не наносило такого страшнаго погрома половцамъ, какъ на рѣкѣ Салѣ. Воины разсказывали, что въ этотъ разъ

Добыча послѣ битвы. Рабыня.

„дикіе“ (т. е. половцы) покрыли поле „какъ идолы тьмы тьмами“; словно „темный лѣсъ“ надвигалась ихъ тьмущая (т.-е. безчисленная) сила, и когда вражьи полки сомкнулись челомъ къ челу — „треснуша, аки громъ“. Половецкое войско, благодаря рѣшительному натиску полковъ Мономаховыхъ и князя черниговскаго Давида Святославича, побѣжало: „плечи свои подставили на побѣгъ полку Владимира Мономаха“ (такъ разсказывалъ современникъ—очевидецъ). По словамъ лѣтописной легенды, сами ангелы Господни даны были въ помощь Владимировымъ полкамъ, головы половцевъ такъ и валились.

Когда уже послѣ боя, празднуя побѣду, русскіе мирились съ плѣнными и спрашивали ихъ: „Какъ это? такая васъ была сила, и не могли вы дольше выдержать боя, такъ скоро обратились въ бѣгство?“ Половцы говорили: „А какъ съ вами—можемъ ли мы биться, когда ангелы вверху васъ ѣздятъ въ оружіи страшномъ и свѣтломъ и помогаютъ вамъ“.

Эта великая, еще небывалая и неслыханная побѣда надъ половцами сильно подняла духъ народный во всей русской землѣ: опять стало превозноситься русское имя въ Черноморской степи. Воскресла еще Святославова древняя слава. Вспомнили и брата Ярослава Мудраго, Мстислава Тмутараканскаго, который зарѣзалъ косожскаго богатыря Редедю. Русское владычество до подошвы кавказскихъ горъ опять возобновилось.

Слухи о побѣдѣ русскихъ надъ половцами распространились далеко за предѣлы нашего государства. Слава о доблестныхъ подвигахъ Владимира Мономаха проникла къ отдаленнѣйшимъ народамъ того времени. И стали его почитать больше всѣхъ прочихъ русскихъ князей на всемъ Западѣ— и германскій императоръ и самъ римскій папа.

Въ 1113 году скончался великій князь Святополкъ, на пути, около Вышгорода. Его положили въ лодку, привезли въ Кіевъ и похоронили въ Златоверхомъ-Михайловскомъ монастырѣ, который былъ имъ самимъ основанъ.

III.

Послѣ смерти Святополка, кіевляне стали думать о томъ, кому послѣ него быть на кіевскомъ великокняжескомъ престолѣ. Народъ никого не хотѣлъ, кромѣ Владимира Мономаха. Правда, ближайшее право на великокняжескій столъ имѣли Святославичи: Давидъ или Олегъ; но ихъ старшинство было спорное, такъ какъ ихъ отецъ, Святославъ, силою отнялъ кіевскій столъ у своего старшаго брата, Изяслава, и умеръ еще при его жизни. Вопросъ о старшинствѣ былъ рѣшенъ въ Кіевѣ на вѣчѣ голосомъ народнымъ. Простые люди единодушно указывали на Владимира Мономаха, въ дѣйствительности уже давно стоявшаго во главѣ русскихъ князей; а про Святославичей народъ говорилъ, что онъ и слышать о нихъ не хочетъ: такъ имъ ненавистны эти князья—Олегъ Гориславичъ съ братьей, которые неоднократно наводили на русскую землю поганыхъ (т.-е. половцевъ), причинившихъ нашимъ предкамъ столько разореній и опустошеній. Собравшіеся на вѣче кіевскіе граждане рѣшили послать въ Переяславль къ Владимиру—просить его на столъ отцовскій и дѣдовскій. Владимиръ медлилъ: старшинство Святославичей приводило его въ нѣкоторое раздумье. Народъ, узнавъ, что Мономахъ не идетъ на его зовъ, бросился разорять дворы евреевъ, купившихъ себѣ разныя льготы у покойнаго князя Святополка, и нелюбимыхъ имъ бояръ, именно—тысяц-

каго Путяты и нѣкоторыхъ соцкихъ. Тогда лучшіе граждане послали сказать Владимиру:

— Князь, иди скорѣе въ Кіевъ, а если не придешь, то знай, что поднимется всеобщее возстаніе: уже не соцкихъ и не евреевъ только будутъ грабить, а пойдутъ на вдовую княгиню, на бояръ и монастыри,—и ты будешь отвѣчать передъ Богомъ, если разграбятъ монастыри.

Владиміръ послѣ того не медлилъ болѣе и поспѣшилъ въ Кіевъ. Его встрѣтили митрополитъ и епископы со всѣмъ народомъ, и онъ торжественно сѣлъ на столѣ своего отца и дѣда. Сразу водворившаяся тишина сулила золотой вѣкъ, и на все время его княженія русская земля опять обновилась постаринѣ подъ его рукою. Кіевскій великій князь опять, какъ одно „Красное Солнце“, засвѣтилъ на всю русскую землю; сталъ одинъ государь между остальными „сущими подъ рукой его“ князьями, всѣмъ имъ „въ отца мѣсто“; и первопрестольный Кіевъ опять сдѣлался истинной столицей „всея Руси“.

Великокняжескій престолъ достался Мономаху уже на старости лѣтъ (ему было 63 года), когда и по умиреніи княжескихъ раздоровъ и по войнѣ съ половцами онъ „много пота утеръ за русскую землю“, и ему оставалось только мирно пользоваться плодами своихъ обильныхъ трудовъ. Половцы уже не смѣли и показываться въ русскихъ предѣлахъ. А привыкнувшіе почитать Владимира Мономаха главнымъ распорядителемъ и правителемъ еще въ Святополково время—всѣ прочіе князья тѣмъ болѣе почитали Мономахово старѣйшинство на кіевскомъ престолѣ. Гдѣ только возникали тогда княжескіе раздоры, всюду они прекращались могучимъ судомъ великаго князя.

Заратовалъ было одинъ изъ полоцкихъ князей—Глѣбъ Минскій. Полоцкіе князья, не получая доли

въ остальныхъ русскихъ земляхъ, не хотѣли признавать надъ собою старшинство кіевскаго князя, слушаться его какъ отца, ѣздить къ нему на поклонъ и по его требованію являться на помощь съ своими дружинами. Глѣбъ Всеславичъ нападалъ на нѣкоторыя сосѣднія волости съ цѣлью

Владимиръ Мономахъ.

увеличить свой наслѣдственный удѣлъ (т.-е. княжество). Владимиръ Мономахъ два раза ходилъ на Глѣба; во второй разъ неисправимаго ослушника своей воли онъ взялъ въ плѣнъ, привелъ въ Кіевъ, посадилъ въ темницу, гдѣ тотъ и умеръ вскорѣ.

Святополковъ сынъ Ярославъ, получившій (такъ рѣшено было на Витичевскомъ съѣздѣ) Владиміръ-Волынскій, не оказывалъ должнаго почтенія великому князю, отославъ отъ себя къ нему свою супругу, а его внучку. Ярославъ былъ подъучаемъ поляками ко враждѣ съ Мономахомъ. Владиміръ пошелъ на него походомъ. Послѣ двухмѣсячной осады Владимира-Волынскаго, Ярославъ покорился,—вышелъ къ нему и поклонился до земли. Мономахъ оставилъ за нимъ Владиміръ-Волынскій, подтвердивъ повелѣніе „приходить, когда позову“. Но Ярославъ Святополковичъ продолжалъ вести себя гордо и непочтительно въ отношеніи къ великому князю; за вторую вину Владиміръ Мономахъ лишилъ его владимиро-волынскаго престола, который передалъ одному изъ собственныхъ сыновей—Андрею.

Другого сына своего—Мстислава, княжившаго въ Новгородѣ, великій князь, вызвавъ его въ Кіевъ, рѣшилъ посадить поближе къ себѣ—въ Бѣлгородѣ. Къ новгородцамъ же Мономахъ отпустилъ тогда своего внука, Мстиславова сына‘ Всеволода-Гавріила. При Всеволодѣ-Гавріилѣ случилось въ Новгородѣ народное волненіе; Владиміръ Мономахъ вызвалъ главныхъ виновниковъ мятежа прямо къ себѣ въ Кіевъ, осудилъ ихъ на жестокое заточеніе, особенно главнаго изъ нихъ—боярина Ставра. Небывалое дотолѣ въ Кіевѣ наказаніе вольнолюбивыхъ новгородцевъ!

По словамъ народной пѣсни:

Приказалъ князь *) сковать Ставра боярина,
На руки и на ноги желѣза ему,
Посадить его въ погреба глубокіе,
Затворять дверями желѣзными,

*) Наши былины смѣшиваютъ князя Владимира Мономаха съ княземъ Владиміромъ «Краснымъ Солнышкомъ».

Запирать накрѣпко замками булатными.
И Владиміръ князь посылалъ посла
Немилостиваго ко Ставру боярину,
Чтобы дворъ его запечатати
И взять въ Кіевъ молоду его жену
Ко великому князю Владиміру.
И ей, Ставровой молодой женѣ,
Перепала вѣсть нерадошна,
Что Ставръ бояринъ въ Кіевѣ
Посаженъ въ погреба глубокіе,
Руки и ноги скованы.
Скоро она наряжается
И скоро убирается;
Скидавала съ себя волосы женскіе,
Надѣвала кудри черные,
А на ноги сапоги зеленъ-сафьянъ;
И надѣвала платье богатое,
Богатое платье посольское,—
И называлась грознымъ посломъ,
Грознымъ посломъ Васильемъ Ивановичемъ,
И поѣхала съ великою свитою ко городу Кіеву;
Половину дороженьки проѣхали,
И встрѣчу ей изъ Кіева грозенъ посолъ.
Тутъ они съѣхались, послы поздоровались,
Какъ послы послуются,
Они ручка объ ручку цѣлуются.—
Сталъ-де изъ Кіева спрашивать посолъ:
„А и гой вы еси, удалы добры молодцы!
Куда вы ѣдете и куда Богъ несетъ?“
И взговорятъ ему, послу, таковыя слова:
„А ѣдемъ мы изъ дальней орды, Золотой Земли,
Отъ грозна короля Етмануйла Етмануйловича
Ко городу, ко Кіеву,
Ко великому князю Владиміру,
Брать съ него дани, невыплаты,
Не много, не мало — за двѣнадцать лѣтъ,
За всякой годъ по три тысячи“.
Изъ Кіева посолъ позадумался —
А и единое словечко повыговоритъ:
„Я-де изъ Кіева грозенъ посолъ,
Ѣду-де я ко Ставру боярину,
Дворъ его запечатати,
А его молоду жену въ Кіевъ взять“.

Отвѣчаютъ тутъ удалы добры молодцы:
„Прежде у насъ тотъ былъ постоялый дворъ;
Нонѣ заѣзжали — въ дому нѣтъ никого,
Молода его жена убиралася
Въ дальну орду, Золоту Землю“.
Изъ Кіева посолъ воротился назадъ,
Пріѣхалъ во стольной, во Кіевъ градъ,
Сказалъ онъ князю тихохонько,
Что ѣдетъ изъ дальней орды, Золотой Земли,
Грозенъ посолъ Василій Ивановичъ.
А и тутъ больно князь запечалился:
Кидался, металися;
То улицы метутъ, ельникъ ставили--
Передъ воротами ждутъ посла
Изъ дальней орды, Золотой Земли,
Отъ грозна короля Етмануйла Етмануйловича.
И пріѣхалъ онъ, посолъ, на княжецкой дворъ;
Они скоро поскакали съ добрыхъ коней —
А идутъ во гридни во свѣтлыя.
Вывела княгиня князя за собой
И во тѣ во подвалы, погреба,
Молвила словечко тихохонько:
„Ни о чемъ ты, государь, не печалуйся,
А не быть тому грозному послу Василью Ивановичу,
Быть Ставровой молодой женѣ Василисѣ Микулишнѣ:
Знаю я примѣты всѣ по-женскому:
Она по двору идетъ, будто уточка плыветъ,
А по горенькѣ идетъ, частенько ступаетъ,
А на лавицу садится, колѣнца жметъ, —
А и ручки бѣленьки, пальчики тоненьки,
Дюжина изъ перстовъ не вышли всѣ“.
А и тутотко Владимиръ стольной кіевской
Ну же онъ посла сталъ потчевати,
Всякое питье по таковкамъ пьютъ —
Ужъ тутъ ли посолъ напивается,
А Владимиръ-князь сталъ провѣдывати:
Тако посолъ буде женщина,
Не станетъ онъ во Кіевѣ боротися
Со моими могучими богатырями.
Таковы люди были въ Кіевѣ,
Нарочны борцы, удалы молодцы,

Притченки, да Хошилонки.
Выводилъ тутъ князь семь борцовъ —
И того ли посолъ Василій не пятится,
Вышелъ онъ на дворъ боротися —
Середи двора княженецкого.
Сошлись борцы съ посломъ боротися:
Первому борцу изъ плеча руку выдернетъ,
А другому борцу ногу выломитъ,
Она третьяго хватила поперекъ хребта,
Ушибла его середи двора.—
А плюнулъ князь, да и прочь пошелъ:
„Глупая княгиня, неразумная!
У тя волосы долги, умъ коротокъ;
Называешь ты богатыря женщиною:
Такого посла у насъ еще было и не видано“.
Въ та поры княгиня съ княземъ заспоровалась:
„А и ты, ласковой, сударь Владимиръ-князь!
Да не быть этому грозному послу,
Быть Ставровой молодой женѣ“.
Говорилъ тутъ Владимиръ стольной кіевской:
„Гой ты еси, княгиня Апраксѣевна!
Я ли посла Василія провѣдаю —
Заставлю его изъ туга лука стрѣлять
Со своими могучими богатырями“.
Выводилъ тутъ Владимиръ стольной кіевской:
Двѣнадцать сильныхъ, могучихъ богатырей;
Стали они стрѣлять по сыру дубу за цѣлу версту,
Попадаютъ они по сыру дубу.—
Отъ тѣхъ стрѣлочекъ каленыхъ
И отъ той стрѣльбы богатырскія
Только сырой дубъ шатается,
Будто отъ погоды сильныя.—
Говорилъ посолъ Василій Ивановичъ:
„Гой еси, Владимиръ-князь!
Не надо мнѣ эти луки богатырскіе;
Есть у меня лучонко волокитной,
Съ которымъ я ѣзжу по чисту полю“.
Въ та поры кинулися ея удалы добры молодцы
Подъ первой рогъ несутъ пять человѣкъ,
Подъ другой несутъ столько же,
Колчанъ тащатъ каленыхъ стрѣлъ тридцать человѣкъ;
И говоритъ князю таково слово:

„Что потѣшить-де тебя, князя Владимира?“
Беретъ она въ ту рученьку лѣвую
И беретъ стрѣлу каленую,
То была стрѣлка булатная,—
Вытягала лугъ за ухо,
Хлестнетъ по сыру дубу,
Изломала его въ черенья ножевые,
Спѣла тетивка у туга лука;
И Владимиръ-князь окарачь поползился,
И всѣ тутъ могучіе богатыри
Встаютъ, какъ угорѣлые,—
Звыла да пошла калена стрѣла,
Угодила въ сыръ-кряковистый дубъ,
Изломала въ черенья ножевые.—
И говорилъ посолъ таково слово:
„Не жаль мнѣ сыра дуба кряковистаго,
Только жаль мнѣ своей калены стрѣлы—
Никому не найти во чистомъ полѣ“.
Плюнулъ Владимиръ-князь, самъ прочь пошелъ;
Говорилъ себѣ таково слово:
„Развѣ самъ Василья посла провѣдаю“.
Сталъ съ нимъ въ шахматы играть
Золотыми тавлеями *)
Первую заступь заступовали:
И ту посолъ понгралъ;
Другую заступь заступовали:
И другую заступь посолъ же понгралъ;
Третью заступь заступовали:
Шахъ, да и матъ, да и подъ доску.—
И сталъ посолъ говорить таково слово:
„Гой ей, стольной Владимиръ-князь!
Отдай ты мнѣ дани-выходы за двѣнадцать лѣтъ,
За всякой годъ по три тысячи“.
Говоритъ Владимиръ-князь:
„Изволь меня, посолъ, взять головой съ женой“.
И говоритъ тутъ посолъ таковы слова:
„Чѣмъ ты, Владимиръ-князь, въ Кіевѣ потѣшаешься?
Есть ли у тебя веселые молодцы?“
И тотчасъ посылалъ Владимиръ-князь
Искать таковыхъ людей всякихъ рукъ,—
И собрали веселыхъ молодцовъ на княженецкой дворъ.

*) Тавлея—шахматная фигура.

Въ та поры у великаго князя ради посла
Было пированіе почестное; на великихъ на радостяхъ;
И тутъ посолъ не веселъ сидитъ,
Только князю таково слово выговоритъ:
„Нѣтъ ли у тебя кому въ гусли поиграть?“
Похватится Владимиръ-князь,
Послалъ по Ставра боярина,
Боярина Годиновича,
Велѣлъ его расковать всего;
Сымали желѣза съ рукъ и съ ногъ
И приводили Ставра на почестной пиръ.
И въ та поры посолъ скочилъ на рѣзвы ноги,
Посадилъ Ставра противъ себя въ дубову скамью.
И зачалъ тутъ Ставръ поигрывати:
Сыгришь сыгралъ Царя-града,
Танцы повелъ Іерусалима,
Величалъ князя со княгинею,
Сверхъ того игралъ еврейской стихъ;
Посолъ задремалъ и спать захотѣлъ,
Говорилъ таковы слова:
„Гой еси, Владимиръ-князь!
Не надо мнѣ твои дани, выходы,
Только пожалуй веселымъ молодцомъ,
Ставромъ бояриномъ Годиновичемъ“.
И Владимиръ-князь о томъ радошенъ сталъ,
Отдавалъ Ставра руками своими;
Взявши посолъ Ставра,
Отъѣзжалъ изъ Кіева вонъ;
Провожаетъ его Владимиръ-князь и со княгинею.
И становился онъ, посолъ, у быстра Днѣпра,
Разставлялъ палатки свои бѣлыя,
Говорилъ таково слово:
„Пожалуй-де, осударь, Владимиръ князь!
Посиди до того часа, когда я высплюся“.
Раздѣвался посолъ изъ своего платья посольскаго,
И убирался въ платье женское,
Притомъ говорилъ таково слово:
„Гой еси, Ставръ, веселой молодецъ!
Какъ ты меня не опознываешь?
А доселева мы съ тобой въ свайку игрывали:
У тебя-де была свайка серебряная,
А у меня кольцо позолоченое,

И ты меня поигрывалъ,—
А я тебя толды-вселды".
И въ та поры Ставръ бояринъ догадается,
Скидавалъ платье черное,
И надѣвалъ на себя платье посольское;
И съ великимъ княземъ и со княгинею прощалися.
И отъѣзжали въ свою землю дальную.
У него-де, Ставра боярина,
Широкой дворъ не хуже княженецкого:—
А дворъ у него на семи верстахъ,
А гридни, свѣтлицы бѣлодубовы,
Покрыты гридни сѣдымъ бобромъ,
Потолокъ во гридняхъ черныхъ соболей,
Полъ, середа одного серебра,
Крюки да пробои по булату злочены.

Только что приведенное нами былинное описаніе двора новгородскаго сотскаго Ставра, не уступавшаго по роскоши своей отдѣлки двору великаго князя кіевскаго, можетъ служить однимъ изъ лучшихъ объясненій наблюдаемаго у кіевскихъ князей обычая — посылать на новгородскій княжескій столъ своихъ старшихъ сыновей: бо́льшаго удобства въ жизни и болѣе разнообразныхъ общественныхъ увеселеній (въ родѣ музыки и танцевъ, чѣмъ въ Новгородѣ Великомъ, гдѣ на развитіе общественной жизни много вліяли пріѣзжавшіе туда нѣмецкіе и литовскіе торговцы, нельзя было найти въ другихъ древне-русскихъ городахъ.

Новгородскій князь Всеволодъ-Гавріилъ, сынъ Мстислава и внукъ Мономаха, не поладивъ съ новгородцами, ушелъ отъ нихъ въ Псковъ, гдѣ онъ сдѣлался впослѣдствіи „излюбленнымъ" княземъ, такъ какъ псковитянамъ при его помощи удалось добиться независимости отъ Новгорода. Псковитяне доселѣ чтутъ память Всеволода-Гавріила. Въ соборномъ храмѣ, надъ гробницею, гдѣ покоятся останки Всеволода, виситъ мечъ Мономахова внука

съ высѣченною надписью на латинскомъ языкѣ: *никому не уступлю чести своей.*

Ярославъ Святополковичъ, смѣщенный съ владимиро-волынскаго престола, хотѣлъ было его отнять назадъ силой у Мономахова сына; онъ обратился за помощью къ королю польскому Болеславу Кривоустому, женатому на его сестрѣ Сбыславѣ. Польскіе короли нерѣдко охотно поддерживали междоусобія въ русской землѣ и помогали младшимъ князьямъ противъ старшихъ, чтобы не допустить усиленія однихъ князей на счетъ другихъ. Кромѣ поляковъ, венгерскій король Стефанъ II, по просьбѣ Ярослава Святополковича, не только не отказалъ ему, но даже лично привелъ свои полки. Такимъ образомъ, Ярославъ съ многочисленнымъ ополченіемъ изъ венгровъ, поляковъ и русскихъ явился подъ стѣнами Владимира-Волынскаго, въ которомъ сидѣлъ одинъ изъ сыновей Мономаха, мужественный Андрей Владимировичъ. Великій князь кіевскій началъ собирать войско, чтобы итти на помощь сыну, но помощь оказалась излишнею.

Однажды Ярославъ Святополковичъ, подъѣхавъ близко къ городскимъ стѣнамъ Владимира-Волынскаго, сталъ угрожать гражданамъ жестокой местью, если они не отворятъ ему ворота и не выйдутъ къ нему съ поклономъ. Но въ то время, какъ онъ разъѣзжалъ около города, изъ послѣдняго незамѣтно вышли два наемныхъ ляха и спрятались въ засадѣ,—а когда Ярославъ возвращался въ лагерь, они внезапно бросились на него и нанесли ему смертельный ударъ копьемъ. Тогда и всѣ союзники его принуждены были разойтись по домамъ.

За немногими исключеніями, всѣ князья жили тогда согласно въ дружбѣ и мірѣ; это видно, между прочимъ, изъ того, что даже соперники Вла-

димира Мономаха: Олегъ Гориславичъ съ братьей, сами Святославичи — чтили его напослѣдокъ за отца родного, а самъ онъ между ними считалъ себя за старшаго брата.

Въ Кіевѣ въ его время совершилось новое церковное торжество въ память святыхъ мучениковъ, благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба. Владимиръ Мономахъ отличался особеннымъ уваженіемъ къ ихъ памяти. Во имя этихъ сродниковъ онъ воздвигъ много церквей въ своихъ владѣніяхъ: и на сѣверѣ, въ Ростовѣ, и на югѣ, въ своемъ родовомъ Переяславлѣ, а также и въ Кіевѣ. Здѣсь онъ построилъ въ ихъ память великолѣпный храмъ, куда и перенесъ ихъ мощи. Между князьями, съѣхавшимися къ нему на этотъ праздникъ въ Кіевъ, пріѣхали и Святославичи и самъ — уже одряхлѣвшій — Олегъ. Послѣ церковнаго торжества былъ пиръ великій на всю братью, на всѣхъ князей и ихъ боярство; всѣ въ тотъ день, и самъ великій князь, обѣдали въ гостяхъ у дряхлаго Олега Гориславича; на себя онъ и взялъ честь угощенія всѣхъ братскимъ пиромъ.

Такъ какъ водворилась тишина въ русской землѣ, какой еще не бывало, то Владимиръ Мономахъ имѣлъ время, подобно своему дѣду Ярославу Мудрому, заняться внутренними дѣлами по управленію. Онъ добавилъ составленное при Ярославѣ собраніе законовъ — *Русскую Правду* — новыми статьями. Среди евреевъ, жившихъ въ Кіевѣ, развелось ростовщичество. Мономахъ издалъ особый законъ о ростѣ; этимъ закономъ ограничивался произволъ, наблюдаемый въ дѣйствіяхъ ростовщиковъ. Опредѣлено было также закономъ и о рабахъ, что „никто не могъ на Руси быть закабаленъ въ рабство, кромѣ какъ продавшійся въ рабы по собственной своей волѣ“. Рабами дѣлались

люди, взятые въ плѣнъ на войнѣ, и еще продавшіеся въ неволю,— они и почитались холопями, а все прочее поселеніе было вольно и свободно; были свободны всѣ крестьяне - земледѣльцы и промышленники, они должны были только платить установленныя дани и пошлины, какъ и всѣ городскіе обыватели, занимавшіеся земледѣліемъ, ремеслами или торговлей, какою-либо промышленностью.

Княженіе Владимира Мономаха ознаменовалось еще тѣмъ, что при немъ былъ сооруженъ въ Кіевѣ мостъ на Днѣпрѣ: такая постройка казалось чудомъ своего времени,—прежде считали ее невозможной. Въ его же княженіе были расширены укрѣпленія Новгорода Великаго, а городъ Ладога обведенъ былъ каменною стѣною. Ко времени этого княженія относится еще одно столкновеніе Руси съ греками.

По примѣру отцовъ и дѣдовъ, великіе князья кіевскіе продолжали заключать родственные союзы съ разными государями европейскими, именно: польскими, венгерскими, нѣмецкими, скандинавскими и греческими. Владимиръ Мономахъ, какъ извѣстно, былъ сынъ греческой царевны; самъ онъ вступалъ въ бракъ три раза, и первой его супругой была Гида, дочь англійскаго короля Гарольда; а старшій сынъ его, Мстиславъ, былъ женатъ на Христинѣ, дочери шведскаго короля. Одна изъ дочерей Мономаха, Евѳимія, сдѣлалась супругою венгерскаго короля Коломана, а другая его дочь, Марія, находилась замужемъ за греческимъ царевичемъ Леономъ.

Этотъ царевичъ былъ сыномъ византійскаго императора Романа Діогена, который попалъ въ плѣнъ къ туркамъ и лишился престола. Леонъ въ 1116 году появился на Дунаѣ съ вой-

скомъ, набраннымъ изъ русскихъ кочевниковъ и половцевъ, и завладѣлъ нѣкоторыми болгарскими городами. Византійскій императоръ Алексѣй Комненъ подослалъ въ Дористонъ къ Леону двухъ убійцъ, которые, улучивъ минуту, покончили съ нимъ. Тогда Владимиръ Мономахъ, желая отомстить за смерть зятя или, вѣрнѣе, вступаясь за права его маленькаго сына, а своего внука—Василія, отправилъ на Дунай войско. Эта война окончилась миромъ.

Мало-по-малу среди русскихъ князей утвердилось мнѣніе, что великій князь кіевскій Владимиръ Мономахъ былъ истиннымъ государемъ всей русской земли. Кіевское духовенство, наполовину греческое и вѣрное преданіямъ Цареграда (т.-е. Константинополя), постоянно старалось вознести княжескую власть на высоту царской. Книжники того времени говорили о Владимирѣ Мономахѣ, что онъ „заранѣе предызбранный Богомъ сосудъ“ и что „по опредѣленію свыше, кровь его смѣсилась самымъ рожденіемъ съ кровью императоровъ цареградскихъ“. По матери своей, греческой царевнѣ, онъ былъ внукъ царя Константина Мономаха. Когда Русь заключила миръ съ Алексѣемъ Комненомъ; этотъ византійскій императоръ прислалъ великому князю кіевскому изъ Константинополя крестъ изъ Животворящаго Древа и царскія утвари греческихъ императоровъ: золотыя цѣпи и царскій вѣнецъ, такъ называемую „шапку Мономаха“, почему о немъ и пошла слава, что онъ „вѣнчанъ на царство“.

И позднѣйшее потомство сохранило то же глубокое уваженіе, ту же любовь къ Мономаховой памяти. Когда въ XVI вѣкѣ возникла мысль о царскомъ титулѣ для великихъ князей московскихъ, московское правительство, въ лицѣ юнаго вели-

каго князя Ивана Васильевича Грознаго, вспомнило имя Мономаха. Такъ и въ настоящее время вѣнецъ, которымъ вѣнчается русскій царь въ великую минуту вступленія на престолъ всероссійскій, именуется Мономаховымъ, какъ бы въ знаменіе той любви, той взаимной преданности, того высокаго, чистаго духовнаго союза, которые долженствуютъ быть между русскимъ царемъ и русскимъ царствомъ и основаніе которымъ было положено Владимиромъ Святымъ, а утверждено Владимиромъ Мономахомъ.

Мудростью и храбростью безъ возношенія, мужествомъ и въ то же время нѣжностью сердца, здравостью смысла и бодростью духа, своимъ христіанскимъ смиреніемъ и великимъ благочестіемъ Владиміръ Мономахъ былъ истинный представитель той страны и того народа, которыми „право правилъ“. Представляя изъ себя образецъ русскаго человѣка, онъ былъ истымъ выразителемъ православной Руси. Православная душа и прямо русскій характеръ Владиміра Мономаха лучше всего выразились въ томъ „Поученіи“ которое онъ оставилъ своимъ дѣтямъ. Это „Поученіе“ было любимой настольной книгой нашихъ предковъ.

Воздавъ хвалу Богу и повторивъ слова псалмопѣвца: „Великій еси, Господи, и чудны дѣла Твои!“ — Мономахъ въ душевной простотѣ своей дивится чудесамъ Божьяго міра: какъ небо устроено — солнце, луна и звѣзды, — и тьма и свѣтъ, и земля на водахъ положена; какъ изукрашены Божіимъ Промысломъ всѣ различныя рыбы, и птицы, и звѣри.

„Подивимся, —говоритъ авторъ „Поученія къ дѣтямъ“, — „и сему чуду, какъ отъ персти (т.-е. земли) созданъ человѣкъ! какъ различны образы въ человѣческихъ лицахъ! если и весь міръ совокупить (т.-е. соединить), не всѣ будутъ въ одинъ

образъ, а у каждаго по Божьей премудрости лицо на свой образъ. Подивимся и тому: какъ птицы небесныя изъ теплыхъ странъ перелетаютъ къ намъ... лѣса и поля вездѣ наполнились ими,—и все это Богъ далъ на угодіе человѣку, на снѣдь (т.-е. на ѣду), на веселье. Также и птицы небесныя умудрены Господомъ: велитъ — поютъ, и весело ихъ слушать людямъ; не велитъ—и языкъ ихъ словно онѣмѣетъ. Велика Божья милость къ грѣшнымъ людямъ: кто не прославляетъ Его, кто всѣмъ сердцемъ и душою не вѣритъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа,—да будетъ проклятъ!..“

„Начало и конецъ всему—страхъ Божій. Страхъ Божій имѣйте выше всего. Пуще всего берегитесь гордости въ сердцѣ и въ умѣ. Надо помнить, что всѣ мы смертны: нынче живы, завтра во гробѣ все, что ни далъ Богъ—Его, а не наше,—поручено намъ на мало дней. Милостыня, сокрушеніе о грѣхахъ и покаяніе — вотъ три дѣла, три не тяжкія заповѣди, чтобъ побѣдить лукаваго; молю васъ не забывайте этихъ трехъ дѣлъ: это не затворничество или монашество, не голодъ, какой иные праведники терпятъ, — заповѣди не тяжкія, а получите и ими Божью милость. Когда Богъ умягчитъ ваше сердце и выронится слеза о грѣхахъ, молитесь Ему, чтобъ простилъ, какъ разбойника и блудницу, чтобъ помиловалъ, какъ мытаря. Не пропускайте ни одной ночи, если можно, чтобъ не поклониться до земли, и трижды. Ночнымъ поклономъ и молитвой дьявола побѣждаетъ человѣкъ и, что въ день нагрѣшилъ, — избываетъ. И сидя верхомъ на конѣ, если не знаете другихъ молитвъ, зовите безпрестанно втайнѣ про себя: Господи помилуй!“

„Посѣщайте больныхъ, стойте, не гнушаясь надъ мертвецами: всѣ мы мертвенны! (т.-е. смертны). Не

забывайте убогихъ; сколько можете, воспитывайте сиротъ, устраивайте ихъ; защищайте вдовицъ. Не давайте сильнымъ губить слабыхъ; любите принимать благословеніе отъ епископовъ, духовныхъ отцовъ и игуменовъ; не устраняйтесь отъ нихъ и съ любовію снабжайте, чѣмъ можете: получите отъ Бога по молитвамъ ихъ. Ни одного человѣка не пропускайте безъ добраго привѣта, безъ ласковаго слова; старыхъ чтите за отца, молодыхъ—за братью. Въ разговорахъ не клянитесь и не крестите: никакой надобности въ томъ нѣтъ. Если же придется цѣловать крестъ къ братьѣ или къ комунибудь, прежде справьтесь съ сердцемъ: будете ли вы въ силахъ устоять,—тогда цѣлуйте и ужъ соблюдайте, чтобы, преступивъ, души не погубить. Лѣность — мать всѣхъ пороковъ. Никогда не лѣнитесь, а особенно—ходить въ церковь! Чего не умѣете — тому учитесь, а что знаете — того не забывайте. Отецъ мой (Всеволодъ), и дома сидя, научился пяти чужимъ языкамъ: въ томъ честь отъ иныхъ земель".

„Въ домѣ у себя не лѣнитесь, за всѣмъ глядите сами; не полагайтесь на тіуновъ да на отроковъ (т.-е. слугъ), чтобы вхожіе къ вамъ въ домъ не посмѣялись ни вашему дому, ни вашему обѣду. Жену свою любите, но подъ женскую власть не поддавайтесь".

„Когда пойдете въ обходъ по вашимъ владѣніямъ, не давайте проказить отрокамъ ни у себя, ни у чужихъ, чтобъ не дѣлали худо ни населенію ни хлѣбамъ въ полѣ и чтобы изъ-за нихъ васъ не кляли. Гдѣ у котораго хозяина остановитесь, попойте и покормите его. Особенно чтите дальнихъ гостей, изъ странъ далекихъ: придутъ ли съ посольствомъ, или съ товаромъ, или просто, — одарите дарами, а нельзя,—хоть брашномъ и питьемъ.

Они мимоходомъ разносятъ по всѣмъ землямъ добрую славу и худую".

„А на войнѣ не лѣнитесь; все дѣлайте сами; питью, ѣдѣ, спанью — не поблажайте. А пуще всего блюдитесь блуда и пьянства: тамъ ужъ не одно тѣло, а душа погибаетъ. Не полагайтесь на воеводъ, сами наряжайте сторожевыхъ на ночь, и, распорядивъ всѣмъ, ложитесь тутъ же около войска—и раньше вставайте. А оружіе не снимайте съ себя: не вдругъ оглядишься разоспавшись, а гибель внезапно постигаетъ".

„Ни праваго, ни виновнаго—если даже повиненъ смерти—не убивайте: души христіанской не губите".

„Трудитесь непрестанно, не блюдя живота (т.-е. жизни) своего и не щадя головы своей, ночь и день, въ зной и зиму, — не давая себѣ покоя".

„Господи! (такъ говоритъ Владиміръ Мономахъ въ концѣ своего „Поученія къ дѣтямъ") приложи мнѣ лѣто къ лѣту, чтобъ на остатокъ дней моихъ, въ грѣхахъ покаявшись, оправдалъ я свою жизнь въ Богѣ".

Прилежаніе Мономаха къ церковной службѣ и его любовь къ церковному благолѣпію—составляли въ немъ черту, особенность, унаслѣдованную отъ предковъ.

— Когда онъ стоялъ за обѣдней,—разсказываютъ современники, — нельзя было его видѣть безъ умиленья: весь онъ былъ погруженъ въ пѣніе и чтеніе церковное, изъ глазъ капали слезы. Христолюбивый князь не щадилъ своего имѣнія, созидая и украшая церкви; особенное усердіе оказывалъ онъ къ памяти своихъ ближнихъ сродниковъ, святыхъ Бориса и Глѣба. Онъ такъ украсилъ церковь, гдѣ покоились ихъ мощи, и обложилъ ихъ раки серебромъ и золотомъ, что тому дивились сами греки, пріѣзжавшіе въ Кіевъ, а

они привыкли къ многоцѣнному благолѣпію цареградскихъ храмовъ и соборовъ у себя на родинѣ. Во имя же Бориса и Глѣба создалъ онъ многія церкви по городамъ прочихъ своихъ владѣній, а памятнѣе всего — въ переяславскомъ княжествѣ, на Альтѣ: на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ея тихіе берега „благословились кровью Бориса“.

Княженіе понималось въ старину на Руси не иначе, какъ въ видѣ семейнаго быта — только въ приложеніи къ наиобширнѣйшему союзу: къ цѣлому народу всей нашей родины. Такое патріархальное славянское чувство, завѣщанное еще изъ первобытной старины, не только не умалилось у насъ, русскихъ, съ принятіемъ христіанства, а еще восполнилось и просвѣтилось. Изъ природной наклонности къ миру оно въ православномъ народѣ переходило уже въ сознательное „братство о Христѣ“ и въ „любовь Христову“.

Всѣ русскіе князья, за очень немногими исключеніями, отличались православнымъ духомъ; по словамъ древне - русскихъ лѣтописцевъ, они „не взношашеся, ни величашеся, но на Бога возлагаше все“. Но про Владимира Мономаха это должно сказать по преимуществу. Истый сынъ православной Руси, это былъ воистину русскій князь — образецъ православнаго государя. Его государева власть была — *якоже отца;* при немъ *державство* устроилось именно въ семейный родительскій образецъ, а земное владычество, *царство отъ міра сего,* святилось еще православнымъ братолюбіемъ, стремилось *не мнящеся и небеснаго царствія.*

Сами современники Мономаха чувствовали, что трудно устоять такому чистому порядку „по грѣхамъ людскимъ въ мірѣ“. Но чѣмъ больше боялся народъ утраты своего благополучія въ случаѣ Мономаховой смерти, тѣмъ съ большею благодарностью от-

носился онъ къ своему доблестному державцу, и тѣмъ больше прославляла Владимира Мономаха всенародная любовь: многочисленные города, никѣмъ не понуждаемые, приносили клятвы—„никого впередъ не хотѣть у себя, кромѣ его, Мономахова, рода, и никогда не поднимать оружія противъ его потомковъ“.

Земля русская нашла, въ лицѣ Владимира Мономаха, властителя по сердцу и по душѣ всему народу. Что народное чувство не обманулось въ своемъ избранникѣ, признавъ его *своимъ* и усыновивъ его себѣ со всѣмъ его родомъ, — порукой въ томъ была сама душа свято пожившаго и свято почившаго князя: *а мнѣ моя душа* (такъ говорилъ Мономахъ своимъ дѣтямъ) *дороже всего свѣта.* По словамъ древне-русскаго лѣтописца, вся его жизнь была „добрая и святая“; также свято и почилъ благочестивый князь „у милой у своей и любимой прекрасной церкви Бориса и Глѣба; ее же самъ создалъ въ Переяславлѣ“. Весной, въ первыхъ числахъ мая, онъ имѣлъ обыкновеніе навѣщать свое родовое княженіе—пріятное воспоминаніе еще отца его Всеволода; тутъ и праздновалъ обыкновенно память своихъ сродниковъ, святыхъ страстотерпцевъ на самомъ мѣстѣ, гдѣ пролилась кровь Бориса. Здѣсь привелось Владимиру Мономаху и окончить свои дни, на богомольѣ въ новозданномъ храмѣ.

Мстиславъ, Ярополкъ, Вячеславъ, Андрей и Юрій Владимировичи, всѣ дѣти Мономаховы, собрались тогда къ мирно скончавшемуся родителю, положили его въ гробъ и повезли въ Кіевъ. При великомъ собраніи народа, при всеобщемъ рыданіи, какого еще не слыхивали послѣ Владимира Святого на княжескихъ похоронахъ, схоронили его въ святой Софіи, рядомъ съ его отцомъ Всеволодомъ,

у гробницы Ярослава Мудраго. О его кончинѣ, какъ бы на его надгробномъ камнѣ, древне-русскій лѣтописецъ записалъ такъ: „Въ лѣто 1125-е, мая 19, преставился благовѣрный князь, христолюбивый и великій князь всея Руси, Владимиръ Мономахъ, иже (т.-е. который) просвѣти Русскую землю, какъ солнце пуская лучи; его же слухъ (т.-е. слава о немъ) произыде по всѣмъ странамъ; братолюбецъ и нищелюбивъ, и добрый страдалецъ за Русскую землю. Народъ и люди плакали о немъ, какъ дѣти плачутъ по отцѣ или по матери, вотъ какъ всѣ о немъ плакали!“

Кіевъ и кіевское княжество, достигшіе при Владимирѣ Мономахѣ высшей степени своего матеріальнаго процвѣтанія и политическаго могущества, послѣ его кончины, стали клониться къ упадку.

IV.

„О, витязь, дѣлами твоими
Гордится великій народъ!
Твое громоносное имя
Столѣтія всѣ перейдетъ!“

А. Толстой.

Болѣе шести вѣковъ свято чтится на Руси благословенное имя святого благовѣрнаго князя Александра Невскаго. Соблюденіе русской земли отъ бѣды на востокѣ и знаменитые подвиги за вѣру и землю на западѣ доставили Александру Невскому славную память на Руси и сдѣлали его самымъ виднымъ историческимъ лицомъ въ исторіи русскаго народа отъ Владимира Мономаха до Димитрія Донского.

Жители Владимира и другихъ городовъ Суздале-Ростовскаго края, пострадавшихъ отъ татарскаго

нашествія, послѣ всѣхъ ужасовъ Батыева плѣненія—видѣли особенную Божію милость уже и въ томъ, что не всѣ ихъ князья погибли отъ меча татарскаго.

Съ трогательною радостью — слезами благодарности на глазахъ и молитвенными благословеніями на устахъ — встрѣчалъ народъ Ярослава, отца Александра Невскаго, на развалинахъ городовъ своихъ. Ярославъ Всеволодовичъ наслѣдовалъ старшій владимирскій столъ послѣ гибели своего брата Юрія II въ битвѣ съ татарами на берегу рѣчки Сити, впадающей въ Мологу—притокъ Волги.

Жители городовъ, пострадавшихъ отъ монгольскаго нашествія, видѣли въ Ярославѣ Всеволодовичѣ только князя, который вмѣстѣ съ ними перешелъ неисчислимыя бѣдствія и муки во времена Батыева плѣненья и готовъ былъ въ будущемъ страдать заодно со всѣми.

Тяжелыя чувства и впечатлѣнія испыталъ отецъ Александра Невскаго, возвращаясь на родину. Вслѣдствіе великаго множества труповъ, нельзя было близко подходить къ разрушеннымъ городамъ, выжженныя татарами села съ опустошенными повсюду, вытоптанными и не обсѣмененными полями глохли—вездѣ нелюдимы, народъ укрывался еще въ лѣсахъ,—все было мертво кругомъ: что ни селенье, то новое пепелище; что ни городъ, то новыя груды развалинъ и труповъ. И чѣмъ ближе къ Владимиру, тѣмъ страшнѣй становилось опустошеніе: слѣды разоренія были еще злѣй. Весь обгорѣлый и наполовину разрушенный Владиміръ оставался еще нежилымъ,—трупы наполняли не только его улицы, дворы и опустѣлыя жилища, но и самые храмы. Суздальскіе и рязанскіе князья, уцѣлѣвшіе отъ татарскаго меча, послѣ Батыева нашествія, прежде чѣмъ обратиться къ

обычнымъ дѣламъ правленія, должны были распорядиться о томъ, чтобы хоронить тѣла, очищать церкви, развалины разбирать, и разрушенное исправлять,—вызывать жителей селъ и городовъ, укрывшихся въ лѣса и дебри, возобновлять сожженные города и храмы. По словамъ древне-русскаго лѣтописца, главною заботою Ярослава Всеволодовича были „церкви очистити отъ трупія мертвыхъ и кости ихъ сохранити“, а „пришельцевъ утѣшить,—люди многи собрать“.

Когда Ярославъ Всеволодовичъ предпринялъ свой послѣдній походъ на югъ съ тѣмъ, чтобы занять Кіевъ, онъ посадилъ въ Новгородѣ вмѣсто себя сына своего Александра Ярославича, который вскорѣ прославился чудесною побѣдой на Невѣ, за которую и получилъ названіе *Невскаго*. Съ тѣхъ поръ этотъ богоизбранный князь, отличавшійся необыкновенными дарованіями, и сталъ любимцемъ новгородцевъ. Хотя, вслѣдствіе своего безпокойнаго нрава, они не умѣли жить въ мирѣ даже съ любимѣйшими изъ своихъ князей, и Александръ не разъ уходилъ отъ нихъ, но они все-таки не переставали обращаться съ просьбами къ Ярославу: „Дай намъ своего сына!“ Когда же онъ присылалъ имъ другого сына, вновь просили новгородцы неотступно: „Ты, князь, прислалъ намъ сына своего Андрея, а мы просимъ: дай намъ князя Александра“. Этотъ всѣми желаемый Ярославичъ составлялъ истинное утѣшеніе отца своего въ тѣ скорбные и тяжелые дни.

Но какъ ни были мучительны труды и заботы Ярослава Всеволодовича при возобновленіи сожженныхъ татарами городовъ и храмовъ, — не они, ускоривъ его старость, близили и къ преждевременной могилѣ; не въ этихъ трудахъ и заботахъ заключалось то *„многое томленіе“*, которымъ стра-

далъ великій князь. Въ то самое время татары вновь напомнили о себѣ тяжкимъ погромомъ: опустошивъ Муромъ и окольные города по берегамъ Клязьмы, они опять нагнали ужасъ на всю русскую землю и навели страхъ на городскихъ и сельскихъ жителей. По словамъ древне-русскаго лѣтописца: „бѣ полохъ золъ по всей землѣ, не вѣдяху и сами, кто гдѣ бѣжитъ“... А къ Ярославу въ самый Владимиръ явились послы отъ Батыя, хана татарскаго, и потребовали, чтобы онъ ѣхалъ въ орду, привезъ бы съ собой и ту дань, которая должна быть собрана для хана съ покореннаго имъ Владимирскаго княжества. Ярославъ взялъ съ собой нѣкоторыхъ изъ бояръ своихъ, а изъ сыновей Константина Ярославича,—и повезъ дань; поѣхалъ въ приастраханскія степи за Волгу. Станъ татарскій—Сарай-Орда—представлялъ тогда уже видъ цѣлаго городища. Слѣды коней и верблюдовъ, обозы и лабазы, безчисленныя юрты татаръ, базарныя лавки, требища (т.-е. мѣста жертвоприношеній) и торжища—занимали огромное пространство. Куда бы ни перекочевывалъ Батый, несмѣтное воинство сопровождало его всюду. А такъ какъ ханъ татарскій устроилъ себѣ на берегу Волги постоянное зимовище, соорудивъ постройки даже каменныя, то и всѣ его полчища расположились тамъ же не временными жилищами, какъ въ степи, а по-городски, поудобнѣй: и каменныя постройки и деревянные балаганы уже не были рѣдкостью въ Сараѣ; но кочевыя кибитки конюховъ и юрты чиновныхъ татаръ преобладали повсюду, и по своей многочисленности заглушали всѣ прочія постройки въ тѣсномъ и многолюдномъ здѣшнемъ поселеніи. Войлочныя татарскія юрты у вельможъ татарскихъ замѣнялись вмѣщавшими сотни гостей пространными шатрами: внутри все было увѣшано зана-

вѣсками изъ китайскихъ шелковъ и убрано персидскими коврами. Ставка самого Батыя отличалась, по описанію очевидцевъ, несказаннымъ великолѣпіемъ, — глядѣла хотя и азіатскимъ, но роскошнѣйшимъ дворцомъ; главный его шатеръ былъ весь въ золотѣ. Золотой и серебряный атласъ, всѣми радужными цвѣтами блиставшая парча, дорогъ-рыбій-зубъ (т.-е: морковая кость) и слоновая кость, золото и драгоцѣнные камни, чаши изъ цѣльнаго золота и драгоцѣнными камнями осыпанное оружіе, — иной утвари тутъ и не видѣлось кругомъ.

Когда Батый принималъ пословъ или своихъ подвластныхъ, пріѣзжавшихъ къ нему съ дарами, онъ сидѣлъ на тронѣ, изукрашенномъ всѣми сокровищами Востока, помѣщавшемся на пространномъ возвышеніи, къ которому вели отлогія ступени, устланныя драгоцѣнными коврами, и по этимъ ступенямъ разсаживались ханши, его жены, въ золотой посудѣ стоялъ кумысъ для угощенія. Въ шатрахъ же у татаръ ставились и развѣшивались ихъ „домашніе боги“, идольскія изображенія диковинныхъ страшилищъ. Пріѣзжавшіе въ Орду, прежде чѣмъ итти къ хану, задаривали обыкновенно вельможъ и женъ ханскихъ, и ихъ ближнихъ, и ихъ прислугу, потомъ уже, — послѣ того, какъ они выполняли разные требуемые отъ нихъ обряды у идольскаго требища передъ волхвами, — ихъ вводили къ хану *бить* ему *челомъ*, по татарскому выраженію; съ того времени это самое выраженіе и завелось на Руси; прежде въ нашемъ языкѣ его не было.

Исполнилъ требуемое и Ярославъ Всеволодовичъ; долженъ былъ и онъ передъ ханомъ бить челомъ, до лица земного, просить о помилованіи объ оставленіи за собой своихъ родовыхъ вотчинъ,

дать присягу въ вѣрноподданствѣ, умолять и за весь народъ свой. Батый ласково принялъ его повиновеніе, назначилъ „старѣйшимъ во всѣхъ князьяхъ русскихъ“ и велѣлъ даже именоваться кіевскимъ великимъ княземъ.

— Будь главою всѣмъ! — сказалъ Батый отцу Александра Невскаго.

Послѣ того какъ Ярославъ Всеволодовичъ подчинился волѣ Батыя, и всѣ прочіе князья послѣдовали его примѣру. Вслѣдъ за нимъ поѣхали въ Орду его братья и всѣ его родственники: Батый утвердилъ и подручниковъ Ярослава по ихъ владѣніямъ. Тогда же и остальные князья всѣхъ прочихъ областей и княжествъ, одни за другими, спѣшили туда же. Монгольское иго (т.-е. зависимость русскихъ отъ татаръ, выражавшаяся въ платежѣ дани и въ доставленіи, въ случаѣ надобности, вспомогательнаго войска монгольскому хану, а также въ назначеніи русскимъ князьямъ ихъ отцовскихъ и иныхъ владѣній по волѣ хана)—утвердилось во всей силѣ и съ году на годъ становилось тяжелѣе: на первыхъ порахъ дань съ княжествъ не была еще опредѣлена въ точности; но ханъ объявилъ, что пришлетъ отъ себя такихъ „численниковъ“, которые „приведутъ въ число“ и перепишутъ всю русскую землю,—тогда и видно будетъ, сколько именно съ каждаго княжества должно будетъ поступать всякихъ сборовъ.

Не прошло и двухъ лѣтъ по возвращеніи Ярослава Всеволодовича во-свояси, какъ Батый потребовалъ его къ себѣ въ Орду вторично и приказалъ ему ѣхать къ берегамъ Амура въ ханскую столицу, гдѣ ставился на царство новый великій ханъ—Гаюкъ.

Престарѣлому князю, сокрушенному больше, чѣмъ старостью, злополучіемъ своимъ, пятидесяти-

пяти-лѣтнему Ярославу Всеволодовичу, разумѣется, трудно было вынести столь дальній и мучительный путь, — но онъ повиновался безпрекословно. Во время дороги встрѣчались и попадались русскому князю то земли, гдѣ по безводію почти нѣтъ обитателей и гдѣ многіе изъ людей Ярослава умерли отъ жажды, то страны, въ которыхъ встрѣчались лишь слѣды разрушенныхъ городовъ и цѣлыя равнины, убѣленныя костями, а также покрытыя грудою череповъ, сложенныхъ горами, — памятники войнъ самого Чингисхана.

Но всѣ ужасы, перенесенные въ пути русскимъ княземъ Ярославомъ, обратились въ ничто, по сравненію съ тѣмъ, что привелось ему видѣть и слышать и переживать по прибытіи въ ханскую столицу. „Сынъ самого Бога и самъ земной богъ“ (такъ называли татары своего великаго хана), прикладывавшій къ своимъ рѣшеніямъ ту печать, на которой было вырѣзано: „Богъ на небѣ, а ханъ на землѣ, силою Божіей повелитель всѣхъ людей“. Великій ханъ, при обрядѣ возведенія своего на ханскій тронъ, произноситъ: „Слово устъ моихъ да будетъ мечомъ моимъ“.

Чингисхановъ внукъ — Гаюкъ собралъ на свой пиръ всѣхъ своихъ данщиковъ, при чемъ однихъ только владѣтельныхъ и высокопоставленныхъ особъ, кромѣ прочихъ великихъ чиновъ, прибыло четыре тысячи. Привезенные же ими дары составляли цѣлые обозы, въ томъ числѣ однихъ только драгоцѣнностей, золота и серебра—было пятьсотъ возовъ.

Самъ Гаюкъ, этотъ удивительный монголъ, суровый съ виду, о которомъ ближніе разсказывали, что „никто не видѣлъ, чтобы онъ когда-нибудь смѣялся или шутилъ“,—великій ханъ—все время былъ милостивъ къ Ярославу. Но ханша Туракиня,

мать Гаюка,—такъ секретно передавали другъ другу въ Ордѣ,—именно, по подозрѣніямъ, возведеннымъ на князя, на прощанье угостила его, и на своемъ пиру отличила его почетною чашей,—сама ее и передала ему своими руками—„опоила его ядомъ“.

Справедливость обвиненія ханши въ отравленіи русскаго князя подтверждали тѣмъ, что съ „того пира и занемогъ Ярославъ, а на седьмой день уже умеръ“,—притомъ „все его тѣло вскорѣ послѣ смерти удивительнымъ образомъ позеленѣло“.

Бояре и прочіе вѣрные слуги князя, сопровождавшіе его въ этомъ путешествіи, не оставили на чужбинѣ его гроба: съ нимъ и отправились въ обратный дальній путь и привезли во Владиміръ. Тамъ, въ Успенскомъ соборѣ, и похоронили его рядомъ съ братомъ Юріемъ, возлѣ гроба отца ихъ Всеволода. Князь Ярославъ Всеволодовичъ умеръ въ 1246 году.

Русскій народъ призналъ подвигомъ гражданскаго мужества тѣ тяжкія испытанія, которыя перенесъ Ярославъ въ Ордѣ у Батыя, и ту поѣздку, которую этотъ князь на старости лѣтъ предпринялъ въ нѣдра Азіи къ Великому Моголу, а также и смерть на чужбинѣ. По словамъ древне-русскаго лѣтописца, Ярославъ „много истомленія пріятъ за землю русскую; себя не пощадя и иде въ великую и пагубную землю татарскую и положи душу свою за всѣ люди земли русской“.

Такое же мужество терпѣнія внушилъ князь-страдалецъ и своимъ дѣтямъ, а доблестному своему сыну Александру оставилъ завѣтъ—въ подвигѣ благочестія снискать надежду на избавленіе: „тако же и Александръ не остави пути отца своего“.

Бѣдственно было для Россіи то время, въ которое княжилъ боголюбивый князь Александръ

Ярославичъ. Значительная часть русской земли была разорена свирѣпыми монголами. Города и селенія опустошены огнемъ и мечомъ, святые храмы поруганы, расхищены или разрушены. Городскіе и сельскіе жители, избѣгавшіе меча и плѣна, скрывались въ горахъ и непроходимыхъ лѣсахъ; отъ люта врага они скрывались и селились тамъ, гдѣ прежде жили лишь дикіе звѣри.

Кромѣ кровожадныхъ татаръ, инородцы, преимущественно финскаго племени, безпокоили русскую землю своими нападеніями. Русскіе князья собранную съ своихъ подданныхъ дань покорно несли въ орду, отъ которой (т.-е. отъ воли монгольскаго хана) зависѣла и власть княжеская и самая ихъ жизнь. Сами же князья между собою, къ стыду русскихъ людей и къ великому ихъ горю, то и дѣло ссорились да вели междоусобныя войны. Не походилъ на остальныхъ русскихъ князей, готовыхъ изъ-за личныхъ счетовъ и частныхъ выгодъ погубить свою родину, благовѣрный великій князь Александръ Ярославичъ.

Святой Александръ, второй сынъ великаго Ярослава Всеволодовича, правнука Мономахова, родился 30 мая 1220 года. Воспитанный своими благочестивыми родителями въ духѣ истинной православной вѣры и древняго христіанскаго благочестія, онъ смолоду возлюбилъ чтеніе книгъ св. писанія, съ самаго дѣтскаго возраста обнаруживалъ въ себѣ благочестивую настроенность и любовь къ храму Божію. Дѣтскія забавы и мірскія рѣчи не занимали отрока Александра. Любимымъ занятіемъ его было чтеніе священныхъ книгъ, писаній свв. отцовъ и учителей Церкви, пѣніе церковныхъ пѣсней и тайныя молитвы. Благочестіе и любовь къ св. писанію были унаслѣдованы Александромъ отъ родителей и род-

ственниковъ. Отецъ Александра, Ярославъ Всеволодовичъ, былъ распространителемъ Христова ученія среди финскаго племени—кореловъ; мать его, Ѳеодосія, въ иночествѣ Евфросинія, въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ называется святою. Два дяди, братья его отца, положили жизнь свою за вѣру христіанскую и землю русскую въ битвѣ съ монголами, на рѣкѣ Сити. Двоюродный братъ его, Василько, мученически скончавшійся въ плѣну у татаръ, причтенъ Церковью къ лику святыхъ—и, вообще, многіе его родственники отличались твердою вѣрою и благочестивою жизнью.

Отличаясь благочестіемъ, юный Александръ Ярославичъ во всѣхъ случаяхъ своей жизни, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ руководствовался первою заповѣдью Христова ученія о любви къ ближнему, будучи всегда истиннымъ заступникомъ и защитникомъ сиротъ, вдовицъ, всѣхъ несчастныхъ, обижаемыхъ и угнетаемыхъ.

Счастливое время отрочества и юности Александръ провелъ большей частью въ Новгородѣ, гдѣ отецъ посадилъ его княжить, въ 1228 году, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Ѳеодоромъ, давъ въ руководители молодымъ князьямъ суздальскаго боярина Ѳеодора Даниловича и судью Іоакима. Такимъ образомъ, Александру съ ранняго дѣтства суждено было жить въ томъ краю, гдѣ онъ впослѣдствіи сдѣлался знаменитымъ и славнымъ.

Въ 1236 году Ярославъ Всеволодовичъ уѣхалъ въ Кіевъ, получивъ тамошній княжескій престолъ, и Александръ Ярославичъ сталъ самостоятельно править Новгородомъ. Этотъ юный князь явился свѣтлымъ утѣшеніемъ бѣдствовавшихъ согражданъ, и во все время своей княжеской дѣятельности былъ истиннымъ ангеломъ-хранителемъ многострадальнаго отечества своего.

Сдѣлавшись новгородскимъ княземъ, Александръ Невскій главнымъ образомъ заботился о томъ, чтобы самому творить судъ правый и чтобы всѣ сподвижники его отличались правосудіемъ и милосердіемъ. Чтобы понять и объяснить себѣ, почему вольнолюбивые новгородцы не возставали на распоряженія юнаго князя, а вполнѣ добровольно имъ подчинялись, надо обратить вниманіе на то обстоятельство, что доблестный князь Александръ, отличаясь внѣшней красотой, былъ кротокъ взоромъ, силенъ словомъ и необыкновенно мужественъ духомъ.

Самая личность его производила чарующее впечатлѣніе на всѣхъ, кто его видѣлъ. Незадолго до славной Невской побѣды, въ Новгородъ приходилъ магистръ (т.-е. начальникъ) ливонскихъ рыцарей (т.-е. конныхъ воиновъ) Андрей Вельвенъ, который говорилъ: „Я прошелъ многія страны, знаю свѣтъ, видалъ царей и князей, но нигдѣ не встрѣчалъ подобнаго Александру мужествомъ и красотою: ни въ царѣхъ—царя, ни въ князѣхъ—князя“. Когда Александръ Невскій посѣтилъ Батыя, то этотъ ханъ сказалъ о немъ своимъ вельможамъ: „Правду мнѣ говорили: другого такого князя нѣтъ“.

По словамъ современниковъ юнаго князя, „пріятный голосъ его гремѣлъ, какъ труба, на вѣчахъ. Онъ не любилъ говорить много и отличался изумительнымъ самообладаніемъ. Никѣмъ непобѣдимый и побѣждавшій всѣхъ, не обрѣталъ онъ себѣ противника ни во брани, ни въ мирной жизни, не имѣя себѣ равныхъ по великимъ своимъ доблестямъ и по великому смиренію своему ни въ князьяхъ, ни въ народѣ“.

Собираясь въ походъ, Александръ не любилъ разсказывать прежде времени своимъ ближайшимъ

людямъ и военачальникамъ, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Воздержный въ словѣ, онъ былъ рѣшителенъ и твердъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Вдохновенный вождь, онъ умѣлъ вдохновлять народъ и войско. Онъ никогда не смущался даже и тѣмъ, что его ратная сила была ничтожна въ сравненіи съ силой непріятельской, и дѣйствовалъ быстро, съ живѣйшей вѣрой въ свое святое дѣло и въ геройство своихъ богатырей; рѣшительный и неустрашимый духъ его какъ бы непосредственно передавался его дружинѣ.

Въ первый годъ самостоятельнаго правленія Александра въ Новгородѣ, ему предстояла роковая борьба съ татарами. Батый, покоривъ рязанское и владимирское княжества, быстро шелъ къ предѣламъ новгородскимъ, и послѣ двухнедѣльной жестокой осады уже взялъ Торжокъ, перерѣзалъ его жителей и двинулся къ самому Новгороду, опустошая и истребляя все по дорогѣ. Но Богу не угодно было предать неминуемому разоренію Новгородъ; по словамъ новгородскихъ лѣтописцевъ, за Новгородъ заступились св. Софія и св. Кириллъ Александрійскій, „и они, безбожніи (т.-е. татары), вспятишася отъ Игнача Креста, прогнани св. Кирилломъ“. Батый, не доходя за сто верстъ до Новгорода, своротилъ отъ Игнача Креста къ Козельску и, такимъ образомъ, новгородцы и князь Александръ спаслись отъ Батыева нашествія. Разумное управленіе Новгородомъ такъ прославило юнаго князя, что его знали уже за предѣлами тогдашней Руси.

Новгородскій лѣтописецъ, приступая къ описанію Александровыхъ подвиговъ, говоритъ: „Красотою лица онъ не уступалъ Іосифу прекрасному, котораго египетскій царь поставилъ вторымъ царемъ въ Египтѣ, сила же у него была, какъ у

Самсона, премудростью Богъ надѣлилъ его Соломоновою, а храбрость у него была, какъ у римскаго царя Веспасьяна, который завоевалъ всю землю іудейскую". Другіе лѣтописцы сравнивали Александра Невскаго съ Александромъ Македонскимъ и съ великимъ героемъ древней Греціи, съ Ахиллесомъ. Въ особомъ жизнеописаніи Александра сказано, что онъ успѣлъ окружить собя дружиною храбрыхъ, „у князя Александра было множество храбрыхъ, якоже древле у Давида царя: бяху бо сердца ихъ, аки сердца львовъ".

Подобно своимъ давнимъ предкамъ, святому Владимиру и Владимиру Мономаху, Александръ Невскій пользовался доброй славой у своихъ современниковъ: въ цѣлой Россіи не было области, которая бы не желала имѣть его своимъ княземъ.

Русскій народъ, подавленный страшнымъ нашествіемъ татаръ, естественно искалъ утѣшенія и отрады въ томъ, кто хотя нѣсколько могъ бы поднять и ободрить упавшій духъ его, оживить въ немъ и возбудить надежду, показать ему, что не все еще погибло на святой Руси. И онъ нашелъ все это въ лицѣ Александра Ярославича. Вотъ почему съ такой горячей любовью и упованіемъ сосредоточилъ русскій народъ на этомъ князѣ свои взоры. Въ исторіи Россіи найдется немного такихъ доблестныхъ народныхъ героевъ, какъ Александръ Невскій.

Въ годины тяжкихъ испытаній нашего отечества,—когда татары вторгнулись въ Россію, все предавая на пути своемъ огню и мечу, когда развалины и груды костей человѣческихъ обозначали путь нашихъ сильнѣйшихъ враговъ, когда отъ множества непріятельскихъ воиновъ земля стонала, отъ громады вражескаго войска обезумѣли дикіе звѣри и ночныя птицы,—тогда-то

Александръ Невскій былъ призванъ Самимъ Господомъ Богомъ спасти будущность родной земли.

Спустя три года послѣ миновавшей, съ Божіей помощью, величайшей опасности татарскаго погрома, въ 1239 году, на 20 году жизни, юный Александръ вступилъ въ бракъ съ дочерью полоцкаго князя Брячислава, Александрою. Бракъ этотъ былъ торжественно совершенъ въ городѣ Торопцѣ (Псковской губерніи), по пріѣздѣ изъ котораго въ Новгородъ Александръ Ярославичъ повторилъ здѣсь свадебныя торжества, пожелавъ подѣлиться своей семейной радостью съ народомъ. Новгородцы веселились и радовались, любуясь и гордясь своимъ княземъ. Въ томъ же году дальновидный Александръ, съ общаго народнаго совѣта, занялся укрѣпленіемъ новгородскихъ владѣній и построилъ нѣсколько крѣпостей по рѣкѣ Шелони. Въ этихъ укрѣпленіяхъ была тогда настоятельная нужда, такъ какъ нападенія литовцевъ и нѣмцевъ на землю новгородскую стали годъ отъ году все чаще и чаще, особенно со времени удаленія отца Невскаго, Ярослава Всеволодовича, въ Кіевъ и съ момента вторженія Батыя въ русскіе предѣлы, когда Ярославу было не до Новгорода, и когда онъ, оставляя тамъ своего сына Александра самостоятельнымъ княземъ, не приходилъ больше, какъ въ прежніе годы, помогать своему сыну въ борьбѣ съ сосѣдними врагами и не приводилъ съ собою суздальскіе полки, предоставивъ, такимъ образомъ, Новгородъ собственнымъ силамъ и средствамъ. О такомъ ослабленіи новгородской ратной силы не могли не знать нѣмцы и литовцы, и вотъ они поспѣшили воспользоваться благопріятными для нихъ обстоятельствами.

Прочимъ русскимъ князьямъ предстояла лишь борьба съ татарами, противъ которыхъ оставалось одно средство—безусловная покорность, средство, конечно, унизительное и тяжкое для народнаго сознанія, но тѣмъ не менѣе спасительное и, какъ необходимость, ничѣмъ не отразимая, тѣмъ самымъ уже не безчестное для князей, которымъ

Александръ Невскій.

не надо было оправдываться передъ народомъ, ясно сознавшимъ татарское могущество и хорошо понимавшимъ всю безполезность и гибельныя послѣдствія сопротивленія силою волѣ монгольскаго хана. Совсѣмъ иное положеніе было Александра Невскаго: враги его были нѣмцы и литовцы, которыхъ не разъ поражали новгородскіе и другіе русскіе князья, а потому покориться

такимъ врагамъ или не побѣдить ихъ, значило—заклеймить себя безславіемъ, и къ тому погубить навѣки народъ и всю страну, безъ всякой надежды хотя бы на позднее освобожденіе,—новгородцы и ихъ князь Александръ должны были хорошо знать, какъ распоряжались нѣмцы въ покоренной ими Ливоніи, и не могли, конечно, ждать лучшаго для Новгорода. Но прежніе князья новгородскіе, приходившіе обыкновенно изъ Суздале-Ростовскаго края или изъ Кіева и иныхъ большихъ древне-русскихъ городовъ, воюя съ нѣмцами и литовцами, располагали средствами новгородскими и своими собственными, которыя они получали изъ Владимира и другихъ городовъ древней Руси. Александръ же Невскій долженъ былъ совершенно зависѣть отъ однихъ новгородскихъ средствъ, а потому ратной силы у него было, конечно, меньше, чѣмъ у его предшественниковъ, тогда какъ враги его, нѣмцы и литовцы, подкрѣпляемые западно-европейскими рыцарями, становились сильнѣе и смѣлѣе прежняго.

Первыми врагами Новгорода оказались шведы, которые въ 1240 году, подъ предводительствомъ знаменитаго въ то время героя—Биргера, вошли въ Неву и достигли уже устья Ижоры, когда вѣсть объ ихъ нашествіи была получена въ Новгородѣ.

И прежде не разъ оспаривали у новгородцевъ обладаніе Финляндіей шведы, теперь же, побуждаемые буллою (т.-е. грамотою) римскаго папы Григорія IX, который возвѣстилъ крестовый походъ противъ язычниковъ—финновъ и русскихъ—и именемъ Всевышняго обѣщалъ прощеніе грѣховъ всѣмъ участникамъ похода, безъ всякаго предварительнаго объявленія, шведы вдругъ вторгнулись въ предѣлы новгородскіе. Кресто-

носцы эти, давшіе названному папѣ Григорію IX клятву огнемъ и мечомъ распространять свое исповѣданіе вѣры, явились съ намѣреніемъ проложить ему дорогу и въ православной Россіи, покорить русскихъ и совратить ихъ въ вѣру латинскую. Вотъ съ какой цѣлью царствовавшій въ это время въ Швеціи король Эрихъ послалъ въ опустошенную Батыемъ страну русскую многочисленное войско, въ сопровожденіи „честныхъ бискуповъ“ (т.-е. епископовъ), множества духовенства, а во главѣ ополченія своего зятя Биргера.

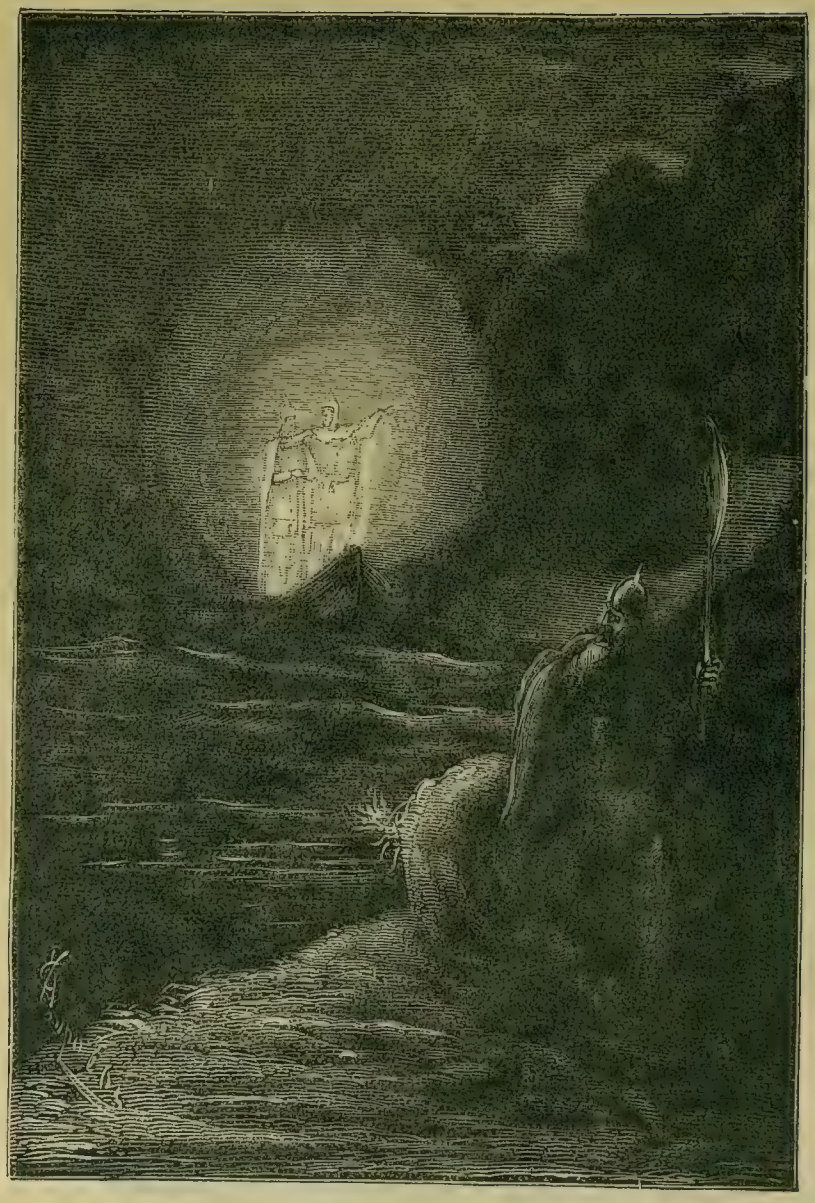
Гордый Биргеръ, подплывъ въ ладьяхъ къ устью Ижоры, притока Невы, съ многочисленными войсками финновъ и шведовъ, надменно послалъ сказать Александру: „Выходи противъ меня, если смѣешь, я стою уже въ землѣ твоей!“

Но этотъ гордый вызовъ не смутилъ юнаго героя, а лишь пробудилъ въ немъ мужество. Юный лѣтами, но твердый вѣрой въ Бога и покорный Его Промыслу, благовѣрный князь Александръ не устрашился чужеземной угрозы, но, „разгорѣвшись сердцемъ“, обратился съ горячей молитвой къ единому Избавителю всѣхъ—Господу, и въ слезахъ излилъ передъ Всевышнимъ скорбь свою и своего народа.

Медлить было не время: какихъ-нибудь сто верстъ отдѣляли враговъ отъ Новгорода, ждать помощи было неоткуда, а дожидаться, пока соберется вся новгородская земля, значило—отдать Ладогу на жертву врагамъ и дать имъ время стать твердой ногой въ новгородской землѣ. Александръ быстро сообразилъ всѣ сіи обстоятельства и, возложивъ все упованіе на Бога, далъ приказъ собраться дружинѣ и бывшимъ налицо новгородцамъ и ладожанамъ, самъ же, войдя въ церковь

св. Софіи, палъ на колѣни передъ алтаремъ, и послѣ горячей тайной молитвы всталъ и, произнеся слова псалма: „Суди, Господи, обидящимъ мя, и возбрани борющимся со мною; пріими оружіе и щитъ, встани въ помощь мнѣ“, подошелъ къ архіепископу Спиридону и принялъ отъ него благословеніе для себя и для войска; послѣ того, вышелъ изъ церкви, утирая слезы, и, съ полной надеждой на помощь Божію, сталъ снаряжать въ походъ своихъ воиновъ и укрѣплять ихъ въ мужествѣ, говоря словами пророка: „Братья, немного насъ, а врагъ силенъ, но не въ силахъ Богъ, а въ правдѣ! Не убоимся множества ратныхъ, яко съ нами Богъ, но помянемъ пѣснописца Давида, глаголюща: сіи во оружіи, а сіи на конѣхъ, мы же имя Господа Бога нашего призовемъ; и ти вспяти быша и падоша“.

Святое одушевленіе князя передалось народу и войску; его надежда на помощь Божію передалась всему Новгороду. Близость врага сильнаго, обыкновенно производящая въ народѣ уныніе и смятеніе, не имѣла тогда этого обычнаго дѣйствія на новгородцевъ: всѣ единодушно вѣрили, что Богъ не оставитъ благочестиваго и мудраго князя, который въ Немъ одномъ ищетъ спасенія и защиты,—и всѣ спѣшили присоединиться къ немногочисленной дружинѣ храбрыхъ. По словамъ древне-русскихъ лѣтописцевъ, народъ въ Новгородѣ былъ вполнѣ убѣжденъ, что тщетны и безумны всѣ гордые замыслы врага, что на немъ нѣтъ Божьяго благословенія. Подобная благочестивая увѣренность въ помощи Божіей такъ воодушевила новгородцевъ, что они, не дожидаясь прибытія своихъ собратій, спѣшившихъ присоединиться къ войску, быстро двинулись навстрѣчу врагамъ.



Явленіе свв. князей Бориса и Глѣба Пелгусію.

Но прежде чѣмъ князь Александръ съ своими дружинниками и воинами добрался до стоянки шведовъ, его встрѣтилъ вѣрный слуга Новгорода, старшина ижорскій, благочестивый Пелгусій, которому новгородцы поручили стражу морскую; онъ разсказалъ Александру расположеніе и укрѣпленія непріятельскихъ полковъ. По словамъ Пелгусія, который жилъ богоугодно и былъ великій постникъ,—когда онъ однажды пробылъ всю ночь безъ сна и при восходѣ солнца стоялъ на берегу Финскаго залива, вперивъ свой взоръ вдаль, вдругъ видитъ онъ одиноко плывущую лодку и слышитъ какъ бы плескъ отъ воды. Думая, что это непріятели, Пелгусій еще пристальнѣе смотритъ: гребцовъ въ туманѣ не видно, а лодка стоитъ, и въ ней, братски обнявшись, два свѣтозарные витязя. Свѣтлыя лица ихъ кажутся ему извѣстными и напоминаютъ святые лики страстотерпцевъ Бориса и Глѣба. И вотъ онъ слышитъ, какъ одинъ витязь говоритъ другому: „Брате Глѣбе, вели грести, да поможемъ сроднику своему, великому князю Александру Ярославичу“.

Радостно забилось сердце юнаго князя, когда онъ услышалъ разсказъ Пелгусія о такомъ дивномъ небесномъ видѣніи. Въ глубокомъ умиленіи, проникнутый увѣренностью въ Божіей помощи, Александръ тихо сказалъ Пелгусію: „Не говори никому объ этомъ, пока не увидимъ славы Божіей“.

Битва русскихъ со шведами началась 15 іюля, въ день памяти равноапостольнаго великаго князя Владимира, просвѣтителя Руси, въ шестомъ часу дня, и продолжалась до ночи. Съ быстротою молніи устремился юный князь Александръ съ дружиною храбрыхъ новгородцевъ и ладожанъ на шведовъ. Внезапность нападенія и быстрота натиска мгновенно привели ихъ въ замѣшательство.

Подобно вихрю, впереди всѣхъ пронесся онъ въ средину враговъ и увидѣлъ своего страшнаго непріятеля, вождя шведовъ, Биргера; съ необыкновенной отвагой бросившись на него, онъ „невѣрному кралю (т.-е. Биргеру) возложилъ остреемъ меча печать на челѣ“ (такъ выразился современный Александру лѣтописецъ). По словамъ лѣтописца, въ тотъ день, съ утра до вечера, „бысть бой силенъ зѣло, ужасенъ и страшенъ“ на южномъ берегу Невы, при впаденіи въ нее рѣки Ижоры. Шведы бились упорно; но упорство имъ не помогло: разбитые на всѣхъ пунктахъ и потерявъ храбрѣйшихъ и знаменитѣйшихъ воиновъ, они обратились въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ боя множество труповъ, тогда какъ въ войскѣ новгородцевъ убито было только двадцать человѣкъ. Шведы не осмѣлились даже остаться на полѣ битвы до утра, а ночью, сѣвъ на корабли, убѣжали во-свояси, наполнивъ тѣлами лучшихъ мужей цѣлыхъ три корабля; другихъ своихъ убитыхъ собратій они похоронили на мѣстѣ боя въ нѣсколькихъ ямахъ.

Побѣда новгородцевъ была настолько значительна и необыкновенна, что они, въ чувствѣ благочестиваго, истинно христіанскаго смиренія, даже не осмѣлились приписать ее себѣ и, зная малочисленность своей дружины и великую силу враговъ, говорили, что за нихъ и съ ними вмѣстѣ сражались ангелы Божіи и, указывая на противоположный берегъ Ижоры, покрытый непріятельскими трупами, утверждали, что полки Александровы тамъ не были и даже не могли пройти туда, что силы небесныя поражали здѣсь непріятелей.

Побѣдитель, князь Александръ Ярославичъ, спасшій православную вѣру отцовъ своихъ и весь

народно-государственный порядокъ родной земли, при возвращеніи въ Новгородъ, съ неописуемымъ восторгомъ встрѣченъ былъ ликующимъ народомъ. И онъ, Александръ, какъ истинный христіанинъ, прежде всего поспѣшилъ въ соборъ св. Софіи и излилъ здѣсь свои глубокія чувства благодарности, упавъ на колѣни предъ алтаремъ, въ такой горячей молитвѣ: „Благодарю Тебя, Владыко Преблагій, яко не оставилъ мя еси, раба Твоего, и отъ врагъ нашихъ избавилъ ны еси“.

Благодарное потомство, за описанную знаменитую побѣду при рѣкѣ Невѣ, увѣнчало князя Александра Ярославича навѣки славнымъ именемъ „Невскаго“. Съ этого времени герой невскій сталъ еще болѣе славою русскаго народа, его надеждой, его утѣхой и гордостью.

Не упоминая никогда своимъ современникамъ о своихъ доблестныхъ подвигахъ, Александръ Невскій не забывалъ подвиговъ своихъ сподвижниковъ и охотно разсказывалъ о нихъ лѣтописцамъ того времени. Эти лѣтописцы передаютъ намъ разсказъ Александровъ о подвигахъ шестерыхъ мужей изъ его дружины. Одинъ изъ нихъ, Гаврило Олексичъ, прорвался вслѣдъ за бѣгущимъ Биргеромъ до самаго корабля его, былъ низвергнутъ и съ конемъ въ воду, но вышелъ невредимъ и опять вступилъ въ борьбу съ воеводою шведскимъ, который называется въ лѣтописи Спиридономъ, этотъ воевода остался на мѣстѣ. Другой новгородецъ, Сбыславъ Якуновичъ, удивилъ также всѣхъ своей силой и храбростью, не разъ врываясь съ однимъ топоромъ въ толпы непріятельскія и безстрашно поражая шведовъ направо и налѣво. Третій, Яковъ Полочанинъ, ловчій князя, съ своимъ мечомъ одинъ ударилъ на цѣлый полкъ непріятелей, и такъ мужественно поражалъ ихъ, что самъ князь похва-

лилъ его. Четвертый новгородецъ, Миша, собравъ дружину соратниковъ, пѣшій бросился въ море и погубилъ три корабля шведовъ. Пятый былъ нѣкто изъ младшихъ воиновъ, по имени Сава, который наѣхалъ на большой златоверхій шатеръ королевскій и уронилъ его, подрубивъ столпъ, и тѣмъ возвѣстилъ побѣду полкамъ Александровымъ, которые, видя паденіе шатра непріятельскаго, возрадовались. Шестой, слуга княжескій Ратмиръ, бился пѣшій и, врубившись въ толпу шведовъ, погибъ отъ ранъ.

Только святое одушевленіе Александра Невскаго могло дѣлать его воиновъ такими неустрашимыми, какими были только что упомянутые нами шесть его дружинниковъ.

Не успѣли новгородцы избавиться отъ одного врага, шведовъ, какъ имъ стали угрожать нѣмцы, которые, захвативъ городъ Изборскъ и разбивъ псковитянъ, стали нападать на новгородскія села. Но упоенные недавней побѣдой, вольные и всегда безпокойные новгородцы, не обращая вниманія на ратные сборы и движенія нѣмцевъ, не пожелали подчиняться своему благодѣтелю — князю Александру Невскому. Когда же этотъ князь, подобно своему отцу и дѣду, потребовалъ отъ новгородцевъ подчиненія своей власти, они подняли такой ропотъ, что Александръ не замедлилъ со всѣмъ своимъ семействомъ удалиться къ отцу, который далъ ему Переяславль. Но въ ту же зиму, когда произошелъ отъѣздъ Невскаго изъ Новгорода, нѣмцы заняли Водьскую пятину; въ погостѣ Копорьѣ выстроена была нѣмецкая крѣпость, а по рѣкѣ Лугѣ земли подверглись разоренію, и нѣмецкіе отряды, въ 30 верстахъ отъ Новгорода, стали производить грабежи и убійства.

Гордые новгородцы смирились, но еще не совсѣмъ. Вмѣсто того, чтобы просить прямо св. Александра защитить ихъ отъ бѣдъ, они обратились къ Ярославу Всеволодовичу — въ надеждѣ, не пришлетъ ли самъ Ярославъ желаннаго. Но Ярославъ прислалъ къ нимъ другого своего сына, Андрея, который не въ состояніи былъ обуздать нѣмцевъ, которые попрежнему свободно гуляли по новгородской области, разоряя ее и забирая въ ней скотъ и коней. Тогда новгородцы смирились и послали владыку-архіепископа съ боярами просить Ярослава, чтобъ онъ прислалъ къ нимъ князя Александра. Незлопамятный благочестивый князь забылъ недавнее оскорбленіе и явился на помощь новгородцамъ.

Съ возвращеніемъ доблестнаго князя, Новгородъ ожилъ; народъ ликовалъ. Немедленно собралось войско, съ которымъ Александръ быстро двинулся на нѣмцевъ; первымъ дѣломъ отвоевалъ Копорье, гдѣ укрѣплялись враги, и разрушилъ ихъ крѣпость; затѣмъ изгналъ ихъ изъ Водьской области, а измѣнниковъ русскихъ строго наказалъ.

V.

Верховный повелитель Руси того времени, ханъ Кипчакской орды, Батый, наслышавшись о доблестныхъ подвигахъ Александра Невскаго, изъявилъ желаніе видѣть его у себя и послалъ сказать этому князю:

— Мнѣ покорилъ Богъ многіе народы,—неужели ты одинъ не хочешь покориться моей державѣ? Если хочешь сберечь землю свою, то приходи поклониться мнѣ, и увидишь честь и славу царства моего.

Батый, будучи самъ храбрымъ воителемъ, по словамъ древне-русскаго лѣтописца, милостиво и

честно принялъ доблестнаго князя и, не задержавъ его у себя, отпустилъ на родину.

Возвратясь во Владимиръ, Александръ получилъ печальныя вѣсти изъ Новгорода. Нѣмцы, пользуясь

его отсутствіемъ, зимнимъ временемъ напали на Псковъ, разбили тамошніе полки и, занявъ городъ, посадили въ немъ своихъ тіуновъ (т.-е. приказчиковъ или управляющихъ).

Прибывъ въ Новгородъ, Александръ Невскій первымъ долгомъ почелъ явиться въ храмъ св. Софіи и, горячо помолившись предъ алтаремъ и

проливъ слезы умиленія, тогда же объявилъ походъ на нѣмцевъ, завладѣвшихъ Псковомъ,—и пока собиралась новгородская рать, занялъ всѣ псковскія дороги; потомъ быстро двинулся къ Пскову, и прежде чѣмъ нѣмцы успѣли получить вѣсть объ его походѣ, вошелъ въ городъ, захватилъ бывшихъ тамъ нѣмцевъ, а псковитянъ объявилъ свободными; нѣмецкихъ же намѣстниковъ, заковавъ въ цѣпи, отослалъ въ Новгородъ. По словамъ нѣмецкаго лѣтописца, при занятіи Пскова Александромъ, семьдесятъ храбрыхъ рыцарей положили свои головы, защищая городъ.

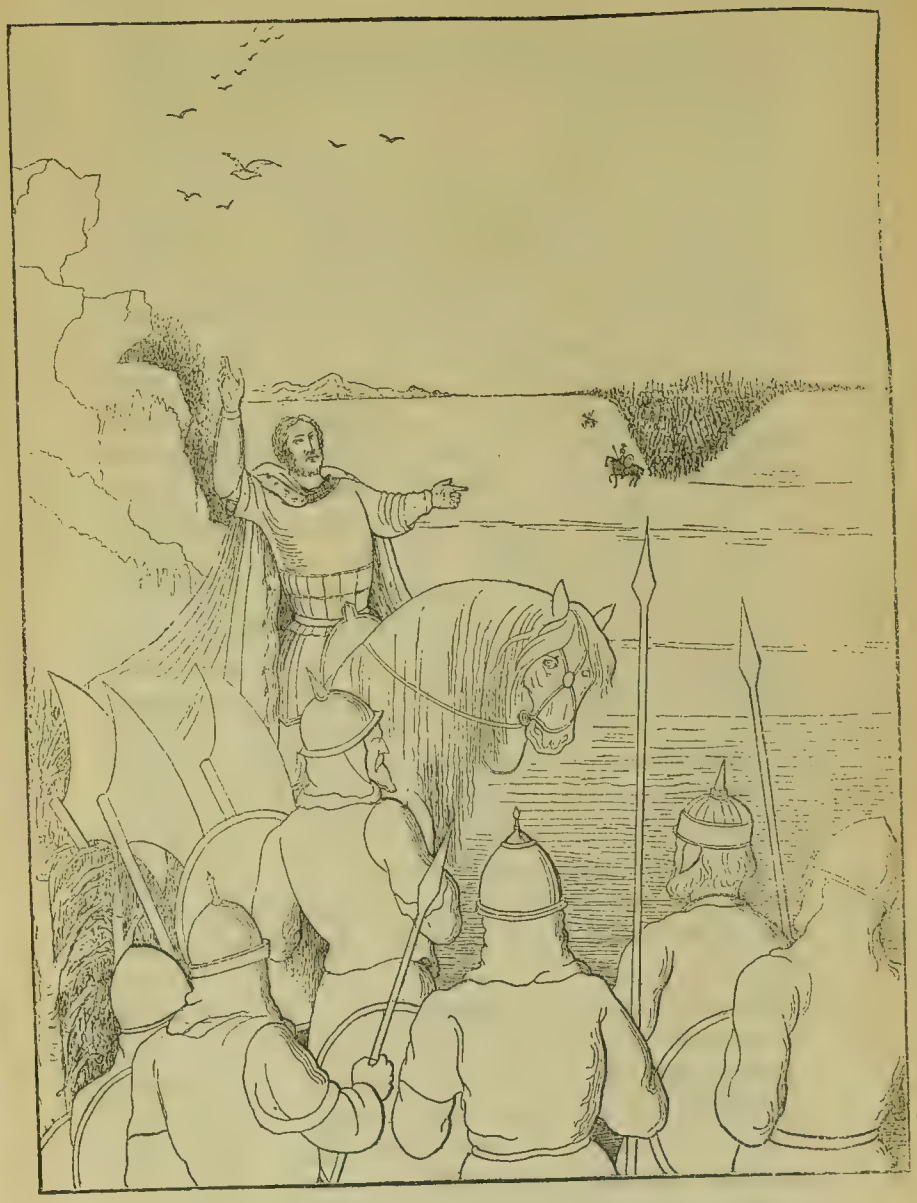
Чтобы понять и оцѣнить должнымъ образомъ важное значеніе побѣды Александра Невскаго надъ нѣмцами, необходимо вспомнить разсказы латышскихъ лѣтописцевъ о храбрости и непобѣдимости нѣмецкихъ рыцарей (т.-е. конныхъ воиновъ), о невозможности сопротивляться этимъ воинамъ въ желѣзныхъ шлемахъ и латахъ, а также о многихъ ихъ жестокостяхъ. По словамъ латышскихъ лѣтописцевъ, случилось однажды, что одно изъ злѣйшихъ литовскихъ племенъ, Корси, напало на сосѣднее племя Ливи и, опустошивъ его владѣнія, возвращалось съ богатой добычей, ведя съ собою множество плѣнныхъ. Одно изъ литовскихъ племенъ.—Зимгола, желая наказать злое племя Корси, обратилось за помощью къ нѣмцамъ, къ ливонскимъ рыцарямъ. Этихъ воиновъ въ желѣзныхъ шлемахъ и латахъ, въ панцыряхъ и съ обнаженными увѣсистыми мечами, пришло на помощь къ литовцамъ небольшое число, но къ нимъ пристали многіе латыши. Всѣ они отправились въ погоню за злымъ племенемъ Корси; но едва настигли злобную литву, Зимголи не знали—куда дѣться отъ страха, не смѣли даже и приступить къ многочисленному непріятелю. А небольшое

число нѣмецкихъ рыцарей, блистая на солнцѣ желѣзными шлемами и латами, панцырями и огромными мечами, неустрашимо понеслись впередъ и навели такой ужасъ на непріятелей, что тѣ безъ боя пустились бѣжать. Тогда уже и Зимголи вслѣдъ за предводителями своими обратились на бѣгущихъ: ихъ рѣзали, какъ барановъ. Побѣда была полная: самъ главный князекъ и другіе многіе изъ предводителей злобной Литвы были перебиты. Нѣмцы раздарили ихъ головы латышамъ, и они ихъ увезли съ собою на память; а отбитые тотъ разъ плѣнники оказались „некрещеною Ливью“: ихъ всѣхъ нѣмцы изрубили тутъ же на мѣстѣ.

Вотъ съ какими воинственными и мужественными, жестокими и немилосердными врагами пришлось тогда имѣть дѣло Александру Невскому, вступившему въ борьбу съ нѣмцами. Вѣсть о занятіи Пскова новгородскимъ войскомъ подняла всю Ливонію; стража Александрова спѣшила увѣдомить князя о движеніи нѣмцевъ и ихъ многочисленныхъ полчищъ. Нѣмецкіе рыцари хвалились, что болѣе не допустятъ *выситься словенскому языку надъ нѣмецкимъ*, и разомъ, однимъ ударомъ, сокрушитъ всю ратную силу русскихъ, виновника же своихъ неудачъ за послѣднее время, „Александра, живого возьмутъ руками“. Слышно было, что изъ Риги самъ бискупъ (т.-е. епископъ) уже выступилъ съ своими полками, а изъ Вендена и Феллина шло все сборище нѣмецкихъ рыцарей (это сборище извѣстно подъ именемъ Ливонскаго ордена); говорили еще, что и одинъ изъ королей, шведскій или датскій, прислалъ имъ отъ себя помощь. Александръ не захотѣлъ отсиживаться въ городѣ осадой, а испросивъ у Бога милости въ Троицкомъ соборѣ, самъ вышелъ изъ стѣнъ

Пскова навстрѣчу нѣмцамъ. Отряды, высланные забираться кормомъ въ окрестностяхъ и состоявшіе изъ псковичей, наткнулись на нѣмецкіе полки и потерпѣли пораженіе при защитѣ одного моста, при чемъ иные попались въ плѣнъ, а другіе легли костьми, и въ числѣ ихъ храбрый Домашъ Твердиславичъ, братъ посадника. Этотъ первый успѣхъ сдѣлалъ нѣмцевъ еще смѣлѣе. Нѣмецкіе рыцари со всей силой своей земли смѣло пошли впередъ и сильно начали тѣснить передовые полки Александровы; но Александръ не смутился отъ этого напора непріятелей и, какъ искусный военачальникъ, закаленный въ битвахъ, желая сосредоточить свои войска и разстроить движенія, отступилъ на Чудское озеро. Нѣмцы и чудь бросились вслѣдъ за нимъ, думая уже торжествовать побѣду; но князь Александръ внимательно наблюдалъ за всѣми движеніями непріятелей и, улучивъ удобный моментъ, вдругъ остановилъ свои полки и, расположивъ ихъ на Чудскомъ озерѣ, около урочищъ Узменя и Воронья камня, рѣшилъ вступить въ битву. Былъ мартъ на исходѣ и уже апрѣль на дворѣ, но зима стояла суровая. Псковское озеро было сплошь покрыто крѣпкимъ льдомъ, и вся окрестность бѣлѣла снѣгомъ. Нѣмцы пришли къ Чудскому озеру „со всѣмъ множествомъ языки ихъ“, тутъ была „вся власть ливонская“; привели они съ собою и всѣ подвластныя племена; великая нѣмецкая ратная сила сошлась къ Псковскому озеру.

Но на этотъ разъ и Русь была не малочисленна; подошли еще новые полки изъ Новгорода; въ ту же пору и великій князь Ярославъ Всеволодовичъ не оставилъ безпомощнымъ своего сына, — въ это самое время подоспѣли владимирскіе полки, приведенные младшимъ Александровымъ братомъ, Андреемъ, и была великая радость по случаю



Ледовое побоище.

соединенія новгородской рати съ владимирской. И стало тогда у Александра „множество войска, множество храбрыхъ“, и всѣ радовались быть подъ его воеводствомъ.

— Не намъ, Господи, а имени Твоему дай славу! — ободрялъ невскій герой своихъ воиновъ, осматривая многочисленные русскіе полки. — Какъ Самъ Богъ помогъ нѣкогда моему великому пращуру Ярославу противъ Святополка Окаяннаго; не помянетъ же и мнѣ моихъ грѣховъ: подастъ намъ свою помощь.

— Князь честный, всѣ готовы за тебя лечь!.. князь нашъ дорогой, приспѣло время положить намъ за тебя свои головы! — отвѣчали въ одинъ голосъ воины, сильно воодушевленные рѣчью своего любимаго вождя.

Памятная битва на Чудскомъ озерѣ произошла 5 апрѣля 1242 года, на разсвѣтѣ, съ субботы на воскресенье; и прослыла эта битва, по силѣ и по множеству бившихся съ обѣихъ сторонъ, побоищемъ, а по мѣсту, гдѣ происходила, на льду Чудскаго озера,—ледовымъ побоищемъ.

Александръ Невскій всѣхъ одушевилъ и всѣхъ ободрилъ еще и передъ самой битвой.

— Суди, Боже, и разсуди насъ съ горделивымъ врагомъ! — сказалъ русскій князь, взглянувъ на небо.— Не дай намъ потерпѣть отъ языка велерѣчиваго.

Сказавъ такъ, онъ перекрестился; таковая же молитва была на устахъ и у всѣхъ воиновъ. По словамъ древне-русскаго лѣтописца, „и бысть ту сѣча зла и велика; трусъ (т.-е. сотрясеніе) отъ ломленія копій и звукъ отъ сѣченія мечей были, будто море, взломавши ледъ, двинулось льдинами своими“.

Нѣмецкіе рыцари яростно наступали на Русь и грозно воодушевляли свирѣпыя финскія и ли-

товскія племена. А сами рыцари, гордясь по обыкновенію военнымъ искусствомъ, врѣзывались въ напиравшіе на нихъ Александровы полки тѣмъ острымъ клиномъ, который въ насмѣшку имъ русскіе звали „свинымъ рыломъ“ или попросту „свиньею“; рыцарямъ удалось даже пробиться сквозь одинъ изъ нихъ. Но побѣда уже была рѣшена: Александръ Невскій ударилъ на непріятелей сбоку, ихъ обогнули еще и съ тыла, всѣ ихъ рати замѣшались: „дали плечи свои на посѣченіе, и не бѣ имъ камо утещи“ (т.-е. убѣжать).

Нѣмцевъ гнали и били на протяженіи семи верстъ; свыше четырехсотъ знатныхъ рыцарей было тутъ изрублено мечами, полста взято въ плѣнъ. Ужасная сѣча продолжалась съ ранняго утра до поздняго вечера; весенній ледъ Чудскаго озера покрылся кровью. Гордые рыцари, закованные въ крѣпкія брони, рѣщились во что бы то ни стало пройти сквозь густые полки Александровы, и, дѣйствительно, они прошли, но, къ великому своему ужасу, вмѣсто ожидаемаго ими разстройства въ русскихъ полкахъ, они, нѣмцы, увидали передъ собою снова замкнувшіеся ряды воиновъ, стоявшихъ живой стѣной и сверкающихъ оружіемъ, дымящимся кровью ихъ собратій. Полнымъ пораженіемъ нѣмецкихъ рыцарей и ихъ союзниковъ окончилась битва на Чудскомъ озерѣ, извѣстная въ исторіи подъ именемъ „Ледоваго побоища“.

Эта битва привела въ ужасъ многихъ жителей нѣмецкихъ городовъ Ливоніи и осѣнила Александра, виновника побѣды, новой славой. По словамъ нашихъ лѣтописцевъ, „слава великаго князя Александра Невскаго стала распространяться по всѣмъ странамъ, отъ моря Варяжскаго

(т.-е. Балтійскаго) и до моря Понтскаго (т.-е. Чернаго), и до горъ Араратскихъ, и по ту сторону моря Варяжскаго, и до Великаго Рима".

Новгородцы долго вспоминали побѣду надъ нѣмцами на Чудскомъ озерѣ съ чувствомъ народной гордости, и еще въ концѣ XVI вѣка всенародно молились въ храмахъ объ упокоеніи своихъ собратій, павшихъ въ Ледовомъ бою.

Начальникъ нѣмецкихъ рыцарей, прибѣжавъ во-свояси съ немногими изъ нихъ, трепеталъ уже за участь Риги и цѣлой Ливоніи,—спѣшилъ отправить посольство въ Данію, умоляя короля „спасти Рижскую Богоматерь отъ нечестивыхъ рутеновъ" (т.-е. русскихъ).

Когда Александръ Невскій, одержавъ побѣду надъ нѣмцами, приблизился къ Пскову, всѣ жители этого города, во главѣ съ духовенствомъ, которое несло хоругви, кресты и иконы, вышли къ нему навстрѣчу. При полкахъ шли толпами въ великомъ множествѣ плѣнные финскаго племени. А нѣмецкихъ рыцарей вели подлѣ коня Александрова, и они шли, потупивъ головы: всѣ глядѣли въ землю.

Городъ торжественно гудѣлъ колоколами всѣхъ своихъ церквей и кремлевскимъ вѣчевымъ колоколомъ Троицкаго собора. Тамъ—у гробницы св. Всеволода-Гавріила, сродника своего, Александръ горячо благодарилъ Бога за одержанную побѣду. Изъ Пскова со славой великой онъ возвратился и въ Новгородъ. Туда вскорѣ пришли послы отъ нѣмецкихъ рыцарей съ поклономъ и отъ имени всѣхъ нѣмцевъ просили такъ:

— Что мы зашли (т.-е. взяли) мечомъ Псковъ, Водь, Лугу, Летголу, мы отъ всего того отступаемся; а что изымали въ полонъ мужей вашихъ, тѣми размѣняемся; мы вашихъ пустимъ, а вы на-

шихъ пустите, и псковской полонъ (такъ они называли силою забранныхъ заложниковъ) отпустимъ же весь.

На только что изложенныхъ условіяхъ былъ заключенъ русскими миръ съ нѣмцами, и плѣнные съ обѣихъ сторонъ отпущены на свободу.

Слухи о доблестныхъ подвигахъ Александра Невскаго стали распространяться на всемъ Западѣ. Въ Римѣ не могли не обратить особеннаго вниманія на сѣвернаго русскаго князя: славное имя побѣдителей нѣмецкихъ рыцарей съ тѣхъ поръ уже хорошо знали въ Римѣ.

Въ то время, какъ нѣмецкое посольство вело мирные переговоры съ новгородцами, Александръ съ своей дружиной и новгородскими полками воевалъ съ литовцами. Стараясь быть грознымъ для этихъ враговъ, невскій герой въ отношеніи къ нимъ держался прежнихъ правилъ: мужественно защищать свое, но не присвоивать чужого и не распространять своихъ владѣній даже на счетъ непріятелей, полудикихъ, жившихъ грабежомъ. По словамъ нашихъ лѣтописцевъ, въ тотъ же годъ (въ 1242 г.), когда были разбиты нѣмцы на льду Чудскаго озера, Александръ совершилъ нѣсколько походовъ на литовцевъ; свои нападенія на этихъ враговъ онъ совершалъ съ такой быстротой и такъ искусно, что однажды за одинъ походъ разбилъ семь литовскихъ ратей, при чемъ избилъ множество ихъ воеводъ, или князьковъ, а также многихъ взялъ въ плѣнъ, такъ что съ этого времени литовцы стали больше прежняго бояться имени Александра. Побѣда надъ литовцами при Усвятѣ (близъ города Витебска) покрыла его имя новою славой, а у Литвы на семь лѣтъ отбила охоту дѣлать набѣги на новгородскія владѣнія.

VI.

Прозваніе „князя-миротворца“ Александръ Невскій заслуживалъ особенно за свои мирныя отношенія къ татарской ордѣ. Въ Ордѣ были довольны послушаніемъ и повиновеніемъ,—однимъ словомъ, вѣрноподданствомъ старика-отца его, Ярослава Всеволодовича, и до поры, до времени не требовали раболѣпства отъ его сына; втайнѣ хвалясь еще такимъ молодцомъ-княземъ и любуясь его побѣдами, въ Ордѣ премудро умалчивали до времени о неподчиненіи Александра, безъ надобности не возбуждали о томъ и рѣчи.

Такъ продолжалось до самой смерти Ярослава Всеволодовича; тогда лишь Александръ Ярославичъ получилъ приглашеніе явиться въ Орду. За совѣтомъ, ѣхать ли ему къ Батыю, онъ обратился къ ростовскому епископу Кириллу, который отличался благочестіемъ и котораго Александръ почиталъ за премногую его добродѣтель. Св. старецъ убѣдилъ благовѣрнаго князя не бояться убивающихъ тѣло, сказавъ ему:

— Ужъ если непремѣнно приключится, пострадди, какъ добрый воинъ Христовъ!

Въ Ордѣ Александра Невскаго приняли съ необычайной лаской. Тамъ всѣ помнили, какъ въ иныхъ случаяхъ бываютъ тверды русскіе князья, не забыли еще мученичества черниговскаго князя Михаила; къ тому же прибытіе Александра польстило дряхлѣвшему Батыю. Онъ не только не велѣлъ „нудить (т.-е. принуждать) его поклоненіемъ солнцу и огню“, а повелѣлъ, чтобы всѣ ему воздавали честь еще неслыханную дотолѣ и небывалую при пріѣздѣ русскихъ князей; въ довершеніе всего, самъ хвалилъ его во всеуслышаніе

передъ своими ближними и ставилъ его въ образецъ своимъ вельможамъ. Тѣмъ не менѣе, однако, какъ его брату Андрею, такъ и самому Александру, обоимъ велѣно было ѣхать на Амуръ, въ Монголію, на поклонъ къ великому хану.

Вдвоемъ отправились они въ нѣдра Монголіи къ „обладателю вселенной“. Вспоминая во время дороги страданія покойнаго отца—Ярослава, которыя онъ долженъ былъ вынести, проходя на старости лѣтъ безводныя пустыни и песчаныя степи, Александръ Невскій не забывалъ священныхъ завѣтовъ своего отца: не нарушать мирныхъ отношеній къ Ордѣ. Путешествіе въ пріамурскую столицу, туда и обратно, брало полтора года слишкомъ.

Относительно великокняжескаго стола—въ Ордѣ послѣдовало такое татарское рѣшеніе: „Да будетъ великимъ княземъ Александръ Невскій и *глава всѣмъ*.

Какъ извѣстно, подчиненіе Россіи Риму было всегда завѣтной мечтой римскихъ папъ. Такъ и теперь, послѣ неоднократныхъ побѣдъ русскаго князя надъ шведами, нѣмцами и литовцами, римскій папа хотѣлъ склонить на свою сторону князя Александра льстивыми обѣщаніями. Такъ, въ 1248 году, могущественный папа Иннокентій IV, разсыпаясь въ похвалахъ русскому князю, предложилъ ему свою помощь противъ татаръ, если только князь и народъ вступятъ подъ сѣнь ихъ церкви.

Чего, казалось бы, лучше нужно было тогда Россіи? Не пріятно ли было для нея освободиться отъ несноснаго ига татарскаго? Но не такъ думалъ боголюбивый князь и съ нимъ православный русскій народъ. „Вѣра, — думали они, — должна быть для православнаго человѣка дороже всего на свѣтѣ, дороже свободы, дороже жизни“.

Однажды римскій папа прислалъ къ великому князю Александру пословъ. Послы, вручивъ ему папское посланіе, говорили князю:

— Такъ говоритъ папа: „мы слышали о тебѣ, что ты славный и дивный князь, и земля твоя велика. Поэтому мы послали къ тебѣ изъ числа 12 кардиналовъ двухъ мудрѣйшихъ, Галда и Гемонта, чтобы ты послушалъ ученія нашего".

Посовѣтовавшись съ своими мудрецами, великій князь Александръ Ярославичъ, громко воскликнувъ, сказалъ имъ въ отвѣтъ:

— Отъ Адама до потопа, отъ потопа до раздѣленія народовъ, отъ раздѣленія народовъ до Авраама, отъ Авраама до перехода евреевъ чрезъ Чермное море, отъ исхода сыновъ Израилевыхъ до кончины царя Давида, отъ начала царства Соломона до царя Августа, отъ начала правленія Августа до Рождества Христова, до Его страданій и воскресенія, отъ воскресенія до вознесенія на небо, до воцаренія Константина Великаго и до перваго собора и до седьмого — все мы хорошо знаемъ, а вашего ученія не примемъ.

Послы возвратились во-свояси. Такъ отвѣчалъ благовѣрный Александръ на льстивыя предложенія римскаго папы; такъ глубоко преданъ былъ онъ вѣрѣ отцовъ, вѣрѣ православной!

Въ 1250 году явился въ Новгородъ народный любимецъ, герой Александръ, съ честью и великой радостью былъ встрѣченъ новгородцами. Вскорѣ послѣ того, доблестный князь тяжко заболѣлъ, такъ что многіе опасались за его жизнь. Всѣ съ тревожнымъ участіемъ слѣдили за ходомъ болѣзни: храмы съ утра до вечера были наполнены людьми всѣхъ сословій, горячо молившихся о выздоровленіи князя. По словамъ древне-русскаго лѣтописца, Господь услышалъ молитвы народныя

и продлилъ дни жизни великому князю Александру. Тотчасъ по выздоровленіи, неутомимый труженикъ поспѣшилъ снова приняться за дѣла правленія.

Коварные замыслы младшаго брата Невскаго, Андрея Ярославича, освободить русскую землю отъ татарскаго ига — были неуспѣшны. Его дядя, Святославъ Всеволодовичъ, пожаловался хану Сартаку, сыну престарѣлаго Батыя, что Андрей не совсѣмъ покорный князь. Разгнѣванный этимъ доносомъ, Сартакъ въ 1252 году приказалъ двинуть противъ Андрея татарскія полчища подъ начальствомъ ордынскаго царевича Невргоя. Легкомысленный Андрей, подъ вліяніемъ своихъ „малоумныхъ совѣтниковъ“, рѣшился сразиться съ татарами, но, какъ и надобно было ожидать, потерпѣлъ пораженіе и едва убѣжалъ.

Во время Невргоева нашествія Александръ Невскій находился въ Ордѣ, и отъ того же Сартака, управлявшаго Ордою вслѣдствіе дряхлости отца его, получилъ ярлыкъ на великое княженіе владимирское. По возвращеніи изъ Орды давно желаннаго гостя во Владимирѣ приняли съ великой радостью и торжествомъ. Не только владимирцы, но и жители другихъ городовъ сошлись для торжественной встрѣчи великаго князя; по словамъ лѣтописца: „бысть радость велика во Владимирѣ и во всей землѣ Суздальской“.

Митрополитъ Кириллъ со всѣмъ духовенствомъ и народомъ, съ иконами и хоругвями, вышли и встрѣтили князя за Золотыми Воротами. Отъ Золотыхъ Воротъ шествіе направилось въ Кремль, въ соборный храмъ Богородицы, гдѣ, послѣ посаженія на царевъ престолъ, горячо молился съ своимъ народомъ Александръ Ярославичъ о дарованіи Божіей помощи и силъ на новые и болѣе

трудные подвиги, чтобы Всевышній на дѣла его ниспослалъ Свое благословеніе.

И народъ не обманулся въ своихъ надеждахъ, возлагаемыхъ на новаго князя владимирскаго. Первой заботой его было загладить слѣды татарскаго Неврюева погрома. И, дѣйствительно, въ великомъ княженіи скоро водворились тишина и спокойствіе; люди, испуганные нашествіемъ Неврюя, „возвратились въ домы, земледѣльцы — къ плугу и священники—къ алтарямъ“; всюду чувствовалась могучая рука державнаго хозяина.

Въ 1256 году шведы попытались было снова отнять у Новгорода Финское побережье и стали строить крѣпость на рѣкѣ Наровѣ. Но при одномъ слухѣ о приближеніи Александра съ суздальскими и новгородскими полками — шведы удалились. Чтобъ отбить охоту у шведовъ отъ всякихъ завоевательскихъ попытокъ и видовъ на Россію, Александръ Невскій совершилъ походъ въ шведскія владѣнія, въ страну Еми (нынѣшнюю Финляндію), подвергнувъ ее опустошенію.

Такъ побѣдоносно отражалъ Александръ враговъ въ западной границѣ, но совершенно иначе этотъ доблестный князь относился къ своимъ восточнымъ врагамъ — татарамъ.

Сдѣлавшись великимъ княземъ владимирскимъ, Александръ Ярославичъ сталъ такимъ же оборонителемъ русской земли отъ татаръ, какъ ранѣе отъ шведовъ и нѣмцевъ, но, примѣняясь къ обстоятельствамъ, онъ на востокѣ дѣйствовалъ иначе, чѣмъ на западѣ. Имѣя дѣло съ восточными врагами, съ татарами, великій князь владимирскій Александръ главной задачей своей дѣятельности полагалъ, съ одной стороны, — сдерживать безполезныя возстанія своихъ подданныхъ противъ татаръ, а съ другой — внѣшней покорностью передъ

Св. Александръ въ Ордѣ.

ханомъ, доставить всевозможныя льготы русской землѣ.

Мудрый Александръ, являясь въ то тревожное время лучшимъ представителемъ князей-миротворцевъ, ясно понималъ, что сопротивляться силой великой Ордѣ было еще не время, что лучшее спасеніе отъ „Божьяго бича“, монгольскаго владычества, заключается въ благоразумной уступчивости. Благодаря такой благоразумной политикѣ и умѣнью ладить съ татарами, дальновидный Александръ могъ спасти русскую землю отъ полнаго ея разоренія.

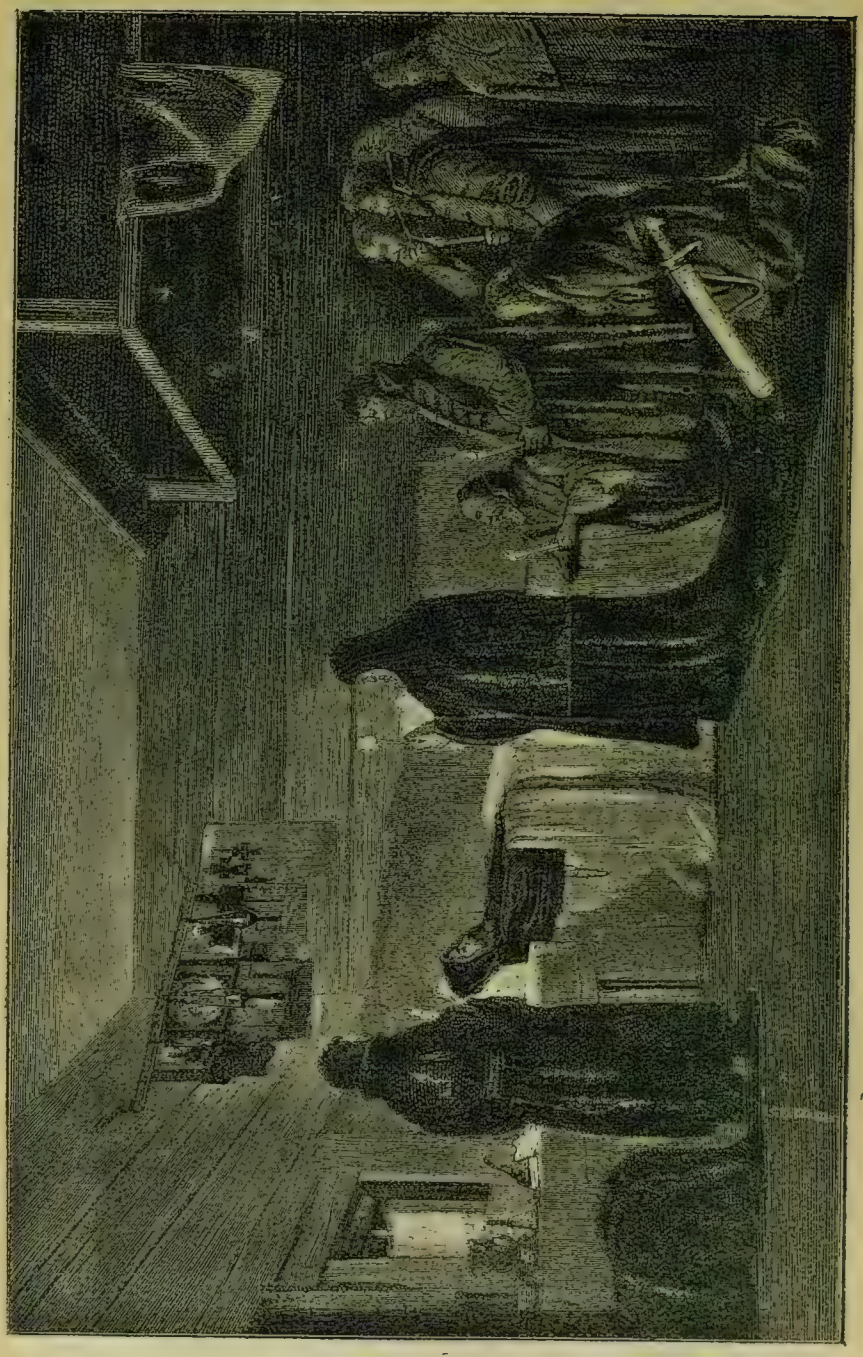
Въ продолженіе недолголѣтняго своего княженія благовѣрный князь Александръ Невскій пять разъ путешествовалъ въ Золотую Орду съ ходатайствами о возможномъ облегченіи ненавистнаго русскому народу ига, въ случаѣ же неудачи, готовый, по заповѣди Христа Спасителя, положить душу свою за други своя,—за дорогое свое отечество.

Громкая воинская слава предшествовала доблестному князю по пути къ великому хану монгольскому; народная молва сдѣлала русскаго князя настолько грознымъ, что его именемъ татарскія матери даже стращали дѣтей, говоря имъ: „Молчи,— великій князь Александръ ѣдетъ!“—когда нужно было чѣмъ-нибудь утишить ихъ крики и слезы или же остановить ихъ шалости.

Когда русскій князь прибылъ въ ставку монгольскаго хана, татарскіе жрецы потребовали отъ него поклоненія солнцу и огню предъ представленіемъ къ хану Батыю.

— Я — христіанинъ,— безстрашно отвѣчалъ Александръ татарскимъ властямъ:— и мнѣ не подобаетъ кланяться твари, а я кланяюсь Творцу всего.

— Смерть ему! — завопили жрецы и уже готовились къ звѣрскому убійству, но были остано-



Кончина святого Александра Невскаго.

влены приказомъ Батыя, который повелѣлъ не принуждать русскаго князя къ исполненію обрядовъ.

Вступивъ въ ханскую ставку и поклонившись самодовольному хану, Александръ Невскій мужественно произнесъ:

— Тебѣ поклоняюсь, царь, потому что почтилъ тебя царствомъ Самъ Богъ; твари же не стану кланяться, потому что оно создано для человѣка. Я служу единому Богу, Его чту и Ему поклоняюсь.

— Правду говорили мнѣ, — замѣтилъ тогда Батый, обратясь къ своимъ вельможамъ и похваливъ мужество невскаго героя, — что нѣтъ подобнаго ему князя!

Съ честью и дарами отпустилъ Батый князя Александра, освободивъ на первый разъ русское духовенство отъ податей.

Особенно важное и вообще для Россіи значеніе имѣло четвертое путешествіе неизмѣннаго труженика и печальника земли русской въ 1257 году. Еще наканунѣ этого года явился въ нашу страну отъ хана Берки сановникъ Уловчій объявить распоряженіе хана о дани. Александръ послалъ ему дары и самъ ѣздилъ къ нему въ Нижній-Новгородъ, чтобы лично переговорить о предстоявшихъ Россіи налогахъ и народной переписи.

Въ самый же 1257 годъ, во время переговоровъ съ самимъ великимъ ханомъ монгольскимъ, много пришлось Александру Невскому порадѣть о благѣ родной земли; много нужно было тогда показать ему и мудрости и силы воли, чтобы сохранить вѣру православную въ ея цѣлости и неприкосновенности и устранить вмѣшательство Орды во внутреннее управленіе нашей страны, и черезъ то дать Россіи возможность собраться съ силами къ

сверженію съ себя татарскаго ига! Отъ мудрости и умѣнья дальновиднаго Александра вести дѣла съ татарами много зависѣла будущая судьба Россіи.

По окончаніи всѣхъ переговоровъ и по возвращеніи великаго князя въ отечество, зимою 1257 года прибыли численники и изочли „всѣ земли—суздальскую, и рязанскую, и муромскую, и поставиша десятники, и сотники, и тысящники, и темники, и отъидоша въ Орду, чтобы донести хану объ успѣшномъ исполненіи возложеннаго на нихъ порученія".

Какъ только разнеслись слухи среди новгородцевъ о намѣреніи татаръ произвести у нихъ такую же перепись для обложенія жителей поголовно данью, какая была произведена татарскими численниками въ земляхъ суздальской, муромской и рязанской,— начались волненія, бурныя вѣча (т.-е. народныя собранія), въ которыхъ много и горячо говорилось въ защиту независимости Новгорода Великаго и противъ позорнаго ига — платежа дани Ордѣ. Даже самъ князь, сынъ Александра Невскаго, Василій, по неопытности и легкомыслію, увлекшись внушеніями мятежниковъ, былъ на сторонѣ новгородцевъ, не хотѣвшихъ платить тагли и десятины. За это Александръ отправилъ сына своего Василія въ Суздальскую землю, а неразумныхъ его совѣтниковъ подвергъ строгому наказанію. На мѣсто же Василія онъ поставилъ княжить другого сына своего — Димитрія. Только черезъ годъ, въ 1259 году, благодаря мудрому вліянію и рѣшительному образу дѣйствій Александра, новгородцы опомнились и заявили разгнѣванному на нихъ князю, что они согласны допустить перепись. Молча, но со злобой въ душѣ, смотрѣли граждане Новгорода, какъ „начаша окаянніи (т.-е. татары) ѣздить по улицамъ, пишуще домы христіанскіе".

Спокойно окончивъ исчисленіе Новгорода, татарскіе численники удалились, предоставивъ новгородцамъ права вносить подати или прямо хану, или черезъ великаго князя.

Когда, въ началѣ 1262 года, ханъ замѣнилъ своихъ сборщиковъ податей откупщиками-хивинцами, называемыми лѣтописцами „бесерменами“ (оттуда происходитъ простонародное ругательное слово „басурманъ“), то, вслѣдствіе обидъ и насилій, примѣняемыхъ этими „бесерменами“ мирнымъ жителямъ селъ и городовъ, произошли народныя волненія въ городахъ Владимирѣ, Суздалѣ и Ростовѣ. Когда же въ Ордѣ узнали о таковомъ возстаніи русскаго народа противъ татарскихъ сборщиковъ податей, то русской землѣ стало угрожать нашествіе монгольскаго полчища, которое намѣревалось съ огнемъ и мечомъ пройти владѣнія русскихъ князей.

Тогда великій заступникъ земли русской, Александръ Невскій, поручивъ всѣ дѣла правленія сыну своему Димитрію, поспѣшилъ въ Орду къ хану, чтобы отмолить людей отъ бѣды. Предъ своимъ отправленіемъ въ Орду, Александръ Ярославичъ, послѣ горячихъ молитвъ и трогательнаго прощенія съ родными, обратился къ своей дружинѣ съ такими словами: „Служите сыну моему, какъ самому мнѣ, всѣмъ животомъ своимъ“. Осенью 1263 года онъ возвращался изъ Орды съ радостною вѣстью о помилованіи ханомъ монгольскимъ жителей Владимира, Суздаля, и Ростова... Но тяжкіе труды и душевныя страданія, испытанныя имъ въ теченіе всей жизни, подломили его крѣпкое отъ природы здоровье... Чувствуя приближеніе смерти, князь, по влеченію сердца своего, во всю жизнь стремившагося къ Богу, принялъ постриженіе въ монашество и схиму съ именемъ Алексія.

Перенесеніе Петромъ I мощей св. Александра Невскаго въ Петербургъ.

Когда совершился обрядъ постриженія, блаженный страдалецъ за русскую землю, пріобщившись св. таинъ и трогательно простившись съ своими родными, 14 ноября 1263 года, 43 лѣтъ отроду, тихо предалъ свою чистую душу въ руки Божіи.

Владимирскій митрополитъ Кириллъ, во время богослуженія, молясь о благополучномъ возвращеніи великаго князя, внезапно былъ пораженъ необычайнымъ видѣніемъ: предъ нимъ, какъ живой, но озаренный неземнымъ сіяніемъ, великій князь Александръ Невскій... „тихо, какъ бы возносясь на крыльяхъ ангельскихъ, удаляясь вверхъ, скрылось отъ очей святителя „подобіе образа блаженнаго великаго князя Александра“.

Митрополитъ понялъ, что доблестнаго защитника отечества не стало, и слезы закапали изъ глазъ старца; съ трудомъ сдерживая душившія его рыданія, онъ сказалъ: „Чада моя милая, знайте, что зашло солнце земли русской!“

Народъ сначала не понялъ словъ святителя. Тогда митрополитъ добавилъ: „Благовѣрный великій князь Александръ нынѣ преставился!“

Слезы и рыданія народа прервали рѣчь святителя; всѣ поняли горькій и роковой смыслъ словъ его и въ одинъ голосъ закричали они: „Мы погибаемъ“.

Во время отпѣванія тѣла, рыданія народныя были настолько велики, что заглушали даже пѣніе погребальное; самое пѣніе прерывалось отъ слезъ и рыданій пѣвцовъ. По словамъ древнерусскаго лѣтописца: „И бысть плачъ великій, и кричаніе, и туга, якоже нѣсть таково бывало“.

Наша православная Церковь 23 ноября воспоминаетъ славное преставленіе св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго.

Когда прошло 117 лѣтъ послѣ блаженной его кончины, во Владимирѣ, въ обители Рождества Пресвятой Богородицы, въ тиши ночного уединенія, близъ гроба Александрова, съ 7 на 8 сентября 1380 года (въ этотъ годъ произошла знаменитая Куликовская битва: русскіе подъ предводительствомъ Димитрія Донского одержали побѣду надъ татарами), благочестивый инокъ горячо молился Богу, прося заступничества св. благовѣрнаго князя въ тяжелой борьбѣ съ ненавистными притѣснителями отечества (т.-е. татарами). И вотъ инокъ видитъ: у гробницы его (т.-е. Александра Невскаго) зажигаются свѣчи сами собой; къ ней подходятъ два свѣтозарныхъ старца и говорятъ: „Александре, востани и спаси правнука твоего Димитрія, одолѣваемаго иноплеменниками!“ Св. Александръ всталъ, и всѣ стали невидимы... Дивное видѣніе это происходило въ ту достопамятную ночь, когда великій князь московскій, Димитрій Іоанновичъ, готовъ былъ вступить въ бой съ полчищами Мамая.

Инокъ повѣдалъ видѣніе святителю; святитель разсказалъ о немъ великому князю. Послѣ благополучнаго окончанія достопамятной Куликовской битвы, святитель съ освященнымъ соборомъ немедленно отправился во Владимиръ, гдѣ съ молитвой приступили къ могилѣ Александра и раскопали ее. Тѣло блаженнаго князя послѣ 117 лѣтъ оказалось нетлѣннымъ.

„Въ чувствѣ глубокаго умиленія (такъ разсказываетъ лѣтописецъ — современникъ Димитрія Донского) и благоговѣнія предъ судьбами Всевышняго, прославляющаго угодниковъ Своихъ, митрополитъ положилъ тѣло святого въ ракѣ поверхъ земли“. Многіе больные получали чудесное исцѣленіе у мощей благовѣрнаго князя Александра

Невскаго: разслабленные возстановлялись силами, хромые укрѣплялись ногами, и слѣпые получали зрѣніе.

Въ царствованіе императора Петра Великаго, по окончаніи войны со шведами, на берегахъ рѣки Невы была основана славная нынѣ Александро-Невская лавра, а 30 августа 1724 года, въ день освященія храма св. Троицы въ Невскомъ монастырѣ, совершилось туда перенесеніе мощей благовѣрнаго князя Александра.

Императрица Екатерина I въ 1725 году учредила, согласно съ волею великаго своего супруга (т.-е. Петра I), кавалерскій орденъ св. Александра Невскаго — одинъ изъ самыхъ высшихъ наградъ за заслуги отечеству.

Императрица Елизавета Петровна соорудила св. покровителю города С.-Петербурга новую серебряную великолѣпную раку и учредила 30 августа ежегодно совершать крестный ходъ изъ Казанскаго собора въ Александро-Невскую лавру.

Императрица Екатерина II пожелала воздвигнуть въ Невской лаврѣ новый, достойный хранящейся святыни, соборный храмъ во имя св. Троицы. Въ 1760 году постройка зданія величественнаго собора была окончена. 30 августа, послѣ торжественнаго освященія его, сюда перенесены были святыя мощи Александра Ярославича Невскаго, гдѣ и донынѣ онѣ почиваютъ.

КОНЕЦЪ.

1851

ВЪ КНИЖНЫХЪ
МАГАЗИНАХЪ
ТОВАРИЩЕСТВА

И. Д. СЫТИНА

въ

Москвѣ,
С.-Петербургѣ,
Кіевѣ,
Варшавѣ,
Одессѣ,
Воронежѣ,
Екатеринбургѣ,
Харьковѣ,
Ростовѣ на/Д.,
Иркутскѣ,
Нижегородской
ярмаркѣ.

Продаются

слѣдующія книги

по русской исторіи:

1. *Народные герои древней Руси.*
2. *Любимая княгиня русскаго народа— Св. Ольга.*
3. *Князь Владиміръ Святой.*
4. *Первые князья-миротворцы.*
5. *Ярославъ Владиміровичъ Мудрый.*
6. *Владимірскій князь Андрей Боголюбскій.*
7. *Великій князь Дмитрій Ивановичъ Донской.*
8. *Преподобный Сергій Радонежскій*
9. *Иванъ Даниловичъ Калита.*
10. *Московскіе святители: Петръ, Алексій, Іона и Филиппъ.*
11. *Царь Иванъ Васильевичъ Грозный.*
12. *Любимый воевода русскаго народа—князь М. В. Скопинъ-Шуйскій.*
13. *Князь Пожарскій.*
14. *Любимый бояринъ русскаго народа— Никита Романовъ.*

* * * * * * * *

Цѣна 30 коп.

ГПБ Русский фонд
38.64.3.8.